
Мстислава Чёрная
Леди
исправляет
прошлое

Леди исправляет прошлое
Мстислава Чёрная

Аннотация
Мстислава Чёрная. Леди исправляет прошлое
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Эпилог

Аннотация

Поверила ловеласу, отдалась, и он разрушил твою жизнь? Вернись в прошлое по Тропе над Вечностью, исправь ошибку юности. Но знай, что эхо запрещённого ритуала услышит лорд с тёплыми карими глазами. Кем он станет — врагом, второй ошибкой или любовью? И не забудь, что ловелас не только рядом, но и уверен, что ты его.

Мстислава Чёрная
Леди исправляет прошлое

Глава 1

Передо мной стоит мужчина, разрушивший мою жизнь.

Я помню наше первое свидание так ярко, будто оно было только вчера. Я влюбилась, безоглядно доверилась, отдалась без остатка, но в его руках я стала не драгоценной жемчужиной, как мне мечталось, а глупой бабочкой, которой сперва оторвали крылья, а теперь и вовсе собираются размазать по земле тяжёлым каблуком.

— Лоуренс..., — склоняю я голову к плечу.

Нет, я не жду милости. Моя наивность осталась в прошлом. Как и чувства. Я просто смотрю в его голубые как небо глаза, окидываю взглядом с головы до ног. Светло-золотистые кудри по-прежнему тугие, а вот лицо располнело и хранит следы обильных возлияний. Очарование юности пропало, но Лоуренс, надо признать, по-прежнему статный красавец.

Когда-то я позволила ему увести себя на тайное свидание в залитый лунным светом сад, потом было ещё одно свидание на балконе и напугавший меня поцелуй. А потом Лоуренс Гельдерн

убедил меня, что благопристойность в высшем свете это не больше, чем игра и мишура, что близость между любящими сердцами естественна, что он возьмёт на себя ответственность.

Через три месяца я плохо себя почувствовала, и, ничего не поняв, обратилась к целителю, а тот, как преданный слуга, сообщил о моём положении хозяйке дома. Грянул домашний скандал. И Лоуренс… в тот же день сказал мне, что должен срочно уехать по неотложным делам. Но обещал прислать кольцо и предложил на время, чтобы скрыть точную дату родов, перебраться в земли его рода.

Я помню растерянность, с которой его провожала, помню обиду — мне хотелось красивой свадьбы, а не соблюдения формальности, но кольцо доставил поверенный, он же в присутствии хозяйки надел его мне на палец, задвинув до упора весьма болезненно. Ободок брачного артефакта тотчас потеплел и сжался, сел как влитой. Я помню, как несмотря на обиду улыбнулась и почувствовала себя счастливой новобрачной, а много позже, прибыв в родовые земли, узнала, что стала супругой не того Гельдерна.

Мой палец сдавливало кольцо не Лоуренса, а его… двоюродного деда. Да-да, я стала женой

старика.

Одно хорошо — как женщина я мужу была не интересна, и моё увлечение Лоуренсом его ни капли не беспокоило. “Будьте благодарны за то, что вам позволено здесь жить, и не докучайте”. Старик, ставший моим мужем желал одного — чтобы я не попадалась ему на глаза.

Мне бы хоть тогда понять, прозреть, но… Я потеряла ребёнка, и Лоуренс был единственным, кто вытирал мои слёзы, врал, что всё наладится, что мой брак не помеха нашему счастью. Позже, когда я ему окончательно наскучила, он переключился на молоденькую горничную. Первое прозрение…

Покидать дом мне, естественно, не разрешалось, и моим спасением стали книги, благо дверь библиотеки спокойно открывалась прикосновением брачного кольца, дополнительных разрешений не требовалось. Тогда же пришло время второму прозрению — из книг я узнала, что именно брачное кольцо не позволило моему ребёнку родиться.

— Давно не виделись, Юджин, — Лоуренс улыбнулся мягко, сладко, как в самом начале наших отношений.

Впору подумать, что он снова собирается за-

тащить меня в постель, но сомневаюсь — по его меркам я уже перестарок, хотя мы ровесники с разницей в полтора года.

Нет, он здесь не ради горизонтальных утех. Ему что-то понадобилось от меня, как бы странно это ни звучало. Я что-то упускаю?

Позавчера старик скончался, похороны завтра. Я была уверена, что меня отправят в монастырь. Отправили бы раньше, просто никому не было до меня дела, дни я проводила в выделенной мне комнате в боковом крыле и только рано утром, когда господа спят, я выбиралась либо в библиотеку, чтобы поменять книги, либо в сад подышать свежим воздухом, размять ноги.

— Давно, — соглашаюсь я.

— Я скучал, — он проводит по моей щеке, а меня внутри передёргивает от отвращения.

Но я усилием воли подавляю подступившую к горлу тошноту, заставляю себя остаться на месте и даже улыбнуться в ответ. Пусть верит, что я прежняя влюблённая дура. Я должна понять, что ему понадобилось. И как его хотелки отразятся на моих планах.

Я не бабочка с оторванными крыльями, нет. Я гусеница, которая съела гнилой капустный лист, промаялась животом, но теперь выздоровела и

вот-вот возродится.

Лоуренс — слава Небесам! — отстраняется, обходит стол и вольготно разваливается на кожаном кресле.

— Юджин, прощание с Хранителем дома не может быть небрежным. Ты, как вдова, должна мне помочь, и сразу после похорон я заберу тебя отсюда. Наконец-то всё наладится, и мы будем вместе.

Он правда считает, что я поверю?

— Заберёшь?! — в полное радостной надежды восклицание я вкладываю все свои невеликие актёрские способности. — Конечно же, я сделаю всё, что нужно, Лоуренс. Чем я могу тебе помочь?

— Юджин, не беспокойся, организую я всё сам. Единственное, чего я не могу сделать самостоятельно, это провести церемонию Освещения пути.

— О-освещения?! — я сглатываю.

Хах, оказывается, я по-прежнему наивна. Встретить старость в монастыре? Меня собираются умертвить уже на этой недели.

Суть церемонии в том, что вдова спускается в склеп. С ней оставляют кувшин воды, немного поминальной пищи и масляную лампу, горение которой вдова должна поддерживать три дня

и три ночи, тем самым освещать супругу путь в Чертоги Белогорья. Через трое суток склеп открывают и… укладывают почившую несчастную в саркофаг к супругу. Женщины умирают не от голода и жажды, а банально задыхаются от нехватки свежего воздуха.

— Да, — кивает Лоуренс. — Не думай о плохом, Юджин. Естественно, как только приглашённые разойдутся, я открою дверь.

Смешно.

Но меня… устраивает.

— Хорошо, — улыбаюсь я. — Тогда я вернусь в свою комнату, чтобы не мешать, а завтра сделаю всё, как ты говоришь. Я так рада, что наконец-то счастливое время наступает!

— Иди, Юджин, — позволяет Лоуренс, и я торопливо покидаю кабинет.

Ещё немного, и я бы потеряла самообладание. Глубоко вдохнув, я медленно выдыхаю, разжимаю стиснутые в кулак пальцы.

Разбивать об блондинистую голову напольную вазу мне совершенно не нужно — обретение свободы дороже сиюминутного удовольствия от хорошего удара. Нет-нет, я как та гусеница, тихо живу, тихо жую, тихо продвигаюсь к своей цели.

Брачное кольцо.

Оно главная причина моего затянувшегося страдания.

О побеге я задумалась давным давно, как только немного пришла в себя после осознания своей грандиозной ошибки. Возвращение в высший свет для меня закрыто, но я бы могла затеряться в провинции, выдавая себя за простолюдинку. Побег казался лучшим выходом из западни, и я собрала дорожный мешок, но ни перебраться через границу родовых земель Гельдерн, ни выйти через ворота не смогла — кольцо не пустило.

И только сейчас, со смертью старика, кольцо потеряло часть свойств, оно больше не сидит так плотно, и я могу его сдвинуть, могу… снять.

Беда в том, что побег по-прежнему невозможен, магия меня не выпустит, а кольцо — это мой доступ в библиотеку, так что потерплю его на пальце ещё немного.

И именно в библиотеку я сворачиваю, прикладываю печатку к замку. Магия впервые срабатывает с запозданием, и дверь открывается тяжело, словно нехотя. Я прокрадываюсь внутрь, оглядываюсь, плотно закрываю за собой дверь.

Тишина…

Ну да, сегодня господам точно не до книг.

Почувствовав себя увереннее, я углубляюсь в

лабиринт стеллажей. Поначалу я хватала всё подряд, забивала пустоту в душе экономикой, историей искусств, юриспруденцией. Читала лишь бы читать, лишь бы отгородиться хлипкой стеной из букв от терзающей сердечной боли. Уже позже я научилась ориентироваться в сотнях тысяч томов, выбирать со смыслом и нашла закрытую комнату с особой коллекцией.

Что может быть интереснее практического руководства по запрещённой тёмной магии? В книгах я нашла подсказку, как мне спастись. Зачем разбивать голову о стены, когда магия подарит иной путь?

Дверь в потайную часть библиотеки скрыта за старым гобеленом. Изображение выцвело, потемнело от старости. Нижний край обветшал настолько, что нити уже расползаются. Гобелену давно нужен реставратор, однако изображение до сих пор “читается”. На полотне некая леди Гельдерн собственноручно казнит прикованного к позорному столбу тёмного мага. Я завожу ладонь под изображение, касаюсь печаткой крошечного углубления, с трудом прощупываемого под грубой тканью.

Ничего не происходит.

Я надавливаю сильнее. Кольцо едва заметно

теплеет, и дверь тяжело уступает. Я протискиваюсь в щель. Дверь тотчас возвращается на место. Изнутри она, кстати, тоже спрятана за гобеленом — та же леди, но уничтожает уже другого мага.

Комнатка относительно небольшая, стеллажи стоят тесно, превращая её в игрушечный лабиринт. Часть книг и вовсе хранится в сундуках и, увы, к ним у меня доступа нет, чтобы открыть замки, брачного кольца не хватает. Хотела бы я приобщиться к скрываемым в сундуках сокровищам…

Так, не время. Не надо быть жадной гусеницей — от переедания и лопнуть можно.

Большой сундук стоит вплотную к стене, сверху ещё два помельче. Кажется, за десяток лет к ним ни разу не притрагивались, разве что пыль смахивали. И это хорошо. Потому что между сундуком и стеной я втиснула тонкий рукописный дневник в кожаной обложке. Хранить его в своей комнате я опасалась, устраивать тайник тоже. А здесь, в углу, относительно надёжно. Дело в том, что дневник… фонит тьмой. Я украла его из коробки ритуальной мелочовки, принадлежашей младшей жрице культа Даро. Мелочевку уничтожили, пропажу не заметили. Однако рано или поздно тьму бы всё равно почуяли, но не в щели

за сундуком, скрывающим куда более тёмные фолианты.

Опустившись на четвереньки, я подцепляю обложку шпилькой. Вытащить дневник я не успеваю. Я вдруг слышу шаги, и почти сразу раздаётся ворчливый бас:

— Какая пылища.

У меня сердце в пятки проваливается. Я вскакиваю, кручу головой. Сейчас меня не видно за стеллажами, но…

— Могло быть и хуже, — безразлично откликается… Лоуренс.

Это его голос, вряд ли я ошибаюсь.

Снова шаги.

Я прижимаюсь к стеллажу и радуюсь, что не успела извлечь дневник. Лоруренс нет, а вот второй лорд Гельдерн мог бы заметить тёмные колебания. Хах, хоть бы он ограничился осмотром пары стеллажей. Ниш нет. Под шкаф — слишком низкие — не закатиться, наверх не залезть. Куда мне спрятаться?!

Одиночные шаги. Скорее всего, у двери остался Лоуренс, а значит шанс выскочить наружу стремительно тает, а шаги второго лорда приближаются. Ещё немного, и либо он повернёт в мой “коридорчик”, либо я, в тщетной попытке

нырнуть за стеллаж, наткнусь на Лоурнса.

— Хм..., — раздаётся бас, снова шаги. — Хм, некоторых книг не хватает.

Глава 2

Как он заметил?! Я в ужасе.

Спина покрывается холодным потом, я зажмуриваюсь. Если меня поймают сейчас, то это… конец, настоящий конец. Мне не позволят сделать то, что я собираюсь. Хорошо, хоть книги, которые я утащила в комнату, подсказки им не дадут. Сердце бешено колотится.

Лорд медлит. Он остановился и, видимо, рассматривает полки.

— Не хватает? — удивляется Лоуренс. — Почему вы так думаете, дядя?

— Лоуренс…, — вздыхает старший лорд. — Взгляни внимательнее.

Я слышу сопение.

Короткое молчание, и Лоуренс сдаётся:

— Дядя?

— На второй полке книги стоят не так плотно, как на соседних, Лоуренс. Неужели не видишь, что кто-то вытащил с полки довольно толстый фолиант, а затем сдвинул остальные тома так, чтобы свободное место не бросалось в глаза. Кто это был, Лоуренс? В доме завелась крыса?

— Дядя…

Снова шаги.

Я прячусь за торец стеллажа. На моё счастье Лоуренс топает за дядей. Можно подумать, что дверь свободна. Я бы выскочила, но брачное кольцо теперь капризничает, могу не успеть, поэтому стою и прислушиваюсь к шагам. Дядя Лоуренса продолжает обход:

— Здесь тоже не хватает книги.

Сейчас он свернёт к сундукам, а я шмыгну в уже осмотренный “коридорчик”. Тихонечко ползу…

— Я подниму списки, дядя.

— Тише. Ты не слышал, Лоуренс?

— Что, дядя?

Задержав дыхание, я дрожу от грохота собственного сердца, и мне кажется, оно стучит набатом на всю библиотеку. В глазах начинает темнеть, а грудь словно обручем сдавливает, но я терплю, и тихо-тихо выдыхаю лишь когда слышу успокаивающее “показалось”.

Гельдерны — династия воинов света, у них не отнять — они умеют находить затаившихся жертв. Моё счастье, что дядя Лоуренса больше управленец, чем боец.

— Показалось…, — тянет лорд и задумчиво добавляет. — А списки, Лоуренс, я подниму сам.

Тебе не до них, на тебе траурный церемониал. И, знаешь… Добавь в масло для лампы смесь сонника и кучанки. Пусть огонь горит без забот вдовы. Окажем ей последнюю милость сладкого сна, переходящего в вечный. Никогда мне не нравилась эта тихоня. Кто знает, что у неё на уме?

— Да она просто дура, дядя.

— Ты меня услышал, Лоуренс? Не заставляй её ждать смерти, я хочу, чтобы она погасла прежде, чем завтрашнее солнце склонится к закату.

— Сделаю, дядя.

Я наивно думала, в моём распоряжении часы…

После прощания в храме саркофаг с покойным переносят в склеп, и вдова зажигает лампу прилюдно. Милый дядя собрался потравить всю родню? Нет, смесь сонника и кучанки не действует быстро, не причиняет вреда в малых дозах, разве что кто-то пожилой или ослабевший после болезни почувствует усталость, но на улице им сразу полегчает. Хах, к чему думать о них? Я зажгу лампу, и меня запрут, замуруют. Как бы быстро я ни погасила лампу после ухода свидетелей, отрава останется витать в воздухе.

Шаги.

— Сундуки не тронуты. Как думаешь?

— Заперты, дядя.

Лорд странно усмехается.

Почуял дневник?!

— Кто бы мог подумать, что в доме завелась крыса.

Я не крыса, лорд, я гусеница.

Шаги отдаляются.

Лорды уходят? Радоваться, увы, рано. Дядя Лоуренса, новый Хранитель дома, слишком уж чуткий и продуманный. Я не сомневаюсь, что он прикажет меня проверить. В лучшем случае. В худшем — сразу, на упреждение, пошлёт успокоительных капель. Вдова скончалась вслед за мужем от горя — разве не так бывает в сентиментальных сказках о любви?

Нет уж, раз не получится свободно действовать под надёжным прикрытием стен склепа, играю на опережение. Рискованно. А как иначе?!

Убедившись, что лорды ушли, я возвращаюсь к сундуку. Пальцы подрагивают. А вдруг новый Хранитель дома вернётся? Ну… тогда глупую гусеницу раздавят. Я решительно выдёргиваю дневник и замираю, озарённая сумасшедшей идеей — а что если два ритуала совместить?! Я самоучка, да ещё и хватала знания из доступных книжек — слишком много в моей голове пробелов, нет стройной системы. Совместить ритуалы

действительно хорошая идея?

На сомнения времени нет.

Раскровив палец, я вывожу на обложки запирающую руну. Нескольких капель слишком мало, чтобы удерживать тьму долго, но долго мне и не нужно, хватит и четверти часа. Я прячу дневник под платье. Коснувшись щеки, я ощущаю жар. Наверное, я вся красная. Только дурак не поймёт, что меня лихорадит.

Отсидеться и успокоиться? Нет, выползаю.

Перед гобеленом я всё же робею. Меня не отпускают страхи, что по ту сторону я нарвусь на лорда или кого-то из его подчинённых, но здравый смысл подсказывает, что чем дольше я тяну, тем больше вероятность, что придёт доверенный человек сличать книги и списки.

Я просовываю руку под изображение казни тёмного мага, прижимаю кольцо к выемке. Приходится не просто надавить, а чуть ли не всем телом навалиться. Дверь сопротивляется, но удача сегодня на моей стороне, и мне удаётся сперва выбраться в зал, а затем незамеченной покинуть библиотеку.

В коридоре никого.

Прибавив шагу, я всё же не забываю про осторожность, однако… Похороны завтра. Съехались

Гельдерны, прибыли выразить соболезнования представители других родов, даже какой-то из принцев вроде бы представляет корону, старшие жрецы в сопровождении свиты из младших появились ещё вчера, всюду снуют слуги. Разве есть шанс не нарваться?

Большинству до меня нет никакого дела. Многие даже не понимают, кто я такая, но не обращают внимания. Мало ли из какой я боковой ветви слишком раскидистого семейного древа?

Я иду.

От траурного зала, где покоится тело старика — каждый новоприбывший отдаёт почившему дань уважения — меня отделяет лестница и гостиная. Остаётся преодолеть спуск, короткое расстояние до двустворчатых дверей. Совсем чуть-чуть.

— О? — откуда-то сбоку до меня доносится бас, который я ни с каким другим не спутаю. — Леди Гельдерн? Я слышал, вы заперлись в комнатах и скорбите по супругу. Куда же вы направляетесь, леди?

Новый Хранитель слишком быстр. Седовласый подтянутый мужчина с отеческой улыбкой и злыми глазами не просто встаёт у меня на пути, но и крепко берёт под локоть. Со стороны его

жест может выглядеть трогательной заботой о горюющей родственнице, но я чувствую крепкую хватку стального капкана.

Можно умереть от ужаса? Я смотрю на лорда Гельдерна… Нет, нельзя показывать, что я чего-то боюсь, хотя поздно, конечно, об этом думать. Оправдать страх предстоящей церемонией? Иного на ум не приходит.

— Л-лорд, — заикаюсь я.

— Леди, вам дурно? — с заботой продолжает он и тянет меня к ближайшему креслу. — Присядьте, леди. Сейчас я налью вам воды.

И отравы. Я достаточно узнала нового Хранителя, чтобы понять — никакого завтра уже не будет, лорд Гельдерн примет меры прямо сейчас. У такого человека как он, во внутреннем кармане должно быть несколько пузырьков с видами яда на все случаи жизни.

— Нет, то есть, да… не беспокойтесь. Я спустилась поклониться супругу. Хотя между нами не было семейного тепла, лорд защитил мою честь, дал мне своё имя и никогда не обидел.

Достаточно правдоподобно?

Едва ли Хранитель верит.

Он силой усаживает меня в кресло, отходит к угловой тумбочке. На ней графин с водой в окру-

жении хрустальных стаканов. Лорд берёт один, наливает воду, а затем из внутреннего кармана достаёт пузырёк из тёмного стекла.

Я ведь не смогу не выпить, да? Разбить бокал не решение.

Но раз лорд капает пахнущую валерианой тёмную тягучую жидкость открыто и также открыто подаёт мне, можно быть уверенной, что яд не действует моментально. Приняв бокал, я медлю, принюхиваюсь. Сильная валериана маскирует запах жжёного пера и нотку ванили. Именно такое сочетание мне однажды попалось. Название у яда затейливое “Десять тысяч ударов сердца”. У меня будет около получаса? Отлично, мне хватит.

Залпом выпив воду, я опускаю хрусталь на широкий деревянный подлокотник.

— Спасибо, лорд. Мне стало легче, — мне действительно легче, то ли валериана успокоила, то ли осознание неизбежного конца. — Я поклонюсь мужу.

— Да, леди, — улыбается мой убийца и даже галантно помогает встать.

Вниз не провожает, по лестнице я спускаюсь одна, крепко вцепившись в перила. Ощущения странные — у меня леденеют кончики пальцев

ног, и это явно действие яда. Кажется, у меня несколько меньше времени, чем полчаса.

Я вхожу в траурный зал.

Покойный, облачённый в парадный мундир, устроен на постаменте в подушках полулёжа-полусидя, горят свечи. Кроме меня никого. Улыбнувшись, я быстро сдёргиваю с себя пояс и связываю ручки двустворчатых дверей — так себе защита, но хоть что-то.

Пальцы на ногах онемели, и холод поднимается вверх по стопам.

Не отвлекаясь, я вытаскиваю из лифа дневник, стираю с обложки запирающую руну, а затем отбираю у супруга ритуальный клинок. Есть что-то забавное в том, что оружие, благословлённое в светлом храме будет использовано для тёмной магии крови. Я рассекаю на ладони кожу и заливаю дневник алым.

— Тринки каи вену! — шепчу я.

Холодно…

Ну же! Я добавляю порез.

Что-то начинается, будто набирает обороты невидимое колесо.

Страницы словно оживают, откликаются на мой призыв шелестом и покрываются следами тлена. Пятна густеют, расползаются. Чернота

будто пожар обугливает страницы, и дневник в моих руках рассыпается в прах. Порыв ветра поднимает песчинки, кружит, и постепенно вихрь обретает сходство с женским силуэтом.

Передо мной без сомнения тень младшей жрицы.

— Тш-ш-ш… — выдыхает она.

Одновременно по ту сторону кто-то дёргает дверь.

Холод достиг колен, и я хватаюсь за постамент, чтобы не упасть.

Есть надежда, что дверь попытался открыть кто-то из младших Гельдернов, мало ли, очередной выражатель соболезнования явился. Младший не будет ломиться, он отступит и начнёт разбираться по-тихому, подарит лишние пару минут.

— Приветствую, жрица, — я склоняю голову.

Тень обретает ещё больше сходства с женской фигурой, но так и остаётся безликой.

— Говори…, — шепчет она.

— Я знаю, что твою душу отдали Свету. Я призвала тебя, чтобы освободить и попросить об услуге.

Дверь снова дёргают, настойчивее. А яд течёт по венам быстрее, сердце бьётся чаще.

— Говори…, — повторяет она.

Это можно расценивать как согласие?

— Благослови меня и одновременно… прокляни, — прошу я.

— Ш-ш-ш?

Один отшельник написал занудный трактат о Времени и Безвременье. До сих пор удивляюсь, как я смогла продраться через мозгодробительный текст и не вернула книжку недочитанной. По мнению отшельника Безвременье пусто и вечно, соприкасаться с ним не рискуют даже боги, но я не богиня, мне терять нечего. Какая разница, проведу я в Бездне вечность, провалюсь на тысячу лет в прошлое, попаду в далёкое будущее или смогу пройти по краю? Чертог Смерти по легенде уступом нависает над Безвременьем, и по самому краю пропасти вьётся зыбкая тропа. Чуть оступись, и Безвременье поглотит тебя, но мне достаточно десяти шагов, и есть способ помочь себе — то самое двойственное благословение-проклятие. Проклятье будет толкать меня в пропасть, а благословение — тянуть к Чертогам. Пока две силы противостоят друг другу, я сохраню равновесие.

— Я знаю, что делаю, — заверяю я жрицу, хотя это не так.

— Услуга за услугу, — соглашается она, и её фигура тотчас распадается.

На меня обрушивается вихрь из колких песчинок, наваливается Тьма, а сердце отбивает последние удары. Живой на Тропу всё равно не ступить…

Из последних сил я выкрикиваю:

— Ми либери ля Воже'Темпо виво, морто каи ла магио дель ля Гелдерн фамио! — призываю я.

Ключом к тропе послужат моя угасающая жизнь, смерть супруга и брачный артефакт, заключающий родовую магию. Яд добирается до сердца. Наверное, грохот, ударяющий по ушам — это удары створок о стену. Почуяв тёмную волшбу, бойцы света пришли. Но слишком поздно. Тропа откликнулась на мой призыв и ковровой дорожкой разворачивается под ногами, траурный зал гаснет.

Если у меня не получится, если я всё же провалюсь в Безвременье или останусь в Вечных Чертогах, то меня будет согревать последняя шутка — я буду в красках представлять, как светлые Гельдерны объяняют жрецам, как допустили тёмный ритуал прямо в траурном зале. Свидетелями неизбежно станут представители других родов, принц.

Темнота душит, тропа уходит из-под ног.

— Юджин, вам дурно?

Я открываю глаза и вижу чёрное небо, полную луну и склонившегося надо мной Лоуренса. Молодого.

Глава 3

Вернулась!

Я вер-ну-лась! Сердце бешено бьётся, но я чувствую разницу, это не заполошное трепыхание, а биение жизни. Я хватаю воздух и прикрываю глаза. Колени предательски подрагивают.

— Юджин, — зовёт Лоуренс.

Мне не на что жаловаться, но почему я вернулась именно в то мгновение, где он рядом, а?

Последнее, что я помню — как я выкрикиваю слова призыва и падаю, а двустворчатые двери распахиваются. Воспоминаний о Тропе над Бездной у меня не осталось, но, можно не сомневаться, я прошла заветные десять шагов.

— Юджин, тебе плохо? Тебя что… прокляли?!

Вздрогнув, я испуганно распахиваю глаза.

Лоуренс сосредоточенно хмурится, водя раскрытой ладонью у меня перед лицом. Я вяло отмахиваюсь и пытаюсь сесть прямее. Забудем на время про поломанную жизнь. Лоуренс не только любитель женщин и вина, походя ломающий чужие судьбы в угоду сиюминутному удовольствию, он ещё и сын рода Гельдернов,

как и все они прошедший клановое обучение и умеющий распознавать тьму, которой от меня сейчас разит.

Вернуться в прошлое, чтобы тотчас отправиться под нож — глупее не придумаешь.

— Какое проклятие? О чём ты? — удивлённо улыбаюсь я. — Голова немного закружилась. Наверное, мне стоит отдохнуть…

Впервые вижу его настолько собранным, деловитым.

Так, какой сегодня день и где мы? Балкон я уже узнала — мы в летней герцогской резиденции. В восемнадцать я стала компаньонкой младшей дочери его светлости, продержалась недолго, с позором вышвырнута замуж. Определить время сложнее — я уже согласилась на близость или ещё нет? А, не важно. Главное, что кольцо не сдавливает палец.

— Я ясно ощутил дуновение тьмы, — возражает Лоуренс и касается моей щеки.

— Откуда тьме взяться в резиденции его светлости? — притворно удивляюсь я, с трудом сдерживая тошноту от его прикосновения. — Может быть, тебе показалось?

Лучше бы он со мной согласился, но Лоуренс качает головой.

Плохо…

С его подачи Гельдерны начнут тщательное расследование. Вот я попала.

Голова ещё кружится, но я поднимаюсь.

— Юджин, — Лоуренс подхватывает меня под локоть точь-в-точь как его дядя. — Это очень серьёзно.

— Брось, Лоуренс. Какое проклятье? Обычное недомогание. Но чтобы ты не волновался, я завтра схожу в храм, обещаю.

Почему он так сверлит меня взглядом? Я веду себя подозрительно? Надеюсь, пока нет.

— Юджин.

— Я пойду, Лоуренс, — перебиваю я и тру указательным пальцем висок, будто у меня началась мигрень. — Доброй ночи.

К счастью, он не пытается меня удержать, отпускает локоть, и я нетвёрдой походкой покидаю балкон. Слабость одолевает, но я держусь. Мне бы до комнаты добраться, и я приму меры, чтобы себя защитить. А начать можно с запирающей руны прямо здесь, в коридоре.

Оглянувшись, я убеждаюсь, что Лоуренс меня не преследует. Он никогда не провожал меня, даже после нашей первой близости, когда я особенно нуждалась. Одного сейчас не понимаю, как

я могла в него влюбиться?! Я отстёгиваю брошь и булавкой прокалываю подушечку пальца. Выступает тёмно-рубиновая капля. Я ещё раз оглядываюсь и поспешно оттягиваю лиф платья, вывожу на коже спасительную закорючку.

Приколов брошь обратно, я пережидаю очередной приступ лёгкого головокружения и упрямо ползу в выделенную мне спальню.

Время от времени я притормаживаю, чтобы убедиться, что Лоуренс за мной не следует. В коридоре тихо, раздаются лишь мои шаги, и сквозит из неплотно закрытой двери балкона. Дойти — принять меры — и упасть в кровать, забыться сном, чтобы завтра со свежими силами отправиться в храм.

Будет трудно, но я справлюсь.

Я благополучно добираюсь до лестницы, где спотыкаюсь об ступеньку. Коленки предают, и я лечу носом вперёд. Я успеваю подумать, что шишка на лбу вызовет пересуды и сплетни, очень нежелательные в моём щекотливом положении.

И внезапно оказываюсь в крепких объятиях, перед лицом тёмно-бордовый бархат камзола и белизна рубашки с жёстким воротником-стойкой. Я поднимаю взгляд выше, и медленно приходит осознание, что от падения меня удер-

жал молодой лорд, чуть старше меня, ровесник Лоуренса.

Я с трудом вспоминаю, что его лицо мне знакомо. Рядом с ярко-слащавым, кукольно-красивым белокурым Лоуренсом, он смотрелся настолько безлико и серо, что я никогда не задерживала на нём взгляд, а сейчас, уткнувшись в молодого лорда буквально носом, я вдруг с недоумением осознаю, что у него удивительно тёплые карие глаза.

— Леди Юджин? — хрипло окликает он меня.

— Л-лорд…

Как его зовут?! Я… не помню. А ведь должна знать. Однако за годы в тюрьме Гельдернов его имя стёрлось из моей памяти. Удивительно, что я вообще сообразила, кто он такой — один из гостей резиденции, не имеющий с герцогом кровного родства.

Он почему-то бросает взгляд мне за спину.

Лоуренс вылез?! Вроде бы, нет…

Я ясно читаю в глазах лорда сомнение.

Мне бы встать и ползти в свою комнату, однако слабость буквально валит с ног.

— Леди Юджин, вам дурно?

— Лёгкое недомогание, лорд, — я бы предпочла соврать, что я в полном порядке, но лорд не сле-

пой. — Мне стоит вернуться к себе. Прошу меня извинить.

— Я провожу вас к целителю, леди.

Что?!

— Нет, лорд, — от испуга аж сил прибавляется, и я резко отстраняюсь. — Мне не нужна помощь целителя. Благодарю за заботу…

Вместо того, чтобы идти по своим делам дальше — откуда он вообще здесь взялся?! — он вдруг сокращает и без того крошечное расстояние между нами и уверенно подхватывает меня на руки.

— Л-лорд? Что вы…

— Простите мою вольность, леди, — перебивает он, — но раз вы отказываетесь от помощи целителя, я должен быть уверен, что вы благополучно вернулись в свою комнату.

Слов нет…

Сопротивляться ни малейшего желания. Вырываться сейчас глупо — шум привлечёт ненужное внимание, и прежде всего, оно не нужно мне самой. А в комнату нужно. А ещё… это первый раз, когда обо мне заботятся. Я опускаю взгляд и принимаюсь с нарочитым интересом разглядывать попавшую в поле зрения пуговицу. Не знаю, откуда во мне внезапно вспыхивает дух противоречия, но пусть лорд не рассчитывает,

что я подскажу, куда меня нести! Ему придётся сдаться у входа в “дамское” крыло.

Напряжение постепенно отпускает, а лорд несёт меня с такой лёгкостью, будто я пушинка. Ну да, я же воздушная бабочка, а бабочки лёгкие, иначе как их поднимет ветер? Нос щекочет чуть горьковатый аромат сандала. Его парфюм? Приятный запах.

Лестница кончается, и лорд с прежней лёгкостью шагает по коридору, а я ловлю себя на том, что опустила голову ему на плечо и вообще мне на удивление спокойно и уютно.

Если подумать, я впервые в жизни у кого-то на руках, не считая младенчества, конечно. Когда-то я мечтала, что Лоуренс будет тем, кто подхватит меня и перенесёт через порог спальни, опустит на увитое цветами брачное ложе…

— Леди Юджин? — лорд будто подслушав, опускает меня.

А?!

Постель?!

Я узнаю свою комнату.

— Вы! — как он посмел войти в спальню незамужней леди?!

И… откуда он знает, где именно меня поселили?! Он усмехается, но как-то беззлобно,

совершенно не обидно, и под его усмешкой запал моего возмущения гаснет. У меня получается только моргать.

— Вижу, вам лучше, — улыбается он.

Да, мне действительно лучше.

— Вы…, — повторяю я.

— Доброй ночи, леди Юджин.

Лорд, чьего имени я так и не могу вспомнить, отступает на шаг и, развернувшись, скрывается за ширмой, отделяющую кровать от основного пространства комнаты. Я слышу как тихо закрывается дверь.

Ха…

Что это было? И я не только про заботу лорда. Что он забыл ночью на лестнице? Лоуренс, звал меня на тайные свидания раз в несколько дней, и я хорошо знаю, что поздним вечером в коридорах безлюдно. Конечно, изредка на кого-то наткнёшься. Впрочем, мне удавалось избегать опасных встреч, и странно, что я нарвалась сразу же после возвращения. Хотя… Слабость только сейчас отпускает. Когда я лежу, ага. Перевернувшись на бок, я дотягиваюсь до графина на прикроватной тумбочке и делаю несколько глотков прямо из горлышка.

Так. Та-ак…

Понимая, что при удаче всей моей грандиозной авантюре с Тропой, мне нужно будет действовать незамедлительно, план я продумала в мелочах и поход в храм учла. Я стягиваю платье через голову, следом — нижнюю сорочку, остаюсь в одних панталонах и чулках. Перво-наперво я, экономя воду, смываю запирающую руну. Очень не хочется светить тьмой, но руна, увы, помешает.

Есть инициированные тёмные, а есть, как я, "запачкавшиеся". В тёмную магию я окунулась с головой, но всё же инициированной тёмной не стала. Я снова колю палец и выступившей каплей крови рисую над пупком руну очищения и сразу за ней руну привлечения чистой энергии. Я собираюсь смыть с себя остатки прокляться-благословения, смыть эхо Вечного Чертога, смыть следы призыва.

Магия крови слаба, признана неэффективной, полузабыта. Но для меня она идеальна, особенно в своей простоте, и я чувствую, как руна теплеет. Правда, почти сразу за теплом приходит боль. Чистая энергия, притянутая магией, обжигает, опаляет саму душу. Я шиплю сквозь стиснутые зубы и мысленно считаю до десяти. Десяти достаточно — я стираю руну энергии, оставляю одно очищение. Можно выдохнуть, расслабиться. Нет,

нельзя. Потому что в плане у меня, как оказалось, дыра…

Я предполагала, что очнусь утром в своей постели, “проснусь”. В книгах, по которым я ориентировалась, были намёки, что смерть по своей сути ближе всего ко сну. Ага, только вот обморок похож на смерть ещё больше, чем сон. Я не учла. К счастью, ничего фатального.

Хах, кого я обманываю? Расследование Гельдернов грозит катастрофой. Но эту катастрофу я могу предотвратить. По крайней мере попытаться предотвратить.

Изначально я собиралась стереть малейший намёк на соприкосновение с тьмой, но это будет слишком подозрительно.

Раз Лоуренс убеждён, что мне стало дурно из-за тёмной магии, значит след проклятья должен быть. Пусть Лоуренс подтвердит свои подозрения и ищет виновника. На меня подумают в последнюю очередь. Надеюсь…

Я смываю руну очищения и вместо неё вывожу руны, которых в изначальном плане не было — “тьма” и “проклятье”. Их я держу недолго — причинять себе вред по-настоящему я не собираюсь, мне нужны следы. Хватит того, что голова вновь кружится.

Меня настигает пугающая до дрожи мысль — а что если Лоуренс заподозрил не только проклятье, но и благословение?! Нет, пусть Лоуренс и прошёл подготовку, у него нет ни опыта, ни таланта. К тому же, заподозри он благословение, не отпустил бы меня с таким безразличием.

Всё равно страшно… Свернуться бы под одеялом, а лучше нырнуть в крепкие объятия лорда с тёплыми карими глазами, чьего имени я не могу вспомнить, почувствовать себя под защитой… Это как я до такого бреда дофантазировалась?! С ума сойти. Нет, мужчины мне точно не нужны. В Бездну их! Усталость берёт своё, и я забираюсь под одеяло. Только вот, засыпая, я никак не могу избавиться от видения тёплых карих глаз.

Что он делал на лестнице? Я обязательно разберусь.

Глава 4

Утро встречает меня щебетом птиц и ярким светом, льющимся в не зашторенное вчера окно. Я приподнимаюсь на локте. Чувствую себя не заново родившейся, а старой развалиной. Во рту сухо и, ухватив графин, я допиваю остатки воды. Видимо, с руническим проклятьем я вчера перестаралась.

Хотя слабость отступила, в ушах звон, но в целом я твёрдо стою на ногах и не шатаюсь.

Сколько времени? Час горничных, наверное? Служанки начинают уборку с рассветом, чтобы завершить до того, как поднимутся господа. Я открываю притаившийся в углу сундук и выуживаю самое скромное бежевато-коричневое платье с устаревшей бахромой на вороте. Мне платье совершенно не идёт: старит, делает похожей на вырвавшуюся из шкафа моль. Словом, сплошные достоинства. Подвернув волосы, я прячу их под сеткой и, окинув своё отражение оценивающим взглядом, выскальзываю в коридор.

И сходу натыкаюсь на Лион и Ризару, компаньонок старшей дочери герцога.

Проигнорировать их я не могу.

— Доброе утро, леди, — приветствую я их, как старших. Их статус на пол ступеньки выше моего.

— Леди Юджин?

— Не помню, чтобы раньше вы вставали с первыми лучами солнца, леди Юджин. Доброе утро.

Конечно, не вставала. После ночных свиданий-то.

Улыбнувшись, я пожимаю плечами:

— Сегодня особенный день.

— О-о? Чем же, леди Юджин? Вы ведь не откажетесь поделиться с нами?

Змеючки.

Я улыбаюсь шире:

— Это скорее… личное. Я проснулась на рассвете и поняла, что видела очень странный сон. Мне привиделось, что матушка ведёт меня в храм и ругает за то, что я не проявляю достаточно благонравия.

— Ах, вот как, — леди переглядываются.

— Леди Юджин, песочный беж вам к лицу. Появляйтесь в этом наряде чаще.

Ложь.

— Благодарю. Это платье подарила мне леди Миянора, поэтому я берегу его для особых знако-

вых случаев.

Поклонившись вместо прощания, я оставляю змеючек плеваться ядом, пусть и в мой адрес, мне не жаль, и тороплюсь спуститься на первый этаж.

Храмов в летней резиденции, насколько мне известно, два. Герцог не стал восстанавливать старое святилище и построил в саду роскошный двухэтажный павильон под белым куполом. Туда-то я и направляюсь.

Спустившись с террасы, я ступаю на извилистую дорожку. На улице ещё прохладно, стоило накинуть палантин, но не возвращаться же из-за тряпки. Я ещё раз зябко передёргиваю плечами. Такое чувство, будто чей-то взгляд сверлит мне затылок. Змеючки? Резко обернувшись, я вижу оттнюдь не компаньонок старшей дочери герцога, а вчерашнего безымянного лорда. Меня будто магнитом тянет, и мы с лордом сталкиваемся взглядами — издали понять трудно, но впечатление именно такое. Лорд, опираясь на ограждение, взирает на меня с высоты.

Что он делает в такую рань при полном параде на балконе?! На том балконе, где вчера я…

А что если кареглазый лорд тоже чувствует тьму?! Ещё один воин света?! Почувствовал вчера

тёмное эхо и начал расследование? Тогда понятно, почему он сомневался, провожать меня или идти по следу.

Бездна-Бездна-Бездна!

Отвернувшись, я прибавляю шагу.

Извилистая дорожка бежит через сад. Я огибаю любимый розарий герцогини, и за зелёной стеной разросшейся сирени прохожу под витой аркой, обозначающей начало храмововй территории. Сад такой, каким я его запомнила Над рукотворным водоёмом с яркими декоративными рыбками нависает белоснежная беседка, она тоже часть храмового архитектурного ансамбля.

Сперва я замечаю бело-золотые одежды и блеск статусного венца, изображающего венок из солнечных, а по факту отлитых из золота, трав, очень похожий на корону. Сомневаться не приходится — жрец наслаждается уединением и красотой пруда, игрой разноцветных рыбок, которым он время от времени подкидывает корм. Сам жрец тоже завтракает. Он меня явно замечает, но никак не реагирует. Я низко кланяюсь. Наверняка он ждёт, что, осознав ошибку, я уйду, но я лишь забираю по боковой дорожке в сторону, чтобы обойти беседку по широкой дуге.

— Дитя, — окликает он, убедившись, что я упря-

мо направляюсь в святилище.

Вот теперь можно приблизиться. Я подхожу к беседке, останавливаюсь в паре шагов от широких ступеней, снова кланяюсь. Хотя я не почитаю богов, я признаю скрытую власть жрецов. В память навсегда врезалось лицо принца, привезённого в родовые земли Гельдернов в кандалах и с кляпом во рту. Его высочество спервa грубо заставили преклонить колени, а потом… Что было потом я не знаю, однако уверена, что принц не выжил.

— Светоч, моё почтение, — приветствую я жреца.

— Что привело тебя в храм, дитя? — голос благостный.

В прошлом я бы наивно поверила, что жреца заботят мои беды, но теперь я ясно ощущаю фальш. Жрец недоволен и моим вторжением, и тем, что вынужден сдерживать недовольство.

— Светоч, — я склоняю голову, — вчера вечером у меня закружилась голова, я почти упала, и, бывший поблизости лорд Лоуренс Гельдерн, предположил, что кто-то использовал против меня тёмную магию. Хотя это кажется странным, лорд был уверен, что ощутил дуновение тьмы. Я прошу вас взглянуть.

— Дитя… Почему ты не пришла сразу? — упрекает жрец.

Послушать — мягко, а взгляд колет.

— Голова кружилась, светоч. Я боялась, что не дойду. А тревожить кого бы то ни было… А вдруг бы тьма навредила не только мне? — я хлопаю ресничками, притворяясь недалёкой наивняшкой, какой и была в то время.

Жреца мои слова не убеждают.

— Лорд Гельдерн непременно проводил бы тебя, дитя.

Меня немного удивляет, что жрец продолжает спокойно попивать чай, будто проклятье несущественная мелочь. Он мне не верит? Или он оценивает меня прямо сейчас? Ох, не знаю.

— Да, светоч, проводил бы. Однако, принимая сопровождение лорда Гельдерна, я могла поставить его в затруднительное положение. Я имею в виду, что злые языки вывернули бы добрую помощь в скандал.

— Хм…

И что это значит?

Жрец отставляет чашку, не торопясь, спускается ко мне. Цепкие пальцы ухватывает меня за подбородок. Жрец заставляет поднять голову, и я невольно оцениваю, что он довольно молод. В

уголках глаз поселились первые морщинки.

Его пальцы будто паучьи лапы скользят по коже. Придя сюда, не стала ли я бабочкой, влетевшей в ловчую сеть паука. А как я могла не прийти? Отстраняться нельзя. Жрец поворачивает моё лицо вправо-влево. Наконец, он отпускает и отряхивает пальцы, будто касался чего-то грязного.

И молчит.

— Светоч? — жалобно окликаю я.

— Следуй за мной, дитя.

Радоваться или пугаться?

Жрец почему-то возвращается в беседку и жестом приглашает меня сесть на каменную скамью. Я ожидала, что он отведёт меня в храм. Нет? Я подчиняюсь приглашению, но опускаюсь на самый краешек. Камень с ночи холодный, сидеть неприятно, впрочем, камень далеко не главный источник неудобства. Жрец, повторяя Лоуренса, начинает водить руками у меня над головой, перед лицом, изредка цепляет широкими рукавами за нос, и жёские нити золотой вышивки проходятся по коже тёркой. Жрец быстро теряет расслабленность, на скулах проступают желваки. Увиденное ему явно не нравится. Жрец вытягивает из-под ворота золотую цепочку, на конце

которой в оправе переливается бриллиантовым сиянием хрустальная призма размером с мою ладонь. Украшение служит не только жреческим атрибутом, но и инструментом.

Жрец довольно долго разглядывает меня через волшебное стекло.

Я тихонько всхлипываю — хочу спровоцировать его на разговор, но жрец игнорирует, лишь сухо приказывает:

— Не вертись.

— Простите, светоч. Вы так долго смотрите, что мне страшно. Меня действительно прокляли?

— Я сказал не вертеться.

В смысле и языком не вертеть?

Я затихаю.

Время тянется.

— Бездна пожри! — совсем не по светлому рявкает жрец.

Я вздрагиваю. Смотрю на жреца, не скрывая потрясения — любая другая реакция, наверное, будет неестественной, а актриса из меня так себе, бездарная. Жрец, к счастью, не обращает на меня внимания. Спрятав призму под верхний слой ритуального бело-золотого облачения, жрец садится за столик. Я догадываюсь вскочить — раз осмотр окончен, то продолжать протирать

лавку подолом неприлично. Взять на себя роль горничной получается абсолютно естественно, я подливаю из чайника подостывший чай, и жрец поднимает чашку, уже собирается сделать глоток, но, спохватившись, ставит обратно на стол.

— А ты не подумала, что тьма запачкает храмовую посуду? — упрекает он.

— О?! Простите! Я всё исправлю! Я помою!

Схватив чайник, я перегибаюсь через бортик, зачёрпываю пригоршню воды, плещу на дудочку, на дно..

— Ты что творишь?!

Спасаю себя, естественно.

Спроси, любого жреца, почему пруд есть на территории каждого храма Светлого Канара, и жрец скажет, что это традиция. Светлый Кенар любит тихий плеск воды больше хвалебных песнопений и покровительствует рыбакам. Открытие нового храма немыслимо без ритуала приветствия священной рыбки-кенны, маленькой игруньи с золотисто-бронзовой чешуёй. Малышку привозят в аквариуме из главного храма и выпускают в воду.

Жрец никогда не скажет, что священная рыбка особенная, что её чешуя буквально поглощает силу солнца и передаёт воде, что старший жрец

храма имеет с рыбкой особую связь, и эта связь позволяет одномоментно забрать и использовать всю накопленную прудом мощь. Прямо сейчас жрец взмахом руки может уничтожить летнюю герцогскую резиденцию. Именно поэтому он предпочитает проводить время не у алтаря, а в беседке на пруду — укрепляет связь.

— Простите! — я испуганно оборачиваюсь.

Неуклюже махнув руками, я с визгом валюсь через бортик в воду.

Я надеялась, что обойдётся без купания, что жрец проведёт для меня ритуал очищения, тем самым затрёт любые следы. Будь он светлым на всю голову, поступил бы именно так, но мне не повезло. Жрец оказался дальновидным змеем, а не восторженным служителем культа.

Он ведь заподозрит, что я нарочно, да?

Как бы то ни было, вода, пропитанная силой света, смоет следы. А погрузилась я с головой. Я не тороплюсь выгребать, терплю, пока вода сама меня не вытолкнет, и начинаю заполошно лупить по водной глади руками, поднимаю тучи солнечных брызг:

— Помогите! Кто-нибудь! Тону! — я стараюсь погружаться и выныривать, чтобы схватить воздуха и снова уйти под очищающую воду. —

Помогите!

Жрец застыл у бортика и наблюдает за моими трепыханиями. Рассчитывать на его помощь было бы глупо. Зато на крик прибежал младший жрец, и он протягивает мне руку. Я с притворным трудом хватаюсь. Первый раз мокрые пальцы соскальзывают. Второй раз мальчишке удаётся схватить меня за бахраму, подтащить ближе и, наконец, выхватить из воды. И только оказавшись в беседке, я понимаю, что у моего падения, кроме жреца, были свидетели. Леди-змеючки. Лоуренс, Бездна его пожри. И безымянный кареглазый лорд.

Глава 5

Платье неприлично облепляет тело. Я будто голая стою. Беж оттенком напоминает кожу, и от того впечатление наготы усиливается. Самое отвратительное, что перед жрецами я обязана стоять ровно, даже закрыться, обнимая себя руками не могу. А ещё мне очень холодно, аж трясти начинает. Ветерок, который утром я не замечала, по мокрому пронизывает до костей, и я тихо всхлипываю, по-детски шмыгаю носом.

— Возмутительно поведение, — старший жрец хлопает ладонью по каменной столешнице.

Я вздрагиваю.

— П-простите, светоч. Я из лучших побуждений.

А чайник-то уплыл на дно…

Обвинить меня в осквернении пруда жрец явно хочет, но не может, потому что пруд священным не считается. Рыбка — да, её место обитания — нет. Но я подставилась с порчей храмового имущества, и жрец не упустит возможность выпустить свой гнев.

Смотрит… Мне очень не нравится, как он на

меня смотрит. Взгляд по-хозяйски гуляет по моей облепленной платьем фигуре, и к гневу примешивается чисто мужской интерес. А уж младший жрец и вовсе вспыхнул. Как и Лоуренс, кстати. И это даёт мне подсказку, что раз он так остро реагирует, значит, у нас с ним ещё ничего не было. Конечно, полной уверенности у меня нет… Лион и Ризара почти не скрываясь перешёптываются и пересмеиваются. А вот кареглазый лорд… Я не успеваю понять его реакцию, слишком сложный клубок эмоций.

— Придёшь после заката и примешь наказание, — решает жрец и, отвернувшись, направляется в святилище, попутно приказав младшему спасти чайник.

— Да, светоч, — кланяюсь я, получается, его спине. — А как же…

— Я сказал прийти после заката, — раздражённо повторяет жрец, и я умолкаю.

Странно, что жрец не станет допрашивать меня сразу. Или сперва хочет поговорить с Лоуренсом? Или расследованием займутся Гельдерны, жрецу не интересно? Парадоксально, но я до сих пор не знаю, какие отношения связывают светлый храм и род воинов света. На словах они за одно, но на деле… Гельдерны слишком самостоятельные.

Я, наконец-то, обхватываю себя руками. Зуб на зуб не попадает, но всё же становится чуть легче. Младший жрец перегнулся через бортик и занят спасением чайника. До меня мальчишке уже нет никакого дела, и я, оставляя за собой ручьи, спускаюсь по ступенькам и про себя радуюсь. Пусть я дала лишний повод себя подозревать, зато я избавилась от любых следов. Даже сам Светлый Кенар лично едва ли теперь сможет выяснить, что за проклятье на мне было, откуда пришло и кем наложено.

А поход в храм я с чистой совестью свалю на Лоуренса, который вдруг делает шаг вперёд и, не заботясь о зрителях, глядя на меня со злостью, буквально выплёвывает:

— Юджин, как ты могла!

Змеючки тотчас подбираются. Обращение на “ты” — это повод заподозрить тайный роман, и ведь сплетницы будут абсолютно правы. Позориться до такой степени в мои планы не входило. Я бы с удовольствием, например, вернулась домой, но сейчас, пока я компаньонка леди Лизии, моей судьбой распоряжаются герцог и герцогиня. Собственно, родители и отправили меня в компаньонки, рассчитывая, что герцогиня удачно пристроит меня замуж. Однако вместо замуже-

ства я рискую отправиться в храм…

— Лорд, мне кажется, вы забылись, — осаживаю я Лоуренса, но то ли он не хочет понимать намёков, то ли ему всё равно. Ах да, ему всё равно.

— Юджин, ты оскорбила светлый храм! — кипит он.

Бездна!

Второй выкрик не оставляет сомнений.

— Оу, так вы близки, — хмыкает Ризара.

— Кто бы мог подумать, — подхватывает Лион.

Катастрофа.

В прошлый раз скандал случился из-за донесения целителя и не вышел за стены рабочего кабинета герцогини. Но в этот раз скандал спровоцируют змеючки. Сплетницы не будут молчать, слухи полыхнут пожаром, дойдут до герцогини, и она точно также потребует от Лоуренса на мне жениться.

Бездна.

— Лорд, вы забываетесь, — бессильно повторяю я. Без надержды, что он уймётся. А может быть, в этом смысл? Увезти меня в родовое гнездо и сдать старшим на препарирование?

Всё должно было быть не так, не так… Ну почему, пройдя по Тропе над Бездной, я споткнулась уже здесь, в новой жизни? Но это не повод

упиваться жалостью к себе или жаловаться на судьбу-злодейку. Всё очень просто. Мне нужно унять панику, добраться до комнаты, переодеться и постараться не заболеть. А потом…

Как действовать потом, я решить не успеваю. Лоуренс подступает ближе, словно намеревается схватить за плечи. Мне бы попятиться, но кареглазый лорд опережает и меня, и Лоуренса. Вклинившись между нами плечом, он одним изящным жестом избавляется от камзола, остаётся в белоснежной рубашке и бархатном жилете. А камзол вдруг опускается мне на плечи. Лорд ловко застёгивает верхнюю пуговицу. Я сразу согреваюсь, и зубы перестают стучать. От осознания, что меня греет не только плотная ткань, но и тепло его тела, и вовсе бросает в жар.

— Леди Юджин, позвольте вам помочь? — лорд не только оттеснил Лоуренса, но и предлагает мне локоть.

Я ухватываю его руку раньше, чем понимаю, что делаю. Впрочем, всё правильно. Если кто-то и выведет меня сейчас из трудной ситуации, то только кареглазый лорд. И мой жест вызывает у него улыбку. Я держу в уме, что непонятная забота грозит обернуться куда большей катастрофой, чем зло знакомое, но… Я не могу устоять.

— Юджин! — выкрикивает Лоуренс.

Я вздрагиваю, и кареглазый лорд сжимает мою ладонь, крепко, надёжно, но в то же время не стискивает капканом. Я чувствую, что при желании могу освободиться, и лорд отпустит. Не хочу. Я допускаю, что крупно ошибаюсь, но по идее противостояние кареглазого лорда и Лоуренса мне на руку. Пока они бодаются и заняты друг другом, я ускользну…

— Лорд Гельдерн, — мой лорд заслоняет меня собой, — леди Юджин уже несколько раз напомнила вам, что ваше обращение неприемлемо. Я надеюсь, вы вспомните о приличиях и прямо сейчас принесёте леди свои извинения.

Лоуренс вскидывается, вперивает в моего защитника ненавидящий взгляд.

— Юджин, что ты себе позволяешь?! В одежде постороннего мужчины… Иди сюда!

Как собаке. Ещё бы “к ноге” скомандовал.

Неужели я угадала? Неужели Лоуренс настолько заинтересовался эхом тьмы, что готов устроить брак? Он ведь всегда был осторожен и вдруг открыто нарывается. Только не совсем ясно, почему он просто не сделает предложение? Прошлая я побежала бы. Или мы только в начале отношений? Мне срочно нужно выяснить, какой

сегодня день.

Своим хамством Лоуренс себе подгадил — подарил мне повод обидеться и разорвать отношения.

Что я и делаю:

— Лорд Гельдерн. Ваши слова в высшей степени оскорбительны. С этого мгновения вас для меня нет, — и отворачиваюсь.

— Юджин! — потрясение искреннее и глубокое.

Я явно шокировала бывшего.

— Лорд, — оборачивается мой кареглазый. — Вы вынуждаете меня. Ваше поведение оскорбительно и бросает тень на репутацию леди.

Лоуренс не успевает отреагировать, ему в лицо прилетает туманное облачко разреженной чистой магии, что означает… вызов на поединок. Лоуренс запоздало шарахнулся, попытался отмахнуться, но облачко оседает на ладони и оборачивается меткой, которая по сути является ничем иным, как последовательностью рун. Метка пропадет с началом поединка или навсегда останется позорным клеймом трусости.

Глядя на свою руку, Лоуренс будто не верит тому, что видит, даже пальцем проводит, пытаясь стереть метку. Осознав тщетность попыток, Ло-

уренс вскидывается. Он буквально кипит гневом и яростью, но почему-то сдерживается, а не изрыгает рвущиеся проклятья. Из-за змеючек? Из-за младшего жреца, наконец, сумевшего поймать уплывший чайник в сачок.

Змеючки перешёптываются.

— Я был о тебе лучшего мнения, Юджин. Я верю, что ты одумаешься. Я готов простить и принять.

Ну, точно — хотел спровоцировать брак. И нарвался.

Если честно, вмешательство кареглазого лорда для меня полнейшая неожиданность. В моей прошлой жизни он никогда ко мне не приближался. Лишь раз… На танцевальном вечере он пригласил меня, но я отказалась, сославшись на натёртую ногу. Бездна, как же его зовут-то?

Мой лорд едва ощутимо касается ладони, его пальцы невесомо соскальзывают по коже, и меня будто молнией пронзает с макушки до пят, а ведь я так даже на Лоуренса не реагировала, на куда более откровенные жесты, чем этот одновременно и провокационный, и невинный. Дыхание перехватывает.

В себя я прихожу, когда мы огибаем любимый розарий герцогини.

— Лорд…, — спохватываюсь я. Змеючки оста-

лись позади, и наша появление вдвоём истолкуют в скандальном ключе.

— Леди Юджин, не беспокойесь. Я возьму на себя ответственность.

Женится что ли?! Я больше ничего не понимаю, а лорд невозмутимо улыбается, и в его глазах пляшут смешинки. В одном уверена — прямо сейчас он наслаждается ситуацией. Аж зло берёт. Н, помня, что он мне помогает — спас от холода, увёл, даже Лоуренсу вызов бросил — я прикусываю язык.

Про Лоуренса говорят, что он гуляка и дамский угодник, никто никогда не называл его хорошим бойцом. Но точно также никто никогда не называл его плохим бойцом. Лоуренс плох по меркам Гельдернов, я знаю, что он прошёл лишь базовую подготовку и время от времени ходил на тренировки. Что-то мне уже тревожно становится.

Вдвойне тревожнее мне становится, когда мы подходим к террасе, и я замечаю в окне второго этажа герцогиню. Её светлость и не скрывается. Ставни распахнуты, герцогиня, опираясь на подоконник смотрит вниз, а её фрейлина заботливо накидывает на плечи госпожи пуховую шаль.

— И что вы намерены делать, лорд?

— Поговорить с герцогиней, леди Юджин. Мы

возвращаемся из храма, а храм никогда не должен стать темой сплетен.

Вот как? Не скажу, что звучит убедительно, но здесь, в летней резиденции, далёкой от крупных городов, герцогиня при желании действительно может отбелить мою репутацию. А я мысленно уже замуж за кареглазого лорда вышла… Вот… Бездна!

Чувствую себя очень глупо.

— Спасибо, — благодарю я.

Лорд провожает меня до входа в дамское крыло, вломиться в спальню при свидетелях не пытается, но вот забрать камзол отказывается, и в коридоре я остаюсь в его одежде.

Прошмыгнуть к себе незамеченной, естественно, не получается. Думаю, не только герцогиня смотрела в окно.

— Светлые боги, леди Юджин!

— Леди Юджин, что с вами случилось?

— Не может быть, чтобы леди провела ночь с мужчиной!

А-а-а-а-р-р-р!

— О чём вы, леди? — я вплотную подступаю к той, которая ляпнула про мужчину. — Что за неприличные фантазии у вас в голове? После восхода я отправилась в храм, и светоч уделил мне

время. Кто же знал, что я упаду за бортик беседки в пруд? Прошу меня простить, мне требуется сменить платье.

Леди расступаются, никто меня не удерживает. Но вот взгляды… Взгляды многообещающие.

— Мне показалось, или на пальце леди Юджин сверкнуло кольцо? — доносится до меня.

Глава 6

Что?!

Захлопнув дверь, я подношу ладонь к лицу и с ужасом обнаруживаю, что леди не ошиблись — брачное кольцо, потускневшее, с трещинкой на камне, вернулось и снова обнимает мой палец. Я приваливаюсь к створке спиной, прижимаюсь затылком, выдыхаю. Коленки подгибаются. Я готова разрыдаться. Я дёргаю кольцо. К счастью, оно послушно сползает.

Я отбрасываю кольцо на столешницу. Откуда эта дрянь взялась? И когда? И чем мне это грозит? Вчера кольца не было, утром не было. Когда я попрощалась с безымянным лордом, тоже не было. Оно возникло, когда я уже заходила в комнату.

“Да, верно, кольцо сверкнуло”. “Хм… Леди, вы уверены? Я не видела кольца”. “И я”.

Бездна!

Надо поговорить с герцогиней и убедить её отправить меня домой, в глушь…

В столицу меня провожал брат. А как мне быть сейчас? В одиночку юные леди не путешествуют. Пока я напишу, пока за мной кто-то приедет… А

уж если разберутся, что я возвращаюсь по собственному желанию, едва ли согласятся забрать.

Я из боковой ветви старого, но ничем не примечательного рода. Пять лет назад наша семья занимала скромные апартаменты в родовой резиденции Махаон. Старый глава рода ушёл в Вечность, а его наследник, приняв власть, взялся наводить порядок и “подстригать ветви”, считая, что родовому древу “стрижка” и избавление от нахлебников пойдёт только на пользу. Формально связи с боковыми ветвями новый глава рода не рвал, мы ежегодно получаем поздравления с праздниками, приглашения. Глава рода лишь вежливо, но настойчиво попросил освободить апартаменты.

Родителям очень трудно дался переезд. Привыкнув жить на готовом, они с трудом разбирались в том, как самостоятельно вести хозяйство. Насколько я знаю, до переезда папа отдавал в родовой фонд половину жалованья, которое получал на государственной службе, так что бедными родственниками мы не были. Или всё же были? До переезда образование для детей всех ветвей оплачивала резиденция.

Папа перевёлся из столицы, где он был рядовым чиновником, в удалённый провинциальный

городок и стал уважаемым заместителем градоправителя, снял двухэтажный дом с видом на главную площадь, нанял толковую экономку. Денег стало вроде бы даже больше, чем, когда мы жили в родовой резиденции. Однако мы перестали тратиться на модные наряды… Выезжать на “столичные сезоны” и одновременно оплачивать обучение моему брату стало невозможно, и папа сделал ставку на единственного сына, а мы, дочери… Юрита ещё маленькая, а для меня были открыты две дороги: либо выйти замуж в провинции, что папа считал неприемлемым, либо стать компаньонкой и тоже выйти замуж, но уже за мужчину из высшего света. Меня не спрашивали, лишь вызвали в кабинет на серьёзный разговор и сообщили, что передают мою судьбу в руки достойной герцогини Флойтской.

Тьфу.

Возвращению папа не обрадуется.

А ведь есть и другие дороги… Можно уйти в храм и посвятить оставшуюся часть жизни тому же Светлому Кенару или Светлой Кобельте. Но я не для того возвращалась, чтобы до конца своих дней носить серое рубище и драить полы. Можно остаться старой девой. Этот вариант гораздо лучше предыдущего, но возникает вопрос за чей

счёт банкет. Иными словами, кто будет меня содержать? Собственного дохода у меня нет. Я даже как компаньонка жалования не получаю — по договору с родителями оплатой станет устроение моего брака.

Есть леди, живущие вольно, но они имеют собственный доход.

Разве я смогу устроиться на государственную службу? Дело даже не в том, что мне откажут, а в том, что нарядившись в чиновницей и усевшись за стол, я не смогу выполнять работу. Ни в делопроизводстве, ни в бухгалтерии, ни в юриспруденции я не разбираюсь. Магия? Я самоучка, к тому же теоретик, проверять знания на практике я боялась — незамедлительно получила бы яд в чай. Но главная проблема в том, по каким именно книгам я училась. В моей голове изобилие зарпещённых или просто неодобряемых приёмов, а вот общепринятых, увы, нет. Меньше часа назад лорд продемонстрировал облачко чистой силы. Про руническую начинку пока забудем. Я пытаюсь призвать силу и ничего не происходит. Напрямую — не умею. Да и сколько у меня той силы? Кошкины слёзы?

Открыть собственное дело? Обокрасть Гельдернов? Действительно, раз у меня есть кольцо,

почему бы не обокрасть Гельдернов? Я с трудом удерживаюсь от истеричного хохота.

Я сбрасываю тяжёлый камзол, и мокрое платье тотчас напоминает о себе. Я через подол двумя пальцами подхватываю кольцо. Куда бы его деть? Например… Обычно я смотрюсь в большое зеркало, но у меня есть и другое, круглое, размером с ладонь, на длинной ручке. С его помощью удобно закалывать шпильки в пучок. Но сейчас важно, что зеркало приехало со мной из дома, я уверена, что оно самое обычное, никакой защиты, ничего. Уколов палец, я вывожу на стекле руну растворения. Зеркало откликается рябью, будто водная гладь, в которую бросили камень. Или чайник. Мда… Надавив, я преодолеваю мимолётное сопротивление и погружаю кольцо в зеркало. Остаётся стереть руну, и вуа ля, тайник готов.

Наскоро ополоснувшись в горячей воде, я растираюсь полотенцем и натягиваю первое попавшееся дневное платье. Убедившись, что выгляжу подобающе, я выхожу в коридор и никого не встречаю. Значит, я опаздываю. Мало мне наказания в храме, ещё и от госпожи выволочку получу.

Тем не менее я прибавляю шагу — хозяева обитают в соседнем крыле.

Хоть бы по пути на Лоуренса не наткнуться…

Добравшись до апартаментов леди Мияноры, я нахожу лишь её личную горничную. Коренастая, грубо сложенная, бесконечно преданная своей госпоже, пользующаяся доверием и… снисхождением. Сейчас я догадываюсь, что преданность держится не на личной верности, а на магической привязке.

— Леди Юджин, госпожа очень удивилась, что вы не потрудились поприветствовать её утром или прислать записку, — хмыкает горничная.

На грани… Вроде бы передаёт слова леди Мияноры, но под ними упрёк. А тон не оставляет места сомнениям, что это он самый и есть, мне не померещилось. Горничная злорадствует, не скрываясь. Другую бы служанку за непочтительность погнали без жалованья и рекомендаций, а этой прощают. Впрочем, она никогда не переходит черту, и сейчас она по-своему права, ведь я действительно допустила ошибку. К тому же леди Миянора невзлюбила меня с первого взглядаа…

Главное я узнала — госпожа завтракает не в будуаре, а значит, сегодня день, когда семья собирается вместе за столом, компаньонкам же накрывают отдельно в Ольховой столовой.

Я задумываюсь, идти или не идти. Я ведь без-

надёжно опоздала, но с леди Мияноры в качестве отместки станется прогонять меня с поручениями вместо обеда, а то и ужина, поэтому я спускаюсь. Ольховая столовая, весьма мрачная из-за обилия тёмных тонов в интерьере встречает меня ароматом сдобы, едва слышным звоном приборов и шепотками сплетниц. Змеючки уже здесь, про происшествие в храме наверняка нашипели, но они не могли не упомянуть грядущий поединок, а значит основной лейтмотив не тайный роман, а неприемлемое поведение лорда Гельдерна.

Во главе стола… Что такое не везёт и как с ним бороться? Старшая компаньонка герцогини давно заслужила особые привиллегии — и апартаменты в хозяйском крыле, и личную горничную, и возможнось завтракать у себя, когда герцогния не нуждается в компании. Леди Сью считала ниже своего достоинства разделять трапезу с юными свиристелками, как она нас называла. Почему она здесь?! Неужели из-за сплетен? Так быстро? Хотя моё возвращение под руку с кареглазым лордом, да ещё и в его камзоле герцогиня лично лицезрела.

Сухопарая дама с вечно недовольным лицом окидывает меня презрительным взглядом.

Я поспешно приседаю в реверансе:

— Доброе утро, леди. Приношу свои глубочайшие извинения за опоздание.

— Леди Юджин, — цедит она сквозь зубы, — вы успели появиться перед окнами в мужском обществе, но опоздали на завтрак.

По столовой прокатывается волна смешков.

Меня не любят. Никогда не понимала за что, ни тогда, ни сейчас.

— Леди Сью, — начинаю я. Поскольку дама не покинула герцогиню, не вышла замуж, то обращаться к ней следует по имени.

— Леди Юджин, — перебивает она меня. — Устыдитесь и покиньте столовую. Вы опоздали.

— Прошу прощения. Я сожалею.

Остататься мне не позволят. Жаль, конечно, но возражать бесполезно, ведь леди Сью в своём праве. Я покидаю столовую, и меня преследует запах сдобы. Почему я раньше не зачемала, насколько плохо ко мне относились в герцогской резиденции? Парила, ослеплённая любовью? Ну да, где-то так.

Задерживаться в резиденции идея определённо плохая. Я даже начинаю задумываться о том, что Лоуренс положил на меня глаз не просто так, а с одобрения герцогини. Других леди он ведь в постель почему-то не тащил, предпочитал

горничных.

Хм…

Из задумчивости меня выводит тихий оклик:

— Леди Юджин?

— Лорд, — откликаюсь я.

Вроде бы нужно быть благодарной за помощь, но меня его внимание пугает. Кареглазый лорд вновь при параде. Камзол неизменного бордового цвета, но более насыщенного оттенка, чем доставшийся мне. На лице лорда играет настолько невинная улыбка, что у меня на правом глазу начинает подрагивать верхнее веко. В руках у лорда поднос, прикрытый белым полотном с широкой немодной бахромой по краю.

Неужели это намёк на моё утреннее платье?! Едва ли…

— Леди Юджин, вас не затруднит оказать мне небольшую услугу? Боюсь, я не смогу удерживать поднос и разворачивать салфетку одновременно. Сюда, пожалуйста, если вы не против.

— Лорд…

Как его зовут? И что мне делать? Отказать в малости после того, как он мне помогал и даже ввязалсся в поединок, недопустимо, но… отказать очень хочется, потому что у меня мурашки по спине от его слишком внимательного взгляда, а

лорд то ли не хочет понимать, как выглядит со стороны, то ли пугает нарочно. Я всё ещё помню, что он может быть воином света, почуявшим тьму и начавшим охоту.

Сердце стучит, но я послушно приближаюсь.

Лорд отводит в сторону тяжёлую портьеру, прикрывающую угловой эркер. Почему-то с этим он одной рукой справляется, но тотчас перехватывает поднос обеими руками и кивком указывает мне на широкий подоконник. Забудем о том, что лорд мог просто поставить поднос, а затем расстилать свою салфетку. В чём подвох? Я осторожно стягиваю белую ткань, мысленно готовясь к худшему, но нахожу под ней лишь блюдо с сырно-мясным ассорти, хлебцы и чашки с какао. Две.

— Леди, смею надеяться, вы окажете мне честь.

Да что происходит-то?!

— Лорд, это вы поспособствовали решению леди Сью? — в совпадение я не верю, уж больно ловко он подкараулил меня с двумя чашками.

Мой прямой вопрос вызывает у лорда удивление, сменяющееся обидой. Я даже ощущаю укол вины, но быстро избавляюсь от неловкости. Мне страшно, так почему я должна быть доброй?

— Леди, зная характер леди Сью, я лишь преду-

смотрел её недовольство, — сухо отвечает лорд, его взгляд устремляется мимо меня за окно, во двор резиденции. — Простите, внезапное дело требует моего внимания прямо сейчас. Я вас оставлю, леди Юджин.

Э-э-э? Бездна, почему я чувствую себя брошенной?! С губ слетает извинение, но уже поздно, лорд ушёл.

Глава 7

В эркере за тяжёлой портьерой меня не видно, и, думаю, лорд позаботился о том, чтобы посторонние в эркер не заглядывали какое-то время, поэтому я упираюсь лбом в прохладное стекло.

Может быть, в какао подмешано зелье? В обе чашки. Поэтому лорд сбежал? Я смотрю в окно и не вижу ничего, что могло бы так внезапно заинтересовать лорда. Какие-то люди, издали не рассмотреть, пересекли двор и входят в боковую пристройку. Я отворачиваюсь от окна и перевожу взгляд на какао. Зелье, да? Я ищу подвох в простой заботе? Набралась у Гельдернов плохому. Зло улыбнувшись, я вытягиваю из себя крохи чистой силы. Энергетические каналы есть у всех, просто неразвитые. Я боялась тренироваться, боялась привлечь внимание. Но чуть-чуть каналы увеличила, самую малость.

Тех капель, которые я способна нацедить, не хватит даже на простейшие чары. Сил нужно больше раз так… в сто. Но капель хватает, чтобы вывести последовательность рун “проявление злого намерения”. Теперь не важно, подлил лорд

зелье, развязывающее язык или горничная в чашку плюнула, я увижу серо-зелёное марево. Проверку не назвать надёжной — если лорд подлил зелье из добрых побуждений, то руны ничего не покажут, а на вторую цепочку моих силёнок не хватит.

Руны тают в воздухе без следа, и я, решившись, собираю себе бутерброд, делаю большой глоток. Какао дарит приятную сладость. Я прислушиваюсь к ощущениям, но ни посторонних примесей, ни магического воздействия не ощущаю.

Лорд возвращается, когда я приканчиваю последний бутерброд и допиваю какао из второй чашки.

Упс.

Оценив остатки пиршества, он неопределённо хмыкает.

— Спасибо, лорд.

— “Лорд”, “лорд”, “лорд”, — передразнивает он. — Леди Юджин, нас представили друг другу чуть меньше месяца назад.

И смотрит требовательно.

Для него, конечно, прошло меньше месяца, а вот для меня… больше десяти лет.

— Простите, память… девичья. Кажется, после представления, мы не… пересекались.

— Действительно. Вы отказали мне в танце, леди Юджин, — усмехается он.

Вспомнила! Радостная улыбка совершенно не уместна, но мне не удаётся её сдержать. Я наконец-то сориентировалась во времени. Танцевальный вечер, на котором лорд меня пригласил единственный раз и получил вежливый отказ, был до того, как я согласилась на близость. Но после первого поцелуя на балконе.

Хоть в этом повезло — я вернулась во время, когда ещё не успела потерять честь.

Отказ я вспомнила, имя — нет.

— Простите, лорд. В прошлом месяце я переживала временное умопомрачение. Купание в храмовом пруду пошло мне на пользу, после него я прозрела.

Я улыбаюсь и развожу руками.

— Вот как.

Лорд забирает поднос, набрасывает сверху салфетку. Он так и уйдёт? Шаг в коридор. Лорд придерживает портьеру, оборачивается.

— Диан, леди Юджин. Динан Раттти.

— О…, — только и могу выдохнуть я.

Диан Ратти…

Не помню. И родовое имя мне ни о чём не говорит. Хотя… Говорит! Муж как-то назвал Ратти

живучим сорняком. Что бы это значило? Не знаю… Больше ничего не вспоминается, и я спохватываюсь, что завтрак вот-вот закончится.

Я возвращаюсь в апартаменты леди Мияноры. Горничная, судя по едва доносящемуся шуршанию, прибирается в спальне. Мне дальше будуара хода нет. Я встречаюсь взглядом со второй компаньонкой леди Мияноры и приветствую её лёгким кивком. Она сдержанно кивает в ответ.

— Леди Юджин, госпожа была вами недовольна, — и снова злорадство.

— Да, леди, — соглашаюсь я и умолкаю. Ещё и отхожу к креслу, подальше.

Моя визави кривит губы, но больше не навязывается. Надо признать, про чувство собственного достоинства она не забывает.

Ожидание тянется, но я не показываю, насколько мне тягостно стоять, потому что даже сесть без разрешения госпожи нельзя.

Компаньонкой быть несладко…

Двустворчатые двери плавно раскрываются во всю ширь, и входит леди Миянора, копия герцогини, только юна я. Волна золотисто-пшеничных волос, уложенных в высокий пучок, заколота деревянным гребнем, сияют аккуратно подведённые глаза, а губы тронуты перламутровым

блеском.

Я делаю шаг вперёд и склоняюсь в реверансе.

— Доброе утро, леди Миянора.

— Утро, леди Юджин, — ловко вклинивается она, не позволяя завершить фразу. — Уже день.

— Сожалею, леди Миянора.

— Ах, избавьте, леди Юджин, — безразлично отмахивается она и устраивается на диване.

Несколько неожиданно, что она отказывается от возможности пройтись по мне, но мне же лучше.

— Да, леди, — склоняю я голову.

— Я слышала, из-за вас лорд Диан Ратти был вынужден бросить вызов лорду Лоуренсу Гельдерну? Поединок состоится сегодня в полдень. Ах, лорд Гельдерн может пострадать. Я не слышала, чтобы он участвовал в поединках прежде.

— Лорд Гельдерн очень мягкий человек.

Я не лезу в беседу, но отмолчаться мне не позволяют:

— Леди Юджин, за кого будет болеть ваше сердце?

— Лорд Гельдерн беспокоился о вас, и только поэтому позволил себе лишнее.

— Лорд Гельдерн оскорбил меня и не пожелал принести извинений. Я бесконечно благодарнаа

лорду Ратти за заащиту моей чести.

— Светлые боги, — восклицает леди Миянора. — Вы разобьёте лорду Гельдерну сердце. Как ужасающе жестоко! Но я буду верить в лучшее. Я буду верить, что любовь победит, и тогда вам, леди Юджин, неизбежно придётся составить счастье лорда Гельдерна.

А ведь она права… Выиграв поединок, Лоуренс тем самым подтвердит свою правоту, а значит, моя репутация будет разрушена, и герцогиня с полным правом выдаст меня за него замуж. Бездна…

Я рвано выдыхаю. Миянора расплывается в счастливой улыбке. Её явно радует моё несчастье, и я возвращаю контроль над выражением лица, чтобы не радовать её ещё больше. Я вот только одного не понимаю… Зачем я нужна Гельдернам? Или это герцогиня стремится пристроить меня в их род. Но зачем?! Эхо тьмы и проклятие, которые Лоуренс от меня почуял, тут не причём.

Разве герцогиня или Геьдерны что-то получили в прошлый раз? Есть невесты, про которых говорят “завидная”, а я ровно наоборот. Я не магиня, не из старшей ветви рода и даже не из боковой, а фактически отсечённой, провинциалка, лишённая столичного лоска, у моих родителей нет

никакого влияния, они по меркам аристократии бедны, у меня нет приданого, не маячит ценное наследство. Из интересного у меня только родовое имя — Махаон, но и оно ничего особенного из себя не представляет Махаон по сравнению с Гельдерн всё равно что дворняжка рядом с породистой гончей. Да и опять же, имя рода одно название, у меня ничего нет.

Или есть, но я об этом не знаю.

Вечером сяду вспоминать… Хотя муж предпочитал меня не видеть, в самом начале, пока Лоуренс ко мне не охладел, мне ещё позволялось свободно бродить по открытой для посторонних части резиденции, присутствовать на больших семейных ужинах и посещать храм. Какой-то ритуал?

Леди Миянора окидывает меня презрительным взглядом, усмехается и поворачивается ко второй “любимой” компаньонке:

— Слышали новость? Утром пришёл менестрель.

О?!

— Настоящий?! — вторя моим мыслям вторая компаньонка подаётся вперёд, и сейчас она на удивление похожа не на кусачую злыдню, а на повтороженную девочку, которой пообещали

на праздник желанную игрушку, о которой она грезила, но не смела надеяться когда-нибудь получить.

Есть обычные певцы-бродяги, и некоторые из них даже пытаются представляться менестрелями, но нет. Истинных менестрелей можно назвать… магами, только от музыки, вместо чистой энергии у них играют переливы струн. Когда я только пробралась в библиотеку и ещё не нашла тайника за гобеленом, я читала всё подряд, но начинала со сказок и легенд, они отвлекали, манили красками, были убежищем от тоскливой действительности. Я гораздо позже пришла к пониманию, что та же юриспруденция полезней историй о том, как менестрель навестил умирающую женщину, спел для неё, и она поднялась совершенно здоровой, как другой менестрель своей игрой усмирил шторм и тем самым спас корабли, как…

Последняя история из сборника была печальной. Один из тёмных богов пообещал подарить “Семигласую Арфу”, легендарный, считавшийся утерянным инструмент-артефакт, тому менестрелю, который разрушит наибольшее число светлых храмов. В состязание вступили слишком многие, и последствия оказались закономерны-

ми — на менестрелей началась охота, убивали всех без разбора. Уцелели разве что младшие ученики, и искусство, передававшееся от мастера к ученику, кануло в Вечность.

Искусство музыкальной магии забыто, но играть выжившие ученики умеют волшебно.

— Да, настоящий, — кивает леди Миянора. — Он сыграет за ужином.

— Ах…

Я молчу, и леди Миянора замечает, косится на меня. Я притворно разглядываю мыски собственных туфель.

Услышать пение менестреля…

Возможно, мне запретят присутствовать, с госпожи станется. Но я уже не та наивная девочка, мечтающая прикоснуться к чуду.

В прошлом никакой менестрель в летнюю резиденцию герцога не приходил. Я в этом уверена абсолютно. Даже по уши влюблённая, и с утра до вечера вздыхающая о предмете обожания, я бы не пропустила такое событие. Ни за что.

Я вернулась ночь, и события начали меняться, да. Но изменения за столь короткий срок просто не могли “выплеснуться” за стены резиденции.

Откуда взялся менестрель?! На мою голову…

Реально, на мою. Единственное объяснение,

которое приходит мне на ум — он тоже почувствовал колебания тьмы и… пришёл? Разведать? Разоблачить?

Появление менестреля приблизительно совпадает по времени с завтраком, я имею в виду, что у кареглазого лорда, Диана Ратти, внезапно нашлось дело… Может, пошёл встречать? Вот и второе объяснение — менестреля мог пригласить лорд. Да кто угодно мог! Изменения пусть не выплеснулись за стены, но могли просочиться. Поторопилась я с категоричным суждением. Плохо… Ошибаться нельзя.

В обсуждении предстоящего выступления я не участвую и почти не вслушиваюсь в охи-ахи. Дожидаюсь, когда леди наговорятся. Леди Миянора обводит будуар рассеянным взглядом и приказывает горничной принести рукоделие. Меня нитки-иголки никогда не прельщали, а вот леди Миянора вышивает с удовольствием.

Наконец-то можно сесть…

Я уныло берусь за пяльце, натягиваю ткань. Вышить красный цветочек или жёлтый?

За рукоделием время проходит незаметно. Я краем глаза отмечаю, как леди Миянора откладывает шитьё и поднимается. Я следую её примеру, как и вторая компаньонка, а ещё я кошусь на

часы — близится поединок.

— Идёмте, леди, — улыбается она, — будет нехорошо, если леди Юджин опоздает к началу поединка в её… честь.

Ага-ага.

Я по-прежнему отмалчиваюсь, на уколы не реагирую.

— Я буду верить в лорда Гельдерна! — заявляет компаньонка.

— Как и я, — подхватывает Миянора.

И у меня внутри всё скручивает от нехорошего предчувствия.

— Разве лорд Ратти плохой боец? — невольно спрашиваю я.

Беда в том, что Лоуренс вполне может оказаться лучше. Как любой прошедший подготовку Гельдерн.

Глава 8

Леди не удостаивают меня ответом, они пересмеиваются и верят в “торжество любви”. Я плетусь рядом, и меня подташнивает от похвалы, которая льётся на Лоуренса. Я всё же пытаюсь уловить — меня дразнят или они всерьёз мне его нахваливает? Репутация у Лоуренса повесы и волокиты, в высшем свете к нему снисходительны, но всерьёз не воспринимают, и вдруг он оказывается сокровищем, чуть ли не бриллиант размером с куриное яйцо.

Как мне выйти из-под опеки герцогини?

Может, бежать и жить как простолюдинка? Из летней резиденции герцога я точно выберусь и не с пустыми руками, а с дорожным мешком. Много я не унесу, но запас воды, еды, деньги и сменную одежду. Ха-ха, деньги. Где я их возьму? Я не умею взламывать сейфы, а у леди Мияноры, насколько я знаю, кошелька нет, мы в этом смысле в одинаковом положении. Украшения? Но их ещё продать надо. А кто их купит в деревне, пусть и большой? Про городок говорят, что там захолустье, пахнет навозом и куры по улицам

бегают. Забудем про деньги. До городка надо как-то добраться. До него день пути пешком. С непривычки к пешим переходам — полтора-два. Через лес, где водятся отнюдь не только кролики, но и волки, и нежить, которой волки на один укус. Обозы без магической защиты не ходят. А я пойду? Больше шансов сдохнуть, чем добраться. Допустим, дотопаю. Главная проблема в другом — меня неизбежно будут искать и… найдут. На меня одного егеря со сворой охотничьих собак хватит. И хорошо, если меня схватят люди герцога и просто вернут. А если отдадут Лоуренсу?

Нет, побег не вариант.

Мне бы понять, почему именно на меня нацелились…

Для поединка выбрали парковую поляну, изначально устроенную для пикников. Слуги успели наскоро сколотить квадратную арену и расставить скамейки. Первые зрители уже заняли лучшие места, но меня это не касается. На пригорке белеет куполом и полупрозрачным тюлевым пологом павильон для герцогской четы, а леди Миянора уверенно направляется в соседнюю беседку, где уже устроилась её старшая сестра со своими змеючками, леди Лион и леди Ризараой. И старший брат.

— Сестрёнка, — улыбается он и кивком приветствует нас, компаньонок.

В ответ лёгкий реверанс, приличия соблюдены.

— Кай, — леди Миянора садится с братом и, кажется, собирается что-то сказать, но он переводит взгляд на меня:

— Леди Юджин, виновница сегодняшнего переполоха. Никогда бы не подумал, что вы окажетесь той, кто украдёт сердце нашего легкомысленного Лоуренса.

— Боюсь, вы заблуждаетесь, лорд. Лорд Лоуренс Гельдерн не только позволил себе оскорбления, но и отказался принести извинения. Лорд Гельдерн для меня больше не существует.

Я говорю громче, чем следовало бы, зато меня слышат не только в беседке.

— Леди Юджин, вы слишком жестоки. Лорд Гельдерн впервые испытывает нежные чувства, ошибки простительны.

Бездна!

— С каких пор идти на поводу у чувств и забывать о приличиях достойно поведения представителя древнего рода?

Я буду стоять на своём.

Лорд Кайнор разводит руками:

— Леди, вы жестоки, — и умолкает. Правильно, иначе бы я продолжила перечислять самые неприглядные поступки Лоуренса.

Мне позволяют присесть.

Я обвожу взглядом поляну. Свободных мест почти не остались. По-моему, дощатую арену окружили едва ли не все обитатели замка. Издали, не приближаясь к благородным, даже слуги поглядывают, и их не гонят. Когда ещё будет такое развлечение? Поединки даже в столице редкость, а уж тут…

Шепотки и гул голосов стихает.

Появляются Лоуренс и Диан, идут независимо друг от друга и встают по разные стороны деревянной арены. Лоуренс выбрал для поединка сюртук цвета слоновой кости и искристо-белые брюки. С его белокурыми волосами выглядит… кукольно. Диан не стал изменять бордовому камзолу. Рядом с Лоуренсом он… тень? Даже сейчас я толком не могу рассмотреть его лица, словно перед лицом мутное стекло. Или, скорее, чары, рассеивающие внимание.

Оба лорда застыли, не глядя друг на друга. На меня тоже вроде бы не косятся.

До поединка считанные минуты.

На что способен Лоуренс в бою? Раньше я бы

сказала, что ни на что, но уж больно спокойно он держится. Откуда такая уверенность? Задумал подлость? С него станется не сражаться, а применить какой-нибудь артефакт. Или использовать те же руны. Кто сказал, что Лоуренс не освоил пару-тройку убойных комбинаций?

Полдень, солнце в зените.

Время тянется, господа заставляют себя ждать, но в рамках приличий, на дорожке появляется сине-зелёная герцогская чета в компании бело-золотого жреца и… чуть в стороне, но явно в свите идёт человек, закутанный в серый от дорожной пыли старенький плащ. На голову надвинут капюшон, за спиной дуется не менее пыльный мешок с поклажей, а поверх закреплена лютня.

Герцогская чета и жрец устраиваются в павильоне, менестрель же садится прямо на землю левее ступенек. Бережно сняв инструмент и положив на колени, он грубо сбрасывает мешок и подталкивает под бок, вольготно облокачивается.

Единственный, кто не сел — герцог.

— Сегодня утром у храмового пруда лорд Диан Ратти бросил вызов лорду Лоуренсу Гельдерну, посчитав, что лорд Гельдерн излишне волен в обращении к леди Юджин, с которой случилась

настоящая неприятность, падение в пруд.

Тьфу!

Факты, ни слова лжи, но как вывернуто.

Лорда Диана Ратти герцог тоже не жалует? Но лорд упрямо гостит в летней резиденции… Хм.

Как я раньше не замечала, что вокруг… столько интересного!

— Герцог, — подаёт голос Лоуренс, — поскольку поединок за леди Юджин, разве не будет справедливо, что леди выйдет к нам?

Поединок не за леди, а за оскорбление леди. Но правила приличий не позволяют мне вмешаться в разговор герцога с лордом. А если и вмешаюсь, герцог всё равно найдёт как со мной не согласиться. Нет, препирательства на пользу не пойдут.

— И правда, — соглашается его светлость. — Леди Юджин, прошу.

По знаку герцога выскочивший из-за павильона слуга выносит деревянный ящик и устанавливает для меня вместо тумбы. Я должна стоять на возвышении как какой-то приз. Унизительно…

Лорд Ратти нехорошо прищуривается, словно ему тоже не нравится происходящее, и я, поймав его взгляд, беззвучно, одними губами шепчу:

— Я буду верить в вашу победу, лорд.

Он отвечает улыбкой и успокаивающе прикры-

вает глаз. Можно не сомневаться, лорд Раттти тоже уверен в победе, а мне невыносимо хочется предупредить его, что противник хоть и не прославленный боец, зато подлец и в рукавах прячет козыри. Кстати… Руны, начертанные чистой энергией или даже светом, не запрещены, Лоуренс может применить их открыто.

Внезапно Лоуренс спрыгивает с арены, оказывается подле меня. Намерения прозрачные — подать мне руку, чтобы помочь подняться на перевёрнутый ящик. Высота как у обычной ступеньки, реальная помощь не требуется, но Лоуренс влез.

Зря он подставился.

Я делаю шаг в сторону и избегаю прикосновения:

— Лорд, вы мне отвратительны, и вас для меня не существует, — произношу я во всеуслышание.

Теперь выдать меня за него замуж будет капельку труднее. Увы, в летней резиденции нет никого, кто реально бы за меня вступился, а те же змеючки с лёгкостью распространят сплетню, что на самом деле я влюблена в Лоуренса и даже закрутила с ним роман, но на тайном ночном свидании мы поссорились…

Бежать, надо бежать.

Сделать ставку на руны?

Я встаю на ящик, так и оставив Лоуренса с протянутой рукой. Он лишь рассмеялся и качнул головой:

— Ледди Юджин, даже в гневе вы прекрасны, — Лоуренс возвращается свой край арены.

Уверена, прямо сейчас леди Лион или леди Ризара фыркают и высказываются на тему “влюблённые голубки бранятся, это так мило, но леди Юджин жестока”.

Со своего места поднимается жрец, вскидывает руку, и арену накрывает прозрачный купол, чтобы никакой шальной сгусток огня не улетел в зрителей. Жрец усаживается обратно всё также молча.

— Да начнётся поединок! — объявляет герцог и хлопает в ладоши.

Я невольно бросаю на него взгляд. Как так? По правилам, прежде, чем давать команду к началу боя, герцог или жрец должны были попытаться примирить соперников.

Лоуренс не торопится бить. Как и Диан.

Изогнув губы в ухмылке, Лоуренс произносит тихо-тихо, чтобы слышали только Диан и я:

— Прощайся с жизнью.

У меня от его обещания мороз по коже. Да, я

знаю, что бой есть бой, он непредсказуем и может закончиться гибелью кого-то из противников или даже обоих, но… это редкость редчайшая. Проигрывает тот, у кого заканчиваются силы. Победитель обозначает символический добивающий удар, и бой заканчивается. Даже серьёзные ранения редкость. А уж убийство…

Герцог в резиденции высшая власть и высший судья, он признает гибель Диана несчастным стечением обстоятельств. Жрец наложит какую-нибудь виру, но настолько несерьёзную, что можно не сомневаться — Лоуренс уйдёт безнаказанным. А вот Диан… Едва ли он может рассчитывать на снисходительность, наоборот, герцог воспользуется шансом. Или я чего-то не знаю?

Диан и Лоуренс не спешат, плавно двигаются по арене, кружат, будто хищники. И готовятся к решающему броску. Я невольно сравниваю их. Кукольный красавец и… блёклая тень. Но тень выглядит опаснее. Надеюсь, я не принимаю желаемое за действительное.

Пробный выпад, Лоуренс пускает огненный шар, и Диан легко обивает удар, отвечает точно таким же шаром, но если у Лоуренса огонь был светло-жёлтый, то у Диана багряно-рыжий, как

заходящее солнце. Лоуренс отбивает, и оба шара гаснут, впечатавшись в купол. Лорды продолжают кружить, будто обмена ударами и не было.

От зрителей доносятся вздохи.

Поединок не назвать зрелищным…

Всё меняется в одно мгновение. Выпад вперёд, Диан раскрывает ладонь в лицо Лоуренсу, и с его руки срывается шквал чистой энергии. Полыхает настоящая феерия, а я вместо восхищения пугаюсь — какое транжирство! Лоуренс ведь не слабак. Сияние переливается всеми цветами радуги, полыхает нестерпимо ярко. От зрителей летят возгласы восхищения. Но как только Диан отступает на пару шагов и опускает руку, становится ясно, что ничего не произошло. Лоуренс цел, невредим и по-прежнему уверен в себе, а на его губах сверкает насмешливая улыбка.

Диан никак не реагирует, лишь отступает ещё на шаг.

Лоуренс картинно раскидывает руки и вспыхивает светом, а затем медленно сводит руки. Диан успевает послать с пяток огненных шаров, но все их принимает выставленный Лоуренсом прозрачный щит.

Что-то мне не хорошо. Я не боец, в тактике и стратегии ничего не понимаю, зато я понимаю,

что Лоуренс хочет ударить не просто чистой энергией, как сделал Диан, а самим Светом. Получается… Лоуренс прошёл храмовое посвящение воина света?! Не знала! Я думала, что нет.

Сбить удар у Диана не получается, его огонь ничего не дал.

Лоуренс сводит ладони, и свет стекается к его пальцам, концентрируется по одной линии. До меня доходит, что Лоуренс создал Световое копьё. Это слишком! Но ни герцог, ни жрец Лоуренса не останавливают.

Диан закрывается щитом, и миг спустя Копьё разносит щит вдребезги.

Глава 9

Мой крик тонет в криках зрителей.

Я слишком хорошо знаю, что делает Копьё — пронзает, испепеляет изнутри, сперва сжигая энергетические каналы, а затем и телесную оболочку. От жертвы не остаётся даже пепла. Человек буквально испаряется как ледышка под летним солнцепёком.

Свет гаснет.

Там, где стоял Диан, никого. На арене один Лоуренс, и он, не скрываясь, усмехается. Он даже не пытается притвориться сожалеющим. Я чувствую, как на глазах наворачиваются слёзы, горло сдавливает, и мне становится трудно дышать. Но не от страха за будущее — ведь Лоуренс выиграл… меня. Мне больно за Диана, которого я толком не успела узнать. Почему он вступился за меня? Он действительно был готов пожертвовать жизнью? Почему…?

Это так неправильно!

Впору сделать ещё шаг по Тропе над Вечностью, но за мной тянется шлейф смерти и тьмы. Чем мне его уравновесить, чтобы не свалиться? Не-

чем… Хах, даже боги не смеют ступать на тропу. В отличии от них мне было нечего терять. Но второй раз…

Я должнаа что-нибудь придумать.

Слеза стекает по щеке.

Лоуренс склоняется в картинном поклоне.

Воздух перед ним вдруг расцветает сиянием, и на арене появляется невредимый Диан. Мой лорд усмехается и пускает с рук ветвистую молнию. Я подаюсь вперёд. Боги, я никогда не испытывала такого счастья, как сейчас. Диан…

Защититься Лоуренс не успевает. Он вообще ничего не успевает, слишком уж уверовал в свою безоговорочную победу. Молния оплетает и жалит. Диан сейчас мог бы убить, но не делает этого.

Даже не крича, а позорно визжа, Лоуренс валится на пол, и Диан чуть ослабляет молнию, разряды продолжают бить, но слабее, реже.

— Лорд Гельдерн, вы встали передо мной на колени. Мне следует считать ваш жест признанием поражения?

Всё же Лоуренс, ощерившись и растеряв остатки очарования, пытается ударить, но молния вспыхивает ярче, и Лоуренс снова валится, упирается лбом в пол.

— Я признаю поражение, — хрипит он.

Диан послушно гасит молнию, но издевательски требует:

— Чётче, лорд Гельдерн. Я плохо расслышал.

— Я. Признаю. Поражение.

Усмехнувшись, Диан поворачивается к герцогу и кланяется. Лоуренс в это время тщетно пытается соскрести себя с пола — конечности разъезжаются, трясутся, и подняться он никак не может. Про подлый удар в спину тоже можно забыть. Впрочем, Диан явно контролирует противника и к атаке готов.

Жрец, не торопясь, снимает купол, а герцог с той же неспешностью поднимается:

— Безоговорочная победа за лордом Дианом Ратти, — признаёт он очевидное.

— Благодарю. Герцог, позвольте обратиться к вам с просьбой? Я прошу немедленно отправить лорд Гельдерна к целителю. Кто бы мог подумать, что посвящённый воин, владеющий Копьём света окажется настолько… чувствительным.

Оу!

Я просто не могу не восхищаться. Диан не только заранее отразил любые обвинения в излишней жестокости, но и лишний раз унизил Лоуренса, обозвав слабаком. А ещё и самому гер-

цогу устроил маленькую неприятность. Лоуренса бы отправили к целителю в любом случае, но сейчас получится, что герцог выполняет то, что сказал Диан.

Вмешивается жрец:

— Отнесите лорда Гельдерна ко мне, я сам посмотрю.

— Да, светоч, — тотчас откликается герцог.

— Спасибо, светоч, — Лоуренс тоже подал голос.

А Диан, больше не заботясь ни о герцоге, ни о жреце, ни о Лоуренсе, подходит ко мне.

— Леди Юджин, позвольте предложить вам руку?

Я легко могу сказать, что не позволяю, и, уверена, лорд отступит, но я протягиваю ладонь, и совершенно не удивляюсь, когда лорд, воспользовавшись шансом, не просто помогает мне спуститься с перевёрнутого ящика, он склоняется к моим пальцам и мягко касается губами, запечатлевая поцелуй. Меня пробирает до мурашек.

— Лорд, — сглатываю я.

— Леди Юджин, неужели вы вновь забыли моё имя? — шепчет он. Вроде бы шутя, но что-то мелькает в его взгляде, что я понимаю, лорд ждёт ответа всерьёз.

— Лорд Ратти, — улыбаюсь я.

Он помогает мне спуститься.

Краем глаза я отмечаю, что первым в направлении храма удаляется жрец. Слуги несут за ним Лоуренса, так и не сумевшего подняться. Я начинаю подозревать, что Диан как-то повредил ему. Мало ли, сухожилие повредил или ещё что-нибудь в том же роде.

Герцог уводит супругу, и я случайно ловлю её взгляд. Сколько злости и недовольства…

— Леди Юджин, — окликает меня леди Лион.

Брат с сёстрами тоже уходят с поляны, и компаньонки девушек следуют за ними, держась на небольшом расстоянии, чтобы не мешать семейному разговору. Меня от обязанностей никто не освобождал, и лорд провожает меня буквально пару шагов.

— Увидимся на ужине, — шепчет он.

Почему я краснею?!

Я как в тумане присоединяюсь к остальным компаньонкам. Леди бурно обсуждают поединок, им не до меня. Слишком их поразил эффектный удар Копьём, исчезновение Диана и ответная атака. Но в беседу быстро вмешивается старшая дочь герцога:

— Разве лорд Ратти использовал не подлый

приём? — фыркает она. — Спрятаться.

Я влезаю раньше, чем соображаю, что творю:

— Лорд Ратти появился прежде, чем атаковать. Он ударил открыто. А вот лорд Гельдерн, использовав Копьё, показал, что под предлогом защиты чести намерен совершить самое настоящее грязное убийство. Отвратительный позорный поступок.

И ведь я говорю правду.

Старшая леди резко оборачивается. Возразить ей нечего. Она зло сощуривается, но я выдерживаю её взгляд с досадой понимая, что очень глупо выдала свои истинные намерения. Но в то же время… Да, выдала. Но зато узнала, что за Гельдерна меня выдали с умыслом, что зачем-то этот брак нужен то ли герцогу, то ли самим Гельдернам, что вероятнее. Словом, обмен равноценный.

Герцогская семья устраивается в гостиной, а нас, компаньонок, отпускают — близится время обеда. Вероятно, слуги чуть задержатся, они же по негласному разрешению тоже смотрели поединок. Оказавшись в холле, я вдруг понимаю, что леди сбились в стайку, а я осталась в одиночестве. Я отворачиваюсь и подхожу к окну. Вид открывается на парк, но я знаю, что где-то там, за высаженными и выращенными армией

садовников деревьями, стена, опоясывающая территорию летней резиденции. Стена защищена магией, но легко пропускает посторонних. А дальше во все стороны простирается полный опасностей дикий лес.

Девушки щебечут. Кажется, они снова смакуют поединок. Кто бы сомневался… Я напрягаю уши, прислушиваюсь. И не сдерживаю улыбки — полощут Лоуренса. Правильно, я же в разговоре не участвую. Для кого врать?

— Леди, — нарушает идиллию старшая горничная, — обед подан в Ольховую столовую.

Я иду за девушками, отставая на несколько шагов, и в результате вхожу последней, но обвинить меня в опоздании невозможно. Леди Сью как и утром восседает во главе стола и поджимает сухие, будто луковая шелуха, губы. Я исполняю реверанс и, не дожидаясь отдельного разрешения, занимаю место за столом.

Слуги подают суп, сегодня морковный. Нас обслуживает один лакей — порции стоят на специальной тележке, с которой он переставляет их на стол. Притрагиваться к еде, пока лакей не скроется с пустой тележкой и, главное, пока леди Сью не снимет пробу, нельзя. Я терпеливо жду.

Леди Сью удивляет. Она поднимается из-за

стола. Нам всем тоже приходится встать. Леди же складывает перед грудью ладони, сцепляет пальцы и громко начинает благодарственную молитву Свету.

На самом деле она не права. Мы же не в храме. Но кто будет спорить? Остальные леди подхватывают, и я тоже складываю руки, шевелю губами. Благодарственная молитва мне ничем не навредит. А вот суп остынет.

Молитва подействовала — обед проходит не как обычно, под разговоры о погоде и сплетни, а в гнетущем молчании. Лишь под конец, когда на десерт подают лесные ягоды, одна из девушек вздыхает:

— В Лазурной столовой играл менестрель.

— Менестрель будет играть на ужине, — отрезает леди Сью.

Если бы я не опасалась мага от музыки, я бы тоже грезила услышать мелодию в его исполнении. Ничего удивительного, что, когда мы со второй компаньонкой возвращаемся в апартаменты леди Мияноры, девушка набрасывается на госпожу с расспросами. Но леди Миянора, сладко зевнув, отмахивается почти теми же словами — за ужином сами услышим. Она объявляет, что после обеда подремлет и… отпускает нас. Понят-

но, что леди Миянора в любой момент может передумать и позвать нас обратно, но всё же. Час-полтора свободного времени редкий подарок. И распорядиться им следует правильно.

Вторая компаньонка попросила горничную принести незавершённую вышивку, а вот я путаться в нитках не собираюсь.

— Я могла бы показать вам некоторые азы, леди Юджин. Ваши цветы… откровенно говоря, без слёз не взглянешь. Их будто не леди вышивала, а прачка.

— Спасибо, леди Ионна, я обязательно воспользуюсь вашим щедрым предложением. Позднее.

Час я потрачу с умом…

Главное, что я должна сейчас сделать, это решить — идти ли мне на ужин или сослаться на мигрень? Я перебираю в уме то немногое, что знаю о менестрелях, причём это больше сказки и домыслы, чем правда. Я не понимаю, чем может быть опасен маг от музыки лично для меня, но в свете того, что его появление спровоцировало пронёсшеся вчера по резиденции эхо тьмы…

Ха! Точно!

Какой ужин, когда мне жрец велел явиться на закате! Ужин отменяется.

Правда, радоваться нечему, потому что в храме

будет Лоуренс, чтоб его Бездна пожрала.

Ха…

А куда я, собственно, иду? Я собиралась нырнуть в свою комнату, но почему-то оказалась в галерее этажом выше. Этаж нежилой, полузаброшенный, здесь голые каменные стены и старые гобелены с изображением светлых побед. Ноги продолжают идти, и я лишь усилием воли останавливаюсь, хватаюсь за стену. Только сейчас я начинаю слышать переливы струн, и я вдруг понимаю, что леди Миянора захотела подремать после того, как послушала игру менестреля.

Я делаю шаг назад.

Ещё шаг.

Из-за поворота выходит менестрель. В руках старенькая лютня. Перелив струн стихает, но менестрель не выпускает инструмент из рук. На его плечах всё тот же грязный потрёпанный плащ, но для разнообразия менестрель сдвинул капюшон за спину и открыл немолодое лицо, огрубевшее под ветрами и солнцем. Ресницы выгорели, и кажется, что их нет. Как и бровей. Лицо… неприятное. Менестрель выглядит как бродяга. Ну, он и есть бродяга. Не знаю почему, но мне ни разу не попадалось упоминания, что менестрель осел, отказался от дороги. Наоборот, одна из слезливых

легенд рассказывала, как менестрель предал свою возлюбленную, предпочтя ей дорогу.

— Смиренно приветствую прекрасную госпожу, — кланяется менестрель, но почтительностью меня не обмануть.

— Открытых дорог Певцу.

Его глаза… в них холод и затаённое убийственное намерение.

— Ми сальтус ляведжнто, — он касается струн, его голос сливается с музыкой, слова тонут в мелодии.

Я рвано выдыхаю. Не враг.

— Ми сальтус декнисто, — тихо откликаюсь я.

— Декниста, — поправляет менестрель с улыбкой. — Прекрасная госпожа, вы знаете тайный язык.

— Нахваталась по книгам, — возражаю я.

— В наше дни даже это много, — менестрель убирает лютню за спину. — Музыкальный слух тонкий. Вчера я услышал тоскливые вздохи душ из Чертогов Смерти, шорох праха, ковром укрывающего Тропу над Вечностью и молчание Бездны. Прекрасная госпожа, вы знаете тайный язык, от вас звенит светом, но вы ни тёмная, ни светлая.

— Я свободная.

— Да, — легко соглашается он. — Вчера мне по-

казалось, что я уловил зов надежды, но теперь я слышу, что вы нашли свой путь. Я ошибся. Счастливого пути, госпожа, и до встречи в конце пути.

— До встречи. Все дороги ведут… к Смерти.

Менестрель улыбается, отступает на шаг. Заведя руку за спину он касается струн. Звуки раздаются и стихают, а вместе с ними исчезает и менестрель, тает как его мелодия. Или как призрак — был и нет.

Чуда волшебной игры обитатели резиденции не услышат…

А я вдруг задумываюсь — может быть менестрель ошибся не вчера, а сейчас?

Глава 10

На тайном языке менестрель называл меня отнюдь не прекрасной госпожой, а странницей. Обычное обращение, учитывая, кто он — менестрели верят, что жизнь дорога, а люди на ней путники. Но…

Для меня его обращение это подсказка, ключик. Надо только покрутить подаренную менестрелем идею, обдумать.

На третьем этаже делать больше нечего, и я возвращаюсь на второй. И сходу натыкаюсь на спешащую куда-то личную горничную леди Мияноры. Служнка меня тоже замечает, резко останавливается и, поклонившись по всем правилам, сообщает:

— Леди Миянора очень удивлялась, почему вы отказлись от благородного занятия рукоделием. Госпожа также спросила, почему не видит свою… компаньонку.

Напоминать, что леди Миянора сама же нас отпустила, я не буду. Получается, менестрель ушёл, и его колыбельная мелодия больше не наводит дрёму? Жаль…

А ведь менестрель ни разу не светлый… Они вообще светлыми бывают?

Служанка скрывается в коридоре, ведущим к кухне. Скорее всего леди Миянора захотела чаю и чего-то существенного к нему. Если менестрель на обеде навевал сон, вряд ли она вышла из-за столаа сытой.

Я поворачиваю в господское крыло, но, заметив среди слуг странную суету, меняю направление, чтобы поймать кого-то из младших и распросить, но ответ я получаю даже раньше, чем открываю рот, и без малейшийх усилий. Просто бросаю взгляд за окно с видом на парк, и вижу как по дорожке шагают двое мужчин. И одного из них я узнаю моментально — прибыл дядюшка Лоуренса, доброжелательный стареющий мужчина с феноменальным чутьём, напоивший меня ядом. Второго издали я узнаю, тоже Гельдерн, но ни имя, ни, что важнее, статус в семье, не вспомню. Вроде бы боковая ветвь, но из приближённых.

Мда.

Их появлению я не удивляюсь — у Гельдернов, как у воинов света, есть способы мгновенного перемещения на большие расстояния. “Светлый шаг” называется. Способны на него только посвящённые, светом они буквально пронзают

расстояние и оказываюсь в любом месте по своему желанию, если только оно не защищено.

Идут, очевидно, к храму проведать Лоуренса.

Его дядя не тот, кого я смогу обмануть — слишком проницательный, слишком осторожный и… слишком любящий радикальные решения. Если вспомнить, меня и так приговорили, но, лишь заподозрив неладное, он принял меры, не позволив прожить лишний день.

Моё положение в резиденции мало отличается от положения в родовых землях Гельдерн. Здесь вольнее дышится, да. Здесь иллюзия свободы. Именно, что иллюзия. Случись, что со мной, никто не вступится. Родители далеко и никакого влияния не имеют, а главе рода я не нужна.

Я отстраняюсь от окна и, кажется, вовремя. Лорд Гельдерн обернулся? Не знаю. Почудилось, что да. Проверять себе дороже.

Я отступаю от окна и тороплюсь… к госпоже. Уж лучше сидеть при ней и не отсвечивать. И думать.

Леди Миянора окидывает меня полным недовольства взглядом, но замечания не делает, и я подхватываю пяльце, иголка с ниткой уже воткнуты в кривой цветочек.

— Мелодия словно перенесла мою душу в Сады

светлой Кобельты, — продолжает леди Миянора прерванный моим появлением рассказ. — Я будто наяву увидела цветы, и порхающих над ними певчих птиц…

— Мне не терпится услышать! — восклицает леди Ионна.

— Жаль, что леди Юджин пропустит ужин, — хмыкает леди Миянора.

Как сказать… Действительно жаль, но не из-за менестреля, который уже убыл, а из-за Гельдернов, засевших в храме. Я уверена, что дядя Лоуренса захочет встретиться со мной именно в храме.

Так…

Так-так.

Подсказка менестреля. Я не доберусь до ближайшего городка, обычный побег смертельно опасен и бесперспективен. Но что насчёт иных дорог? Я не маг, пронзить пространство и переместиться я не смогу. Зато я смогла бы шагнуть на одну из тёмных троп.

Из хорошего — возможно, смогу сбежать.

Из плохого — на тёмных тропах я скорее помру, чем куда-то дойду. А если дойду, пропитаюсь тьмой. Сама тёмной не стану, но разить от меня будет, как от рыбины, тухнущей на жаре. И про-

стым купанием в храмовом озере тьму не смыть. Руна очищения поможет, но полностью следы не уберёт. Точнее, уберёт, но времени понадобится гораздо больше.

Рискнуть?

А чего ждать? Новой порции яда? Поняв, что со мной не всё в порядке, дядя Лоуренса будет действовать в своей излюбленной манере.

— Леди Юджин?

Я поднимаю голову:

— Да, леди Ионна?

— Вы так расстроены, что не услышите менестреля?

— Мигрень, — я картинно прижимаю указательный палец к виску и массирую кожу, а затем и вовсе откладываю рукоделие и поднимаюсь:

— С вашего позволения, леди Миянора.

Повод благородный, и, самое главное, я использую его чуть ли не впервые. Поэтому отказать госпожа не может, это будет некрасиво с её стороны, и леди Миянора, скривив точёный носик, царственным взмахом позволяет мне уйти. Как простой служанке. Леди Ионна тихо фыркает. Я исполняю реверанс и покидаю недружелюбную компанию.

Меня заботит иное.

Если я выбираю тёмную тропу, то куда идти? К родителям? Подставлю. Впрочем, я их уже подставила, и надо… А что надо? Обратиться к главе рода? Рискнуть остаться? Мысли разбегаются, варианты один другого глупее.

Однозначно, куда бы я ни направилась, это будет крупный или средний город. Беру сменное платье, бельё и украшения. Их я сдам в ломбард, выручу деньги…

Что делать с проклятым кольцом? Я подхватываю зеркало, раздумывая, забросить на дно сумки или нет, взгляд цепляется за собственное отражение, и оно, подёрнувшись рябью, меняется. Лицо пропадает, из зеркала на меня скалится череп, облепленный иссохшей пергаментной кожей.

Дрогнув, я давлю порыв отбросить страшную морду и лишь крепче вцепляюсь в ручку зеркала. Отбрасывать точно нельзя… Потому что я не знаю, что случится, если стекло разлетится на осколки. Тёмное существо выберется сюда или уйдёт?

Череп клацает зубами, будто разминает челюсти:

— Не узнаёшь, девочка? — раздавшийся голос полон нежности, мягкости и похож на шелест листвы. Трудно поверить, что его издаёт… череп.

— Нет, простите… Госпожа.

Клац.

Клац-клац.

Каждый раз я невольно моргаю. Зрелище, как бы я ни крепилась, пугающее.

— Здесь повсюду воины света, — предупреждаю я.

— Они не почуют. Я с этой стороны.

Не почуют, но если будут проверять тщательно, то… Руны не фонят, тем более напитанные жизненной силой, пожертвованной через кровь. Но это не значит, что у Гельдерной не найдётся какого-то способа.

Отложить разговор? Но с каждым часом становится хуже и хуже.

— Простите, госпожа, я не узнаю.

— Ты украла мою душу у Света, и просила об услуге.

— О? Жрица… Приветствую.

Почему она здесь?! Я была уверена, что, сбежав от Света, она отправится туда, куда отправляются души умерших жриц культа Даро — в Чертоги Смерти. Точнее, Чертоги сами притягивают души, которые должны им принадлежать. Впрочем, жрица наверняка знает немало уловок и лазеек.

Клац-клац.

— Я прошу ус-с-слугу, — выдыхает она. Её голос теряет сходство с голосом живого человека и всё больше напоминает шелест.

— Если это в моих силах и не во вред, — я соглашаюсь мгновенно. Иметь в должниках жрицу очень ценно.

Череп деловито кивает.

— Ты та, кто смогла пройти Тропой над Бездной.

— Второй раз не полезу! — меня вдруг передёргивает, будто я на мгновение оказалась вморожена в ледяную глыбу.

Очень смутное, но до ужаса реальное воспоминание не оставляет сомнений. Над Бездной я пережила кошмар, повторение которого… нет-нет, не могу. Я облизываю пересохшие губы, по телу пробегает волна крупной дрожи. Если бы я не стискивала ручку, зеркало бы разбилось.

Воспоминания, так и не обретя ясность, отступают, озноб остаётся. Логично… В Вечных Чертогах не светит солнце, там лишь тлен и стылый холод. Ничего удивительного, что люди выбирают Свет, что в Садах светлой Кобельты, что в Чертогах Белогорья не в пример уютнее. Если верить описаниям из легенд.

— Тебе знакомы тайные тропы, девочка?

— Читала.

— Плохо… Но жо не так уж и важно. Тропу над Бездной называют Матерью всех тёмных троп. Если ты прошла по ней, другие тебя примут. Сходи в одно место, девочка и передай от меня привет. Это важно, очень важно.

Хм…

С одной стороны, просьба в масть, я как раз и думала шагнуть на тёмную дорожку и перебраться то ли в столицу, то ли просто в крупный город. С другой стороны, просьба звучит настолько просто, что я не верю. Что это за привет такой, что жрица хочет передать его с Той стороны. И почему не может сама? Со мной она как-то связалась же.

В зеркале вспыхнула последовательность алфавитных рун, особых знаков, настоящими рунами не являющихся, но не нарушающих цепочки, используются для записи имён и названий. Иными словами я получила адрес.

— Но…

— Ключ в твоём зеркале, — сообщает жрица и исчезает. Вместе с ней исчезают руны.

Я снова вижу в зеркале то, что в нём и должно быть — своё отражение.

И что делать, а?

Гельдерны, демоновы Гельдерны…

Рискнуть? Допустим, я уйду тропой в средней руки… портовый город. Я обменяю украшения на деньги, найду корабль, возможно, проберусь тайком, спрячусь. Гельдерны возьмут след, а эхо тьмы разнесётся далеко… Даже порт и корабль не станут спасением. У меня недостаёт ни жизненного опыта, ни знаний об окружающем мире. Что я видела, кроме стен родовых земель моих… тюремщиков?

Сильный союзник — вот мой настоящий шанс.

Я сомневаюсь, но в глубине души решение созрело. Буду уповать на негласный кодекс чести последователей Даро. Если верить книгам, “слуги Смерти”, как их ещё называют, умеют быть благодарными. Они легко обманут чужака, но, если ты оказал культу услугу, тебе не причинят вреда. Свет выжигал душу жрицы, я спасла её от уничтожения и… могу рассчитывать на некоторую взаимность. Я бы предпочла получить в качестве гарантий клятву, но из зеркала на меня смотрит моё собственное отражение, и как вернуть жрицу, я представляю смутно. Известные мне варианты призыва почуют Гельдерны, так что мимо.

Пусть не клятва, но жрица упоминала услугу.

Ага, быстрая безболезненная смерть тоже может считаться наградой. Культ-то своеобразный, и это мягко сказано. Ошибусь… ну, я читала, что бабочки, выбравшись из кокона, живут недолго. Я стараюсь сдержать истеричный смешок и бросаю зеркало в сумку.

Руна сокрытия, рука очищения отложенного действия, руны призыва тёмной тропы и последовательность алфавитных рун из зеркала.

У меня темнеет в глазах… А, нет, это мир вокруг сереет. Меня окружает не туман, а, скорее, дымовая завеса, в которой теряется извилистая тропа. Если обернусь, то сзади тоже увижу дым. Я так думаю. Обойдусь без проверок — слишком уж легко сбиться с пути.

Кто-то невидимый протяжно вздыхает. Я аж подпрыгиваю от неожиданности.

— Чтоб тебя! — рявкаю я. Напугал…

Тропа условно безопасна, но это не значит, что можно рассчитывать на лёгкую прогулку. Особенно с непривычки. Оступился мимо узкой надёжной полоски — погиб. Сбился с пути — погиб. Испугался призраков и теней, шарахнулся и слетел с тропы — погиб.

А ещё на тёмной тропе слишком легко замёрзнуть. Холод пробирает до костей.

К счастью, идти недалеко. По тропе. Всего за несколько шагов я могла преодолеть расстояние недели пешего пути, месяца, года… Расстояние и шаги, насколько я знаю, между собой никак не соотносятся.

Вздыхает невидимка, и кажется, что где-то совсем рядом, над самым ухом.

Впереди брезжит рассвет. Дымная завеса расходится и открывает взгляду горы. До скалистого уступа остаётся пяток шагов.

Глава 11

Очень интересно.

Тёмная тропа привела меня в уголок дикой природы. С одной стороны пропасть и звон горного ручья, пробирающегося среди зубьев валунов. С другой стороны скальная стена.

— Привет? — хмыкаю я.

Страха пока нет. Я жмурюсь, подставляя лицо тёплым лучам солнца. Где бы я ни оказалась, уйду той же тропой, только в город.

Ответа на свой привет я не получаю. Я и не ждала. Изначально понимала, что в просьбе кроется если не глобальная подстава, то хотя бы мелкий, но вредный подвох. Я ещё раз оглядываюсь. На скале ничего стоящего внимания, а вот край уступа, на котором я топчусь… Он выглядит обломанным, и я осторожно опускаюсь на колени, затем и вовсе ложусь и подползаю к краю. Если кромка начнёт крошиться — должна суметь окатиться под стену. Но кромка достаточно крепкая, а внизу я замечаю обломки. Если поднять их сюда, наверх, и прилепить к уступу, то можно будет добраться до выступа стены. Что за ним

скрывается, мне не видно, но, думаю, не ошибусь, если там есть какой-то проход. Нависающий над пропастью карниз явно обломали.

Хм…

Жрица дала подсказку, она сказала, что ключом является кольцо.

Если подумать… Культ Даро веками крепко держал позиции, но двести лет назад был почти что уничтожен. И тогда же началось возвышение Гельдернов. Одно с другим связано?

Я достаю зеркало, отпираю тайник и вынимаю кольцо.

Видимо, его следует надеть…

Нет, я пытаюсь приложить его к стене не надевая, но ничего не получается.

Кольцо великовато, на пальце сидит свободно. Надевая, я боялась, что артефакт откликнется, и ободок сожмётся, но нет, ничего подобного. Я снова прикладываю камень к скале, потом замечаю крошечную, похожую на скол, трещинку и прижимаю камень к ней.

Гельдерны любят устраивать секретные закутки. Участок стены исчезает, и я попадаю… в глубокую ниши. Пещерой место не назвать.

Я сглатываю, потому что на входе меня встречает скелет. К счастью, неподвижный, но с культом

Даро ни в чём нельзя быть уверенной. Я читала, что половина их жрецов нежить, то есть безобидный скелет в любой момент может подняться и… стать очень даже обидным. Мда.

Тряпки, некогда бывшие одеждой, превратились чуть ли не в труху, тронь — и полетит пыль. Чихать мне не хочется, и я прохожу вперёд, чтобы заметить торчащую из рёбер скелета рукоять. Меч? Скорее, кинжал. Трогать и проверять я не рискну, мне только какое-нибудь проклятье подхватить не хватало…

— Меня прислала жрица передать привет, — пробую я.

Скелет как полулежал-полусидел, так и остаётся.

Я неуверенно шагаю вперёд.

Проход, открытый кольцом давно закрылся, но в закутке по-прежнему светло, и это странно, но, сколько я ни оглядываюсь, источник освещения не нахожу.

Снова тряпьё. Истлевший ковёр? Тогда откуда горбыли? Я всё же пробую поднять ветхую материю, и обнаруживаю котелок. Получается, на уступе стояла палатка? Рыться в древнем хламе никакого желания, тем более мне дальше. Ковёр уцелел. Запачкался, но если отстирать, то шёлк

будет как новенький. Правда изображение… То ли похороны, то ли ритуальное жертвоприношение. Словом, совершенно не то, что я хочу постелить у кровати.

Ещё один скелет. Тоже убит ударом клинка. Но в этот раз рукоять повёртнута так, что я могу рассмотреть светящееся клеймо Гельдернов. Клинки источают свет? Хм… Нет! Клинки его поглощают и вливают в скелеты. Видимо, иначе те поднимутся. Выдернуть?

Рядом со скелетом лютня. Ещё один менестрель?

Думаю, я поняла, для кого мой привет.

На уцелевшем ковре тёмными кочками истлели подушки, и среди них, свернувшись калачиком, лежит… живая фигура. Я не уверена, что она может быть живой. Без глотка воды, без пищи. Но тело не тронуто тленом, а грудь мерно вздымается и опускается. Волосы расползаются по сторонам, ногти… нет, ногти не отросли, вместо них настоящие когти. Девушка сладко спит, губы чуть округлились, и во сне она причмокивает.

— Доброе утро, — я делаю ещё шаг.

Очевидно, чтобы передать привет, я должна девушку разбудить…

Над ней мерцает руна… Значение я считываю

легко — “сон” или, вернее, “сладкие грёзы”. А вот, что руну питает, понять не могу. Тьма присутствует, но как приправа. В любом случае ни крох моих сил, ни крови не хватит, чтобы её перебить.

Но…

Раскровив палец, я присаживаюсь на корточки и прямо на лбу девушки, между бровями рисую руну пробуждения. Этого не хватит, чтобы снять чары, но это, пожалуй, единственное, что я могу сделать. Чего жрица от меня ждала? Следовало выражаться яснее. Она подсказала с кольцом-ключом, но промолчала по поводу руны сна. Значит, была уверена, что я справлюсь сама.

Ноги подгибаются, я валюсь на грязный шёлк. За руну я заплатила жизненными силами. Кажется, я провалилась то ли в сон, то ли в обморок. Когда я открыла глаза, вокруг вроде бы ничего не успело измениться, только исчезла руна сна, а девушка оказалась не лежащей, а сидящей, но с по-прежнему закрытыми глазами. Я прислушалась к себе — лёгкая слабость, но и только. Сесть смогу.

— Я чувствую шлейф тьмы, но твоя душа сияет как призма льда в лучах зимнего солнца.

— Оу…, — какое чудное кружево слов. — Я не принимала посвящения, госпожа.

Она ведь об этом?

Тоже жрица?

— Госпожой в разных обстоятельствах можно назвать кухарку, а можно — королеву. Ты не знаешь, кто я? — она будто мысли подслушивает.

— Нет, госпожа. Одна из жриц культа Даро попросила оказать ей услугу. Я должна передать её приветствие. Жрица скрыла детали во тьме, но подсказала, как алфавитными рунами написать название этого места, и я пришла.

— Вот как? — девушка чуть поворачивает голову, глаза по-прежнему закрыты, а меня пробирает от почти осязаемого предчувствия угрозы. — Кольцо на твоём пальце принадлежит врагу.

— Я не Гельдерн!

— А кто же ты, девочка, принёсшая аромат Бездны? Я посмотрю, — девушка в мгновение оказывается рядом.

Её ладони на моих щеках, когти чуть царапают кожу — девушка не пытается причинить мне настоящего вреда, осторожничает. А ещё она поднимает веки.

Жуть.

Просто жуть. Чем она смотреть собралась, если у неё нет глаз?!

Вместо глазниц провалы, заполненные тьмой,

но на дне, под чёрной пеленой… Я не успеваю ничего понять, мне кажется, будто моя голова раскалывается в самом буквальном смысле, но при этом, что удивительно, боли я не чувствую, и я… прекращаю существовать? В себя меня приводит лёгий шлепок по щеке, и первая мысль — у девушки мертвецки холодная рука.

Я пытаюсь отползти раньше, чем осознаю, что делаю. Ползти или даже убегать нет никакого смысла. Тёмная госпожа… Уже то, что она смогла погасить усыплявшую её руну, говорит о многом. Я рядом с ней та самая бабочка, которую прихлопнуть — раз шлёпнуть.

— Я тебя напугала? — лукаво спрашивает она.

— Не знаю, я устала бояться.

Гаснуть страшно, а в небытии спокойно…

А стена изменилась — взгляд цепляется за борозды, будто, пока я была без сознания, тёмная полосовала валуны в припадке гнева. Истлевшее тряпьё засыпано свежем крошевом камней. Я оглядываюсь, оценивая разрушения. Мда, я тёмной даже не на шлепок, а на полноготка мизинчика придавить.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда, Юджин. Едва ли ты понимаешь, что сделала для меня лично и для всех, как там нас называют, чере-

поголовых. Возможно, однажды ты поймёшь, но давай не о нас, давай о тебе. Скажи, чего ты хочешь, девочка, сумевшая пройти над Бездной? Я видела, как низверглись боги, видела, как падали смелые души, как единицам удавалось сделать заветные шаги и возродиться. Видела, как однажды хитрец прошёл по Тропе над Бездной во плоти и стал себе потерянным братом-близнецом. Чего же ты хочешь, Юджин?

— Безопасности.

Это то, ради чего я рискнула сюда прийти.

Тёмная госпожа задумчиво накручивает на палец локон. Её веки снова опущены, и длинные ресницы отбрасывают на белоснежную кожу тень, отчего кажется, что у девушки под глазами ажурное кружево.

Почему она медлит?

— Окажи мне ещё одну услугу, Юджин. У тебя кольцо Гельдернов, и ты не тёмная. Ты можешь легко извлечь клинки. Им больно…

Кому, им? Клинкам? Скелетам?

Я слишком далеко зашла, чтобы отказать. Я поднимаюсь на ноги. Меня немного ведёт в бок, но я ухватываюсь за покарябанную стену. И по стеночке ползу к выходу — начну со скелета у входа, на вид он более безобидный. А вот менестрель…

Хотя менестрель маг от музыки, без лютни вроде бы не отличается от обычного человека, но я в это не верю.

И я склоняюсь над неподвижными костями:

— Он ведь не оживёт сразу? — уточняю я.

— Нет, я его отпущу.

Что?

Ладно, не важно. Меня больше клинок беспокоит. Я осторожно обхватываю пальцами рукоять, тяну на себя. Сперва мне кажется, что лезвие застряло наглухо, но кольцо отзывается, правда, не привычным теплом, а, наоборот, холодом, и клинок ложится в ладонь. Клеймо гаснет.

Протяжный вздох, подобный тем, что преследовали меня на тёмной тропе, и скелет рассыпается в муку.

— А-пчихи!

— Пфф!

Не обращая внимания, я возвращаюсь к менестрелю и уже гораздо увереннее вытаскиваю второй клинок. Куда их девать, кстати? Пока что я оба держу в руках, будто воительница, ага.

Тёмная госпожа тоже поднимается. Как она с закрытыми глазами ориентируется?

Шагнув к менестрелю, она отвешивает черепу самую настоящую оплеуху. От удара череп пере-

кашивает, и я жду, что он покатится по камням, а то и вовсе разобьётся, но нет. В месте прикосновения появляется шелуха сухой кожи, подобие плоти. Выглядит… отталкивающе, неприятно, но не сказать, что страшно. Похоже на кожуру, наверное.

Скелет медленно поднимает голову. Я отступаю на шаг и утешаю себя тем, что скелет явно ручной, без позволения госпожи меня не тронет. Но всё равно я пячусь.

В глазницах пусто, но скелет, как и девушка, прекрасно ориентируется в пространстве. По крайней мере госпожу он опознаёт сходу и мягко перетекает из положения сидя на колени, склоняет голову. Да, уже не череп, но ещё и не лицо. Скорее мешок из грубой кожи с прорезями для глаз. Брр.

Зато ни запаха, ни гнили. Всё чистенько. Я бы могла коснуться без омерзения.

— Эм… А куда ножики деть?

— Я слишком люблю его игру, чтобы отпустить, — невпопад отвечает тёмная госпожа, она так и не представилась, не предложила, как к ней обращаться, если не называть “госпожой”. — Ножики… брось. Или забирай, если хочешь.

Хм… Я аккуратно кладу их в угол, потому что

мне они, наверное, не нужны. Что я с ними буду делать? Или…

Поколебавшись, я прячу клинки в зеркало.

Тёмная хихикает, она явно заметила мою уловку.

Она усаживается на шёлковый ковёр, не беспокоясь об истлевших тряпках, подбирает под себя ноги и приглашающе хлопает рядом с собой. Менестрель тотчас садится и, словно, получив команду вольно, тянется, осторожно поднимает инструмент, прижимает к себе.

Я окончательно перестаю бояться. Подумаешь, нежить. И что? Менестрель обнимает лютню как любимого питомца, и это его жест слишком человечен, чтобы продолжать воспринимать мага от музыки инаковым.

В конце концов, разве я не мёртвая, вернувшаяся из-за грани? Чем я отличаюсь от него? Вот-вот.

— Госпожа? — окликаю я молчащую тёмную.

— Ты сказала, что ищешь безопасности, но это неправильные слова, Юджин. Безопасно в Вечных Чертогах, но разве ты хочешь уйти за Грань? Ты жизнелюбива, Юджин, ты из тех, кто цепляется за жизнь до конца. Так чего же ты хочешь, девочка, уцелевшая над Бездной? Чего ты на самом деле хочешь? Защита, деньги? Моё про-

буждение стоит гораздо дороже, Юджин. Забудь страхи, сомнения. Представь, что враги исчезли, что никто не ищет тебя, не преследует. Тебе открыты все дороги мира. На какую из тропок ты хочешь ступить?

Веки опущены, но я чувствую на себе её пытливый взгляд.

И я теряюсь.

Глава 12

Чего я хочу?

Я не задумывалась. Потеряв ребёнка, разочаровавшись в Лоуренсе, осознав, что заперта в клетку, я… думала, что смерть станет для меня выходом, но тёмная госпожа права, я жизнелюбива. Я цеплялась за возможность выйти ранним утром в парк или пройтись по дому, когда и Гельдерны, и слуги спят. Я отыскала библиотеку, и начала читать, потом — учиться, думать, планировать.

Только вот… как говорится, гладко было на бумаге, но забыли про буераки. Мой продуманный план не прошёл проверку реальностью.

Я верила, что порвать отношения с Лоуренсом достаточно, но…

— Я хочу свободы. Я не про истинную свободу, которую дарует Бездна, а свободу в житейском понимании.

— Так ты хочешь власти, девочка?

— Почему… власти?

— А как иначе? Ты стала компаньонкой младшей дочери герцога властью родителей, а женой

старого Гельдерна — властью герцогини.

— Н-нет. То есть да, я подчинилась воле старших. Но разве у простых людей не иначе? В резиденции Гельдернов я видела, как лакей с первого взгляда влюбился в новую горничную, и через месяц они счастливо поженились.

Как я им завидовала…

К чему цепляться за титул, за положение в обществе? Без них проще. Нет, стирка и уборка меня не привлекают, но я уверена, что найду себе занятие по душе.

— Уверена? — хмыкает тёмная госпожа. — Эта горничная из твоей истории, случаем, не родила здорового малыша раньше срока?

— Да…

Не похоже, что тёмная заглядывала в мои воспоминания настолько глубоко, что видела встречу двух влюблённых.

Что такого она поняла, о чём не догадываюсь я?

Её лукавая усмешка нервирует.

— Спорим, — улыбается тёмная, — её перевели в родовую резиденцию, потому что кто-то из Гельдернов её обесчестил, а лакею приказали “влюбиться”, чтобы прикрыть беременноть и рождение бастарда?

Переливы смеха звучат журчанием весеннего ручья, и созвучия добавляет мелодия — это менестрель коснулся лютни, струны запели. А я почувствовала себя дурой. Меня не хватило даже на то, чтобы понять такую очевидную вещь?

Ах, забудем про горничную, судьбу которой решили её господа, несчастной она не выглядела. Скорее наоборот, я ловила в её глазах тщательно скрываемую насмешку. Так отец её ребёнка Лоуренс?! Ха…

Слепая гусеница! Жевала книжные листы и верила, что умнею.

Но о прошлом можно подумать в другой раз. Тёмная госпожа всё ещё ждёт моего ответа.

— Я хочу свободы и счастья, — повторяю я.

— Про счастье сразу забудь, Юджин. Какое я тебе счастье дам? Питьевое? — она ловко проводит пальцами сверху вниз, будто пространство раздвигает, и под её рукой образуется настоящий провал.

Из щели вьётся дым, сочится тьма. Тёмная погружает руку в дым по локоть и вынимает из теней подкопённый кувшин, закупоренный чем-то похожим на воск, и начинает плавно раскачивать под мелодию, ещё недавно спокойную, а теперь заунывную. Я слышу плеск о стенки кув-

шина, и тихий напев рождает историю гибели города Вейса, жители которого один за другим под действием проклятия становились нежитью. О чём-то подобном и должны, наверное, петь тёмные, но мелодия снова меняется, и в тёмной легенде появляются те, о ком я точно не ожидала услышать. Жрецы светлого Дейрина, прибывшие на зов о помощи, отказались исцелять и, чтобы не выпустить проклятье из города, обрушили священный огонь и на заразившихся, и на ещё здоровых. Я будто воочию вижу оплавленные дома, черноту пожарищ и серые былинки пробивающихся то тут, то там трав. Неясная тень, очертаниями напоминающая человеческую фигуру, серпом, рассыпающим солненые зайчики, срезает стебельки. А госпожа замолкает, и нарисованная её пением картина тает, оставляя после себя вкус горечи и знание, что в кувшине настойка из семи трав, выросших на руинах проклятого Вейса.

Госпожа пальцем пробивает восковую пробку, и я морщусь от ударившего в нос удушающе-сладкого запаха.

— Всего один глоток сделает тебя абсолютно счастливым пускающим слюни овощем. М-м-м?

— Спасибо, воздержусь.

— Другого счастья у меня нет, — и она залпом опустошает кувшин.

Я вздрагиваю. Оказаться наедине с “поплывшей” неслабой тёмной мне совершенно не хочется.

Не замечая моей настороженности, она слизывает с губ последние капли травяной настойки. Мелькает ярко-розовый язычок. Раздвоенный, как у змеи. Госпожа отбрасывает кувшин. Мне кажется, или она порозовела? На щеках появляется нежный румянец. Что для меня отрава, то для неё питательный компот?

Улыбнувшись, она впервые демонстрирует мне зубы-иглы.

— Хочешь стать тёмной? — предлагает она.

— Нет, госпожа.

Это путь в подполье.

— Тогда почему бы тебе не вернуться в резиденцию?

— Что?!

— Как только я уйду отсюда, контур схлопнется, и Гельдерны узнают о моём пробуждении. Ты действительно хочешь, чтобы твоё исчезновение связали с моим возвращением? Поверь, не стоит. Сегодня им будет не до тебя, Юджин.

Хм…

Отправляться в неизвестность откровенно боязно. В какой ломбард я пойду? Обманут — полбеды. Наведут ворьё — вот, что страшно. Потому что деньги украдут вместе со мной — про кварталы красных фонарей я слышала в том числе и от Лоуренса, однажды рассказавшего мне, что далеко не все девочки в подобных заведениях работают добровольно, многих принуждают, а особо строптивых отдают самым жестоким любителям кровавых забав.

Вернуться — это умно или малодушно?

Я, проведшая годы взаперти, не готоваа к жизни, тем более к жизни в большом городе.

— Возвращайся, Юджин. Я обещаю, что присмотрю за тобой.

Ох…

В одном она права — мне не нужно, чтобы моё исчезновение совпало с её пробуждением, а от тёмной тропы меня отделяет цепочка рун и расстояние в один шаг. Проще говоря — сбежать успею.

— Я приму ваш совет, госпожа.

Она кивает и снова взмахом руки вспарывает пространство, но на сей раз вынимает не кувшин с сомнительным пойлом, а ничем не примечательный камень на простом шнурке:

— Надень на шею и носи. Амулет рассеивает и поглощает тьму. Пока он на тебе, никто не сможет почуять, с кем ты подружилась. Разве что Кенар лично явится посмотреть на тебя. От его взгляд амулет надолго истину не скроет.

— Подружилась?

— О, да! Юджин, я рассчитываю на твою дружбу.

Меня передёргивает, потому что улыбка у госпожи ни разу не дружелюбная, а хищная.

Боги, во что я вляпалась?

Вздохнув, я через голову надеваю на шею шнурок. Надеюсь, он обычный, а не снят с какого-нибудь несчастного висельника. Было бы вполне в духе юмора культа Даро. Я провожу подушечкой указательного пальца по шероховатой поверхности, и прячу камень под ворот. Стянуть с меня его не должны…

— Спасибо, — сама не знаю, за что я благодарю. Может, и ни за что, просто из вежливости.

— Приложи ладонь к амулету, — подсказывает тёмная госпожа и склоняет голову к плечу, будто в ожидании занятного зрелища.

Я послушно выполняю указание, и амулет вдруг холодеет, меня пронзает озноб, и я чувствую, как и камень, и шнурок погружаются под кожу.

Щекотно, но не больно. Я аккуратно провожу пальцем между ключицами. Камень не ощущается, словно он растворился в теле. А может и правда растворился. Я не особенно пугаюсь — повесить на меня хоть слежение, хоть проклятье тёмная госпожа может без моего согласия, у меня нет причин бояться из-за амулета Я отдёргиваю руку — по всей видимости, извлекается камень также прикосновением. Уверена, ещё будут ситуации, когда мне придётся его снять и закутаться во тьму.

Из одной западни в другую…

Попрощавшись с госпожой, я открываю тропу обратным ключом, благо Тропа держится от получаса до часа, и, как на неё вернуться, мне не раз попадался в книгах. Иначе бы, не зная “рунного адреса” своей комнаты… Хотя я бы в любом случае смогла записать алфавитными рунами название летней резиденции и, вероятно, тропа привела бы меня во двор к парадному входу.

Вышла бы у всех на глазах красивая…

Над ухом протяжно вздыхают незримые в тумане тени.

— Три четверти часа, — доносится шёпот тёмной госпожи.

Меня преследуют стоны, вздохи. Но тропка,

припорошенная то ли прахом, то ли пеплом, надёжно вьётся под ногами, и я почти не обращаю внимания на тех, кто следует за мной. На них нельзя обращать внимания, чтобы не оступиться, на тропе им меня не достать. В теории. На практике, если кого-то и доставали, то они об этом уже никогда не расскажут.

Я зябко передёргиваю плечами. На тропе холодно, и этого холода не согреет даже самая тёплая шуба. Одна из теней подбирается совсем уж близко, я чувствую её дыхание на щеке. Тень что-то бормочет, но слов не разобрать.

Впереди брезжит рассвет.

Надеюсь, в комнате никого…

Шаг, и я оказываюсь в спальне, с которой успела попрощаться. Как зыбко… Серый дым ещё стекает с плеч и тает в воздухе, струи, бледнея, впитываются в амулет, а я уже верчу головой. В спальне — слава Тьме — никого. Взгляд цепляется за отражение в большом зеркале, и я оторопело застываю. Это я так извазилась? Вся серо-бурогрязная с разводами на лице. Иная горничная после чистки камина выглядит лучше.

Сдавать платье прачкам нельзя.

Я раздеваюсь и ныряю в ванную, чтобы наскоро смыть грязь, которую я нахватала, пока

освобождала скелеты от клинков Гельдернов и слушала, сидя на шёлковом ковре среди истлевших подушек, игру менестреля-нежити. Забавно, что в отличии от леди Ионны, грезившей о чуде, я волшебную игру всё-таки услышала, и это вправду волшебно — музыка рождала в сознании яркие картины, заставляла видеть то, о чём пела тёмная госпожа.

Сколько времени хочу я знать — мне не пора в храм?

Солнце, судя по игре лучей, ещё не коснулось нижней кромкой вершин елей западной чащобы.

Я действительно вернулась в клетку? Но совет тёмная госпожа дала верный, с какой стороны ни посмотри. Исчезнуть одновременно с пробуждением странной особы, усыплённой и запертой в ловушку, но почему-то не убитой, худшее, что я могу сделать. А ещё, как оказалось, я просто не готова к жизни снаружи.

Сняв кольцо, я прячу его в зеркало к паре клинков, зеркало убираю в ящик комода. Из улик осталось грязное платье… Им я займусь позже. Я переодеваюсь в серо-жемчужный наряд, достаточно простой и строгий для визита в храм, а на плечи набрасываю тёплую шаль.

Часы подсказывают, что у меня ещё есть время, но я решаюсь пойти раньше. Не зря же госпожа упомянула срок в сорок пять минут. Я думаю, ровно столько она проведёт на скале в обществе менестреля, наслаждаясь игрой и отравленным пойлом. Когда она нарушит контур, мне лучше быть на глазах у жреца. Своё раннее появление я объясню просто — хочу успеть на ужин, чтобы услышать игру менестреля.

Я спускаюсь в сад.

Шаль, которую я схватила из расчёта на прохладный вечер, лишняя, и я припускаю её на спину, прибавляю шагу. Краем глаза я замечаю на одной из боковых аллей горничную, указывающую помощнику садовника, какие цветы срезать. Ха… Вечность прошла, а я помню, что герцогиня любит свежие букеты и требует менять цветы в её покоях каждый день, а имени кареглазого я вспомнить не могла. Я огибаю розарий, прохожу под аркой.

Ни жреца, ни его ученика-слугу не видно, Гельдернов — тоже.

Я приближаюсь к святилищу.

И совершенно не удивляюсь, когда навстречу выходит ученик жреца.

— Леди… вы рано? — он приветствует меня

лёгким поклоном.

Ученик ещё не жрец, его статус низкий.

— Я пришла извиниться за свою утреннюю оплошность, — поясняю я. — Я надеюсь, светоч будет снисходителен и не станет возражать.

— Я доложу, леди Юджин. Ожидайте, пожалуйста.

Он скрывается внутри, и я, выждав, вхожу следом. И останавливаюсь у алтаря.

Глава 13

Святилища открыты для страждущих в любое время дня и ночи, будь ты король или последний нищий, всегда можешь прийти и обратиться за помощью. Красивое враньё.

Жрецы давно встали на вершину, даже герцог, пожалуй, не осмелится потревожить жреца без веской причины, что уж говорить о простых людях. Я не собираюсь переходить черту, мне достаточно оказаться рядом с алтарём, чтобы понять, будет ли какая-то реакция от моего амулета. Проверить это без свидетелей — лучшее решение.

Моё ожидание не затягивается.

— Леди Юджин, — ко мне выходит… Лоуренс.

Кто бы сомневался. Но сейчас в какой-то мере я ему даже рада. Лоуренс не так опасен, как его дядя.

Я склоняю голову к плечу:

— Лорд Гельдерн? Вы так кричали, что я думала, травмы серьёзные. Рада, что это не так.

Он зло скалится. Я лишь ухмыляюсь — приятно обозвать Лоуренса сопливым слабаком. Кстати,

вполне возможно, что травмы были действительно серьёзные, однако Лоуренс получил лучше лечение и уже на ногах, будто и не было оплетающих его тело ветвей жалящих молнии.

Лоуренс слишком быстро берёт себя в руки, возвращает над эмоциями контроль. Его лицо приобретает невинно-обиженное выражение. Он смотрит на меня с болью:

— Юджин, вы… Вы меня больше не любите? — в уголке его глаза сверкнула бриллиантовая капля, но не скатилась.

Я качнула головой:

— Вы оскорбили меня, лорд.

— Но разве вы пришли не поведать меня?

Какое самомнение!

— Отнюдь, лорд. Я здесь, чтобы принести извинения светочу за утреннее происшествие.

— Вам назначено на вечер, леди.

При других обстоятельствах я бы его реплику проигнорировала. Кто он такой, чтобы я объяснялась перед ним?! Но сейчас мне как раз важно скормить ему свою версию, поэтому я небрежно пожимаю плечами:

— Я надеюсь, что светоч, как любой светлый, проявит снисхождение. Я хочу попасть на выступление менестреля. Такой шанс выпадает раз

в жизни.

— Что?! — Лоуренс вскидывается. — Юджин, вы смеете утверждать, что ваше в высшей степени неуважение к храму чепуха и, больше того, вместо искреннего раскаяния вы ищете развлечений?!

Пфф!

Сила светлых храмов растёт с каждым днём, но до тотального господства Свету ещё далеко. Потому что среди светлых нет единства. Одно из самых ярких потрясений будущего года — падение светлого Тана. Насколько я понимаю, его уничтожат свои же.

— Неуважение? Я упала в озеро.

— Юджин…

Я отворачиваюсь.

Коснувшись кромки алтаря, я почему-то вспоминаю библиотеку и скрывающие тайную дверь гобелены с изображениями казни тёмных магов.

Лоуренс сокращает расстояние между нами, пытается взять меня за руку, но я уворачиваюсь, в последний момент избегаю касания, отдёргиваю руку и демонстративно делаю шаг в сторону.

Разве он не должен отвлечься на пробуждение госпожи? По моим ощущениям назначенный ею срок давно истёк. И где старший Гельдерн?

Может, вообще уже не в летней резиденции? Времени прошло…

— Леди, — в зал возвращается ученик жреца и отвешивает мне неглубокий поклон. — Светоч увидит вас.

— Благодарю.

Лоуренс вроде бы больше не распускает руки и не пытается следовать за мной, но мне очень не нравится его липкий взгляд, буквально прикипевший ко мне. Мерзко…

— Кажется, мне следует признаться в чувствах перед герцогиней, — неожиданно заявляет Лоуренс, когда я уже шагаю вслед за мальчишкой-учеником в коридор.

Я застываю. Невольно.

Получив отказ, Лоуренс, которого я знала, отступил бы. Лоуренс, которого я знала убеждённый холостяк, он не предложил бы мне брак, тем более не стал бы навязывать. Но он навязывается. В чём же смысл? Да-да, я уже задавалась этим вопросом, и ни на шаг не приблизилась к разгадке.

Хм… Внезапная догадка вызывает озноб — а не по той ли же причине тёмная госпожа предложила дружбу?!

— Очередная подлость? — хмыкаю я и, наконец, скрываюсь от Лоуренса в коридоре.

Я чутко прислушиваюсь — шаги не раздаются. Лоуренс либо крадётся, либо, что вероятнее, остался в зале. А, может быть, решил выполнить угрозу немедленно и прямо сейчас идёт к герцогине? К счастью, его слов недостаточно. Я буду отрицать, обвинять в клевете и… требовать у герцога, как у временного опекуна, защиты. Я понимаю, что герцог будет на стороне Лоуренса, но совсем уж легко отмахнуться от меня не сможет — приличия не позволят. Есть ли у Лоуренса доказательства?

Мне хватило ума ставить вместо подписи лишь первую букву своего имени и густо обрамлять завитушками. Для герцога этих писем, увы, хватит чтобы выдать меня замуж. Но если Диан Ратти вступится…

У меня нет никаких причин полагать, что у кареглазого лорда нет своего опасного для меня интереса.

Мне везёт — мы как раз проходим мимо окна, когда вода в рукотворном озере внезапно поднимается, вырастает колонна, стремительно обретающая сходство с силуэтом мужчины. Гигант выходит из берегов, его тумбы-ноги оставляют лужи и убивают посаженные вдоль тропинки цветы. Их буквально расплющивает

под его шагами. Голова лысая, и в солнечных лучах видно мельтешение священной рыбки, оказавшейся… вместо мозга.

Рядом со мной замирает мальчишка-ученик.

Зрелище потрясает нас обоих, и я даже не вспоминаю, что когда-то о подобном читала.

— Гельдерны! — взревел гигант.

Занятно…

От храма к гиганту уже бежали Лоуренс, жрец и дядя Лоуренса, вероятно, составлявший жрецу компанию.

Из окон выскочили?

Я не знаю, что они сказали, низко склоняясь перед гигантом. Он взревел громче прежнего:

— Она проснулась и ушла во Тьму!

Эм, а можно подробнее, пожалуйста? Кто именно “она”? Я сдвигаюсь, чтобы с улицы меня не было видно, но движение становится ошибкой.

— Кто там? — ревёт гигант.

И мне на ум невольно приходит предупреждение тёмной госпожи: “Амулет рассеивает и поглощает тьму. Пока он на тебе, никто не сможет почуять, с кем ты подружилась. Разве что Кенар лично явится посмотреть на тебя. От его взгляд амулет надолго истину не скроет”.

Мальчишка пискнул и проворно оказался на

подоконнике, спрыгнул вниз. Я высовываться не осмелилась, застыла, боясь дышать, боясь, что водный гигант прикажет мне выйти из укрытия. Первое потрясение от невиданного зрелища отпускает, и я начинаю мыслить рационально. Кто этот гигант? Кенар лично пожаловал или всё же это его слуга? Для бога… прибегать в рядовой храм этаким гонцом с дурными новостями не по рангу, а, значит, это не он?

Я не слышу, что говорят люди. Вихрастая макушка мальчики-ученика появляется в проёме, мальчик подтягивается и приземляется на пол, смотрит на меня почему-то испуганно.

И прикладывает палец к губам, прося меня молчать.

Высовываться я точно не собираюсь, поэтому послушно киваю, и мальчик, как мне кажется выдыхает с облегчением. Он ползком отодвигается от окна и поднимается, лишь когда оказывается у меня под ногами. По-прежнему, жестами призывая молчать, он показывает мне вернуться в алтарный зал.

Жаль, что подслушать дальше не получится, но парнишка прав — задерживаться опасно. Гиганту прихлопнуть меня — только шлёпнуть. И смоет нерасторопную бабочку…

Да и гигант больше не ревёт, а журчит заметно тише, и что он там журчит уже не разобрать.

Мальчишка, проводив меня до алтарного зала задумчиво останавливается. Наверное, ему хочется меня спровадить, но ведь он уже доложил обо мне жрецу, а значит уходить мне нельзя. Мальчик горестно вздыхает:

— Что же вы, леди, так невовремя…

— Так получилось, — хмыкаю я.

— Вот войдёте в род Гельдерн, — мечтательно протянул мальчик.

Я навострила уши:

— С чего ты взял, что я стану Гельдерн?

— Светоч так сказал.

Спрашивать, что ещё сказал Светоч бесполезно. Насторожившись, мальчик точно замолчит. Не болтать — одна из первых вещей, которым обучают слуг.

Если бы я пришла вечером, Светоч мог отправить меня навестить Лоуренса, а дальше…

Ладно, не важно.

Светоч и старший Гельдерн возвращаются. Лоуренс плетётся за ними с отставанием, в разговор не лезет. Заметив меня, жрец останавливается, поправляет край бело-золотого одеяния, а мне достаётся неприязненный взгляд.

— Подумай о своём поведении, девочка. Иди.

И на этом всё?

Дядя Лоуренса окидывает меня взглядом с ног до головы, но ничего не говорит и вслед за жрецом проходит мимо. До меня долетает его тихая реплика:

— Пожалуй, мне следует самому отправиться осмотреть место.

— Мда, с вашим чутьём это было бы полезно. Кто бы мог подумать… Я верил, что с Даро покончено. Нас ждёт тяжёлое время.

— Отнюдь. Даро уже не те, что прежде. Скорее наоборот. Её возвращение всколыхнёт тех, кто так успешно отсиживался по щелям, и мы их, наконец, додавим.

Хм… Хм-хм.

Трудности культа Даро меня вроде бы не касаются, я ведь не одна из них.

В любом случае противостояние культов не моё дело. Моё дело воспользоваться шансом и покинуть храм, благо Гельдернам теперь точно не до меня.

Лоуренс…

Лоуренис бросает на меня полный злого обещания взгляд и проходит мимо, а я выскальзываю из святилища на улицу, и взгляд невольно при-

липает к озеру. Гигант исчез, вода вернулась. Рыбку, естественно, не видно. Всюду лужи, а с крыши павильона, в котором утром завтракал жрец, капает.

К воде, из которой состояло тело гиганта, прикасаться не хочется, и я старательно обхожу лужи.

С арки тоже капает. До неё гигант тоже дотянулся? Он что… бесновался? Как тёмная госпожа? Нет, не хочу о них всех думать.

Я шагаю под арку, торопливо проскакиваю и неприязненно стряхиваю с плеча пару упавших капель. На подушечках пальцев остаётся неприятное ощущение липкости, а растворившийся под кожей амулет внезапно напоминает о себе. Камень буквально выплёскивает в тело волну пробирающего мороза, внутри будто всё в лёд обращается, аж дыхание перехватывает. Леденеет плечо и два пальца, указательный и средний.

Прижавшись к стеклянной стенке розария, я дожидаюсь, когда волна холода схлынет.

Гигант всё же заметил меня и проверял? Но…

— Леди Юджин?

Я распахиваю глаза.

А он что здесь забыл?

— Лорд Ратти…

Его лицо слишком близко, недопустимо близ-

ко. За спиной розарий, и мне не отстраниться. Я лишь запрокидываю голову. Колени предательски слабеют. Я вглядываюсь в его глаза, и черты его лица снова словно подёргиваются туманом. Я вижу их ясно, но стоит отвернуться — картинка в памяти смажется.

— Леди, вам снова дурно? — окликает он и подхватывает меня под локоть.

— Излишне.

Если нас увидят…

— Что здесь произошло? — спрашивает он, переводя взгляд с луж на мокрую крышу беседки и арку, роняющую последние капли воды. — Вы пострадали, леди?

— Ничего особенного.

По-моему, улыбка у меня получается неправдоподобно кривая.

— Леди?

— Из озера вылез водный гигант и ревел, что Гельдерны его подвели, — выдаю я половину.

Лорд недоумённо смаргивает, словно смысл фразы доходит до него не сразу.

Миг, и он задаёт очень интересный вопрос:

— Подвели в чём?

Получается сам факт появления водной образины Диана Ратти не впечатлил. Неужели для моего

лорда визиты богов обыденность? Да, я помню, что скорее всего гигант самим Кенаром не был, кто-то из слуг. Но всё равно…

Диан Ратти не только не удивился, но и через меня попытался влезть в дела Гельдернов. Не надо быть провидцем чтобы предсказать — им его любопытство точно не понравится.

— Почему бы вам, лорд, не задать этот вопрос мне? — влезает невесть откуда вынырнувший Лоуренс.

Глава 14

Бездна!

Я оборачиваюсь. Лоуренс стоит точно под аркой и последние оставленные гигантом капли падают прямо на него. Лоуренс откровенно зол, аж плечи вперёд выдвинул, будто к нападению готовится. Наверное, на меня бы он бросился легко, ударил. Не скажу, что Лоуренс любитель распускать руки, слуг он не трогал, но если кто-то заведомо слабый его взбесит, то отвесить оплеуху или пнуть вполне в его стиле.

Диан спокойно поворачивается к Лоуренсу и словно невзначай частично прикрывает меня своим плечом.

— Хм, лорд… Во время поединка вы так закричали, что я подумал, что серьёзно вас травмировал. Я рад, что это не так.

Я вздрагиваю. Диан что, подслушивал?! Он повторил мою фразу почти слово в слово. Да нет, совпадение…

— Жрецы лучшие целители, но, чтобы получить их помощь, нужно быть достойным, — Лоуренс распрямляется, гордо поднимает голову.

Боевой запал пропал.

Диан морщится, но вслух не спорит.

Лорды сталкиваются взглядами, воздух между ними искрит без всякой магии. Я кожей ощущаю желание убивать, от обоих, и мимолётно удивляюсь столь густо замешанной ненависти. Явно не только из-за меня, что-то было между ними раньше. Кровная вражда? Сколько же я в прошлом пропустила… Пустая попытка вспомнить, звучала ли в землях Гельдерн фамилия Ратти, не даёт ни малейшей подсказки.

Напряжение сгущается, становится невыносимым.

Первым отворачивается Диан:

— Леди Юджин, кажется, атмосфера в саду испортилась. Почему бы нам не прогуляться по другим дорожкам?

Мне слышится странный подтекст. О дорогах любят говорить менестрели и… последователи культа Даро. Правда, теперь я подозреваю, что менестрели не сами по себе, они особенная часть культа. Но Диан точно не тёмный, он бы не мог скрывать свою принадлежность к культу, вертясь в высших кругах.

— Да, лорд, пойдёмте, — соглашаюсь я.

Однако уйти так просто нам не позволяют,

Лоуренс всё ещё не готов нас отпустить. И, пользуясь преимуществом, что сам он на дорожке, а мы ещё стоим у стены розария, обгоняет нас. Неужели пойдёт к герцогу? После вмешательства Диана выдать меня “красиво” не так-то легко. А вот похитить… Лоуренс, поравнявшись с нами, останавливается. Диан вновь смещается, чтобы быть между мной и Лоуренсом. Фыркнув, Лоуренс ловит мой взгляд:

— Леди Юджин, — “леди” он выделяет голосом, — всё же на правах человека, которому не безразлична ваша судьба, позволю себе заметить, что ваш выбор грозит для вас катастрофой. Лорд Ратти не успел рассказать вам, как в прошлом году провёл три месяца в храмовой тюрьме? С него сняты обвинения, но не подозрения, леди. Будет печально если в следующий раз вы окажетесь в камере.

О?!

— Лорд Гельдерн! — вскидывается Диан.

— Разве я солгал? — ухмыляется тот. — Ах, да, лорд Ратти, вы бы поостереглись лезть в наши дела. Я имею в виду не наше маленькое недоразумение с Юджин, а дела рода и храма. Вы и так как бельмо на глазу. Но раз уж вам было необходимо… вынюхивать. Я отвечу. Вернулась

особа, которая очень долго спала. Хах, неужели вы поспешите её поприветствовать?

Смеясь, Лоуренс скрывается за углом розария.

Я растерянно оборачиваюсь к Диану.

Он всё же тёмный? Иных причин приветствовать госпожу у него нет. Хотя это лишь моя догадка, причины как раз могут быть самые разные. Вон, в исполнении Лоуренса это вообще звучало как намёк на возвращение давней возлюбленной. Кстати, кто знает, возможно намёк не пустой.

Диан никак не реагирует. Он смотрит вслед Лоуренсу пустым взглядом, на скулах желваки. Я опускаю взгляд. Кулаки стиснуты до того, что костяшки налились белизной. Счастливым Диан не выглядит. О какой особе шла речь, сомнений нет. Получается, пробудив её, я навредила Диану?

А если он не рад, значит ли это, что он всё-таки не тёмный? Про приветствие могло быть сказано в шутку, чтобы спровоцировать меня на подозрения и ревность. Может, на самом деле Диан последователь одного из светлых богов, но не входящих в Светлое единство? Такой вариант кажется более вероятным.

— Лорд? — окликаю я.

Мой голос выводит Диана из ступора. Мой лорд

вдруг подаётся ко мне:

— Леди, вы действительно это слышали? Она вернулась?!

— Кто “она”? Лорд Ратти, я не знаю, о ком речь.

— Что сказал водный гигант, леди? Вы можете повторить дословно? Это очень важно, леди!

Он почти готов встряхнуть меня за плечи, в последний момент давит в себе порыв и опускает руки, но мне кажется, если я продолжу испытывать его терпение, он окончательно потеряет самообладание.

— Дословно… “Гельдерны, она проснулась и ушла во Тьму”.

— Только это?

— Да, только это. Он говорил что-то ещё, но гораздо тише, я не слышала. А эту фразу он, практически, кричал.

— “Она проснулась и ушла во Тьму”. Бездна! — Диан срывается, ударяет кулаком по стеклянной стенке розария, и стекло разлетается вдребезги.

Я вскрикиваю.

Диан, кажется, только теперь по-настоящему приходит в себя, выдыхает. Я тоже выдыхаю — я успела испугаться, что розарий обрушится на нас стеклянным дождём, но, к счастью, павильон не пострадал, не считая одной единственной плит-

ки, на которую пришёлся удар.

В Бездну розарий! Осколки острыми гранями прошлись по коже, ладонь Диана в крови, а кровь… Я перебираю в уме, что маг может сделать с человеком, получив его кровь, и понимаю, что зря Диан дал волю эмоциям, зря.

— Лорд?

— Я вас напугал? Простите, леди Юджин, — он вытягивает из внутреннего кармана белоснежный платок и обматывает кровоточащую руку. Шёлк быстро намокает.

Я же, воспользовавшись заминкой и тем, что Диан отвлёкся, выпускаю крохи силы и вывожу последовательность из пяти рун. Слишком большая для меня цепочка, слишком много сил требует, но я упрямо выжимаю себя досуха, и центральная руна наливается краснотой, и одновременно к руне от испачканных кровью осколков вытягигиваются бледно-розовые, похожие на паутинки нити. Цепочка называется “Сбор крови” и я читала о ней в контексте поединков и сражений — используется, чтобы получить пролитую кровь врага и вместе с кровью — власть над ним.

Руна притягивает не столько саму кровь, сколько заключённую в крови жизнь.

Очень удачно, что Диан не замечает.

— В ране могли остаться осколки, — отвлекаю я его. — Нужно промыть, а не бинтовать.

— Обязательно, леди, — кивает он.

Руна, впитав силу до последней капли, превращается в глянцево-алую горошину, а кровь на осколках и траве остаётся обычной бесполезной краской. Я ловлю тёплый шарик и сжимаю в кулаке.

Я понимаю, что мой поступок… не совсем правильный. По крайней мере будет таким в глазах Диана, если он заметит. С одной стороны, я очень боюсь позволить Гельдернам или жрецу воспользоваться шансом навредить Диану, с другой стороны, я не собираюсь выдавать свой чуть ли не единственный козырь — руны. Да и в целом свою осведомлённость, поэтому действую тихо.

И да, я не совсем из благородных побуждений зачищаю следы. Кто знает, не станет ли Диан мне врагом? Лучше подготовиться.

Диан бросает взгляд на осколки и направляет на них непострадавшую ладонь. С его пальцев срывается огненный протуберанец, и слизывает капли крови.

Ну да, с чего бы Диану подставляться…

— Идёмте, лорд? — я крепче сжимаю шарик-до-

бычу. В Бездну всё и всех, не отдам, моё.

— Да, леди.

Он убеждается, что следов не осталось.

Мы вместе возвращаемся из сада.

— О ком шла речь, Диан?

— Вам не стоит в это лезть, леди. Вынужден признать, что Лоуренс Гельдерн прав. Держитесь подальше… от нас всех.

— Что?

Но Диан уже не слушает. Решив для себя, он просто отворачивается и уходит, оставив меня на дорожке в одиночестве. Я окликаю его, сперва формально, затем — по имени. Он сбивается с шага, услышав от меня “Диан”, но всё равно не оборачивается и взбегает по ступенькам, скрывается в здании.

Очевидно, что я не побегу следом.

Хочется рычать.

Почему?!

Почему, стоило мне только подумать, что что-то налаживается, как всё снова перевернулось с ног на голову?

Я не готова признаться Диану в своём знакомстве с тёмной госпожой…

Ругнувшись сквозь зубы, я оглядываюсь на розарий. Я бы тоже не отказалась разбить пару

стекланных плиток, но, желательно, не кулаком, а камнем. Есть в разрушении своя мрачная привлекательность. В воображении я крушу не розарий — цветы жалко — а родовые земли Гельдерн. Я отмахиваюсь от бесполезных фантазий — зачем тратить эмоции на что-то нереальное, когда нужно спрятать алую горошину? Её я отправлю к остальным сокровищам в зеркальный тайник.

Но кто бы сомневался, что дойти до комнаты мне не удастся.

Меня останавливает одна из горничных:

— Леди Юджин, её светлость герцогиня желает видеть вас незамедлительно.

Лоуренс!

Так быстро?

До жилого крыла ещё лестничный пролёт и коридор, а заставлять хозяйку дома ждать крайне неприлично и вызывающе. Сослаться на необходимость посетить дамскую комнату? Сослаться можно, объяснить, чем меня “гостевая дамская”, открытая для компаньонок, не получится.

Я сильнее стискиваю горошину и сдаюсь:

— Да, разумеется. Хотя не представляю, почему её светлость столь внезапно проявила ко мне интерес.

Горничная оставляет мою реплику без ответа, и это очевидно. Она предана дому, своей госпоже. Зачем ей болтать, рискуя остаться без работы? Она просто делает то, что ей поручили, а именно провожает меня к покоям герцогини, постучавшись, сообщает о моём появлении и, получив новые указания, шире открывает дверь, а сама отступает:

— Прошу, леди Юджин.

— Спасибо.

За годы в землях Гельдернов я научилась важному — с прислугой следует быть не просто корректной, а вежливой. Тогда, по крайней мере, тебе не будут вредить преднамеренно. Если бы не хорошие отношения с горничными, я бы десять лет не продержалась.

Последовав приглашению, я исполняю реверанс сразу, как вхожу в будуар, но перед тем, как склониться, успеваю заметить, что в комнате, не считая оставшуюся за спиной горничную, двое. Помимо герцогини, здесь же леди Сью.

До моего появления дамы прекрасно проводили время — на столе блюдо с виноградом, и пара кисточек уже ощипаны, остались лишь веточки.

— Юджин, проходите, — голос герцогини звучит подозрительно ласково и приветливо.

Герцогиня жестом отсылает горничную.

Я выпрямляюсь.

— Добрый день, ваша светлость. Леди Сью, — хотя с компаньонкой герцогини мы уже виделись проигнорировать её будет невежливо.

— Присаживайтесь, Юджин, — настаивает герцогиня.

Как мило обо мне заботятся, я выслушую гадость не стоя на ногах, а сидя в мягком кресле. Я опускаюсь на самый краешек, чтобы было легко встать. Мягкая мебель может оказаться той ещё ловушкой, мда.

Герцогиня явно замечает мою осторожность, на её губах на миг проступает презрительная усмешка и тотчас гаснет.

— Леди Юджин, главным условием вашего становления компаньонкой моей дочери было моё обещание устроить ваш брак наилучшим образом. Время пришло.

Глава 15

Не удивила.

Отговорки бесполезны, но я всё же склоняю голову к плечу:

— Ваша светлость, я не так долго была компаньонкой леди Мияноры. Как я могу принять незаслуженную награду?

— Глупости, дорогая. В договоре указано, что ваш брак должен быть устроен не позднее, чем через пять лет. Иных временных рамок нет, вам не о чем беспокоиться. И давайте будем откровенны. Гармоничных дружеских отношений ни с моей дочерью, ни с другими компаньонками у вас не сложилось, Юджин. Не поймите меня неправильно, я не упрекаю. Как к компаньонке у меня к вам претензий нет, однако…

Раньше её столь эфемерная вещь, как гармония, не волновала.

Возразить мне нечего.

Только:

— Ваша светлость, я понимаю ваши резоны. С вашего позволения, я могу взглянуть на договор?

Я совершеннолетняя, однако, увы, я не в той

ситуации, чтобы встать в позу и заявить своё категорическое нет. Даже если забыть про интерес Гельдернов, моё “нет” приведёт к катастрофе. Герцогине ничто не помешает выставить меня всю из себя самостоятельную за ворота летней резиденции, и я окажусь в диком лесу, полным хищников и нежити. Вернуться к изначальному плану и затеряться в столице? Но ведь ничего не изменилось: ни денег, ни жизненного опыта у меня не прибавилось.

— На договор? Зачем, Юджин?

Мне бы домой вернуться.

Только вот нужна ли я родителям?

С одной стороны, обо мне позаботились, устроили так, чтобы я получила хороший брак. Правда, хороший он с точки зрения положения будущего мужа. Доброго отношения супруга мне никто не обещал. С другой стороны, в резиденцию Гельдернов от родителей приходили лишь очень формальные поздравления с большими праздниками, будто не родной дочери писали, а случайной знакомой, поздравить которую требуют приличия. Позже и тех писем не стало. Но вина ли это родителей? Не удивлюсь, если от их имени для меня сочинял секретарь мужа, а они получали такие же подделки. Хотя… нынешнюю

переписку тоже не назвать живой.

— Это будет правильно, ваше светлость. Я хочу точно знать свои обязательства и волю моих родителей.

Герцогиня разводит руками:

— Увы, Юджин. Договор лежит в сейфе в моём кабинете в столичном доме. Доставить его, чтобы вы могли удовлетворить своё любопытство, нет никакой возможности.

— Ясно.

Я и не рассчитывала, что мне покажут документ. Скорее хотела посмотреть на реакцию. Ни упоминание моих родителей, ни упоминание договора герцогиню не обеспокоило. Конечно, её светлость умеет держать лицо, ожидать яркой реакции не приходится, но я не заметила даже тени недовольства.

Написать бы родителям, но письмо не дойдёт, не успеет. Разве что магией воспользоваться…

— Юджин, — выдёргивает меня из размышлений голос герцогини, — я пригласила вас, чтобы сообщить, что к вам посватался лорд Лоуренс Гельдерн.

Я вскидываю голову и вклиниваюсь на вдохе. Фактически, я перебиваю герцогиню, но так, что не придраться:

— Ваша светлость, лорд Гельдерн не только оскорбил меня, но и отказался принести извинения.

— Он говорил со мной, Юджин, и с его слов между вами недопонимание и пустые обиды. Юджин, я пригласила вас для разговора с глазу на глаз, так как лорд Лоуренс признался, что вы состояли в отношениях.

Я знала, что он использует козырь.

— Получив отказ, он действительно опустился до столь грязных методов? Как отвратительно.

— Леди Юджин, — вмешивается леди Сью, — вы уверены, что низко себя ведёт именно лорд Гельдерн?

На стол ложится письмо. Я узнаю свой почерк и “Ю” в пошлых завитках.

— Да, уверена.

Леди Сью и герцогиня переглядываются. В прошлый раз меня отчитали в самых жёстких выражениях, довели до слёз и запретили выходить из комнаты. Я чувствовала себя подавленной и не смела возражать, требовать полноценного праздника. Но тогда я была согласна на брак с Лоуренсом.

Сейчас иначе.

Даже хорошо, если отчитают за порочащее

честь поведение — для меня это повод требовать возвращения домой, и договор в этом случае не будет нарушен.

Герцогиня отщипывает ещё одну виноградину, вертит в пальцах. Страха я не показала, зато показала, что готова стоять на своём.

— И всё же, Юджин, я склонна верить лорду Лоуренсу. Он любит вас. Готовность жениться разве не лучшее извинение? Я дала лорду согласие. На этом всё, можете идти.

Ха…

Я встаю, но не для того, чтобы уйти.

— Герцогиня.

— Юджин?

— Юджин, ваш тон неуважителен и неприемлем. В последнее время ваше поведение возмутительно.

Леди Сью очень вовремя помогла своей госпоже, но меня её реплики не волнуют.

— Герцогиня, я отказываюсь выходить замуж за паскуду.

В будуаре повисает звенящая тишина. Могу гордиться собой — мне удалось по-настоящему шокировать обеих леди. Виноградина выскальзывает из пальцев герцогини на столик, катится до края и падает на пол.

Проводив виноградину взглядом, герцогиня очень медленно поворачивает голову. Резкий удар открытой ладонью по столешнице. В прошлом она так же ударила, и я невольно втянула голову в плечи, но сейчас я ждала хлопка.

Мне удаётся даже не моргнуть.

— Какая дерзость! Лорд Лоуренс Гельдерн из выдающегося рода.

— Герцогиня, но замуж мне выходить не за род, а за конкретного мужчину, а он, несмотря на всё величие его рода, паскуда.

Взгляд леди Сью падает на письмо, одно из многих.

Схватить его и уничтожить легко, но письмо не единственное. Думаю, у герцогини ещё парочка, а остальная часть пачки у Лоуренса, и каждое будет использовано против меня, поэтому рвать именно это нет никаких причин, и я провожаю его равнодушным взглядом.

В прошлом я не слишком задумывалась о репутации, потом доверилась Лоуренсу. Я даже не могу обвинить его во *лжи* — слишком много в высшем свете показушной добродетели. Он не лгал, говоря о мишуре, фальшивым блеском затмевающей пороки. Он просто не упомянул главное правило — не попадаться. Я попалась.

И тогда, когда обратилась к целителю, и сейчас, с письмами. В прошлом я испугалась, и испугалась не столько за себя, сколько за нерождённого ребёнка. За себя? Тоже… Но я боялась не столько осуждения, сколько того, что меня отправят в храм, и Лоуренс не успеет меня спасти. Сейчас потеря репутации меня тоже не пугает.

Может, воспользоваться? Оскандалиться по полной?

Нет. Надеть кольцо мне на палец подмоченная репутация не помешает. Просто брак будет тайным и не с Лоуренсом, а хоть с моим бывшим мужем. Всем объявят, что меня отправили в храм каяться и перевоспитываться, а на деле… Репутация меня защищает, хоть и слабо.

— Юджин, не в вашем положении выбирать, — леди Сью снова пытается меня осадить, но в этот раз я уделяю ей внимание.

— Хм?

— Вы тайно встречались с лордом Лоуренсом Гельдерном, Юджин. Вы же не будете это отрицать? Столь безнравственное поведение в этом доме не допустимо. Не желаете взять на себя ответственность? Отправляйтесь думать над своими ошибками в храм. Но помните, что храм откроет для вас свои двери и закроет навсегда.

Бездна.

Герцогиня отщипывает очередную ягоду, отправляет в рот. Сок брызгает, и герцогиня слизывает капельки с напомаженных губ.

— Леди Сью, стоит ли так жёстко?

— Юджин следует понять и выбрать, отправиться она в храм, как падшая, или станет уважаемой леди Гельдерн, любимой женой воина из достойного рода.

Я усмехаюсь.

Не скрываюсь.

Чудное предложение — вам соль с перцем или перец с солью?

— Я выбираю.

— Да, Юджин? — герцогиня срывает с кисточки последнюю виноградину.

— Я выбираю возвращение в родительский дом.

Герцогиня поднимает на меня чуть растерянный взгляд.

Я спокойно стою, улыбаюсь уголком губ. Поскольку я сама по доброй воле опозорилась вернуть меня не будет нарушением договора с родителями. Скорее наоборот, отослать меня в храм будет нарушением

Леди Сью приоткрывает рот, но так ничего и

не произносит. Если бы я колебалась, меня бы вдвоём запугали, запутали, переубедили. Но я твёрдо знаю, чего хочу и не боюсь потерять связь с высшим светом.

— Юджин, — медленно тянет герцогиня, — ваши родители доверили мне устроить вашу судьбу, и я приняла решение. Ваше мнение не имеет никакого значения. А теперь отправляйтесь в свою комнату и размышляйте о своём поведении. Я запрещаю вам покидать комнату без моего особого разрешения.

Угу, к этому шло.

Мои возражения — сотрясания воздуха, потому что мне нечем их подкрепить.

Попросить помощи у лорда Ратти? А где я его буду искать? К тому же он ясно отказался продолжать общение. Возможно, у него у самого проблемы, а тут я.

— Чтобы брачное кольцо село на палец, невеста, насколько я знаю, должна согласиться. Не рассчитывайте, ваша светлость.

Пустая бравада.

Одурманить или заставить легче лёгкого. Я отлично осознаю, что не выдержу и пяти минут сильной боли, сдамся.

Но всё же я оставляю последнее слово за собой

и выхожу в коридор. Горничная, ожидавшая у стены, пропускает меня и скрывается в комнате. Уверена — чтобы получить указания. Неподалёку я замечаю бездельничающего лакея. Я вполне допускаю, что слуги могут сбежать от работы на передышку без разрешения, но, сбежав, они точно не будут отираться рядом с хозяйскими покоями. А значит, лакей здесь из-за меня.

Я сворачиваю в сторону дамского крыла. Иду не торопясь. Выйти из спальни мне не позволят. Если я хочу поговорить с лордом Ратти, делать это надо прямо сейчас. Но я понятия не имею, где его искать. А главное, он сказал, чтобы я держалась подальше.

Похоже, возвращалась я зря…

Нет, не зря. Я отвела от себя подозрения, дядя Лоуренса при всей его подозрительности никак не связывает меня и пробуждение тёмной госпожи. Если я сбегу, то побег идеально “ляжет” на моё нежелание выходить за Лоуренса.

Побег…

Теперь я вполне могу отправиться к родителям, так? Конечно, именно у родителей Гельдерны будут искать меня в первую очередь, зато у родителей я могу попытаться узнать, что во мне такого особенного.

Оглянувшись, я убеждаюсь, что горничная догнала и следует за мной, лакей тоже не отстаёт, но идёт будто сам по себе, а не за мной. Ага-ага, верю. Я отворачиваюсь и прибавляю шагу.

Искать Диана Ратти я не пойду. Мутный тип — зачем он мне?

Сама справлюсь.

У меня в рукаве козырь — заслуженное обещание тёмной госпожи.

До меня доносится смешок, и я поворачиваю голову. Ха… В эркере Лоуренс зажал молоденькую горничную. Девушка показушно стесняется, но по-настоящему сбежать не пытается. Лоуренс упирается руками в стену по обе стороны от её головы, и девушке ничего не стоит поднырнуть под его локоть, но она этого не делает, только хихикает и стреляет глазками из-под чепчика.

Лоуренс, убедившись, что девушка не протестует, а играет, перехватывает её за талию, наклоняется с явным намерением поцеловать. Но тут девица наконец замечает меня:

— Ой, мой господин, ваша невеста…

Глава 16

— Ты моя невеста, — бормочет Лоуренс, ещё крепче стискивая талию горничной.

Девочка вскрикивает уже непритворно, а Лоуренс тянет её подол вверх, носом утыкается в шею. И, повернув голову, видит меня. Других свидетелей сцены нет, слуги не в счёт. Лоуренс быстро оглядывается, убеждается, что мы одни и расплывается в нехорошей улыбке.

— Забавно, — хмыкаю я.

— Не ревнуй, дорогая, лучше присоединяйся.

Лоуренс без капли стеснения целует горничную за ухом, отчего чепчик перекашивается и сползает ей на глаза.

Вот теперь девушка точно не рада и по-настоящему пытается отстраниться, только вот Лоуренс уже про неё забыл. Удерживая её на месте, он запускает руку ей под подол, но при этом не отрывает взгляда от меня.

Действительно, паскуда.

Ладно, я. Я создала Лоуренсу проблемы, и он отыгрывается, причём весьма жалко, у меня его потуги только омерзение вызывают. Корчит из

себя погибель сердец, а на деле просто смешон. Но девочка-то перед ним в чём провинилась? Впрочем, ответ очевиден — она для него просто кукла. Сперва он играл в нежность, теперь — в разврат.

Я отворачиваюсь.

На ум приходит сразу несколько весьма подходящих проклятий. Можно, например, призвать души загубленных девушек и позволить им его “выпить”, можно приворожить к горничной, чтобы он дышать без неё не мог, можно навсегда лишить мужской силы… О чём я? Пачкаться проклятиями я точно не собираюсь. Я собираюсь спокойно уйти.

Лоуренс отпускает горничную, и вид у девицы весьма помятый. Надеюсь, она сделает правильные выводы. Впрочем, это не моё дело.

— Воркуйте дальше, голубки, — фыркаю я.

— Юджин, — Лоуренс слишком проворен, ловит меня за запястье.

А в пальцах до сих пор зажата алая горошина!

Бездна.

Я зло дёргаю руку, но Лоуренс не отпускает.

— Какая жалость, что лорд Ратти сохранил вашу жизнь.

Лоуренс щекочет запястье тихим смехом, заде-

вает кожу губами и целует, ловя жилку пульса.

Меня передёргивает. Хочется забыть, что леди не дерутся, и залепить ему пощёчину, но я сдерживаюсь, потому что любая реакция его только ещё больше развеселит и позволит чувствовать себя хозяином положения. Безразличие — вот что его ударит по-настоящему.

Он слишком крепко удерживает мою руку и, сдвинув рукав, слюняво выцеловывает дорожку к локтю.

Меня начинает тошнить.

— Знаешь, Юджин, — шепчет Лоуренс, — женщины всегда отдавались мне по доброй воле, и я дарил им наслаждение.

Чушь.

Я отдалась ему, потому что он говорил, что это естественно для пары. “Юджин, ты меня совсем не любишь? Если бы ты любила, ты бы не отказывалась”. И я терпела, боясь потерять любовь. Даже в лучшие времена я не получала удовольствия. Вот Лоуренс наслаждался, да. Наслаждался победой, наслаждался поклонением. Однажды, когда я уже была женой старого Гельдерна, Лоуренс рассказал, что обычным свиданиям предпочитает визиты в кварталы красных фонарей, потому что только тамошние барышни умеют ублажать

по-настоящему.

— Пфф.

— Но глядя на тебя, Юджин, я начинаю думать, что в укрощении есть своя перчинка, — он снова касается запястья губами. — О, ты так стискиваешь пальцы. Позволь помочь тебе расслабиться.

Кажется, я всё-таки его ударю. Иначе он заставит разжать пальцы, увидит горошину и с первого взгляда поймёт, что с ней что-то не так.

Я замахиваюсь.

Ударить не успеваю.

— Я рада, что вы поладили, — раздаётся голос герцогини.

Вовремя она…

Лоуренс немедленно отпускает меня и делает шаг назад. Я плавно опускаю руку. Обе руки.

— Ваша светлость, — приветствует он её лёгким поклоном.

— Потерпите до свадьбы, лорд Лоуренс. Юджин, разве вы не должны сейчас находиться в своей комнате?

— Действительно…

— Леди, — напоминает о себе горничная. Не та, которая обжималась с Лоуренсом. Та уже благополучно сбежала. А та, которая меня сопровождала.

Кивнув, я прибавляю шагу.

Лоуренс, как ни странно, помог мне — я определилась. Я снова уйду тропой, но оставлю записку, что брак с паскудой я не приемлю и поэтому покидаю герцогскую резиденцию. И её светлость упрекнуть не постесняюсь. Напишу, что мои родители доверили ей устроить мою судьбу, а не ломать будущее. Надо бы ещё фразу придумать, чтобы пустить погоню по ложному следу.

Правильно ли будет подставить под разборки Диана? Выгодно, но совестно…

Дорожная сумка у меня уже собрана. Или вернее сказать, она не разобрана толком. Добравшись до комнаты, я первым делом вынимаю из ящика комода своё чудо-зеркало-тайник и к кольцу и клинкам прячу новую добычу, бусину крови.

Зеркало отправляется на дно сумки, и можно считать, что я готова.

Так…

Грязное платье! Его я собиралась тихонько постирать, но стирка явно отменяется, а между тем оно страшнейшая улика против меня. Обнаружив побег, комнату непременно обыщут… Взять замурзанное платье с собой? Лишняя тяжесть. Легче просто выбросить, и я вывожу перед собой руну, отпирающую тёмную прореху.

Пространство послушно расходится, обнажается изнанка, и в комнату просачивается серый дым. Впрочем, с дымкой успешно справляется растворённый в теле амулет. С сбрасываю платье во Тьму как в мусорку, и, качнувшись, пелена расступается. Прежде чем я запираю прореху, я успеваю заметить, как в платье вцепляется неестественно длинная лапа с чёрными когтями вместо ногтей.

Готово. Осталась записка.

Я присаживаюсь за трюмо, кладу перед собой чистый лист бумаги.

“Ваша светлость герцогиня Флойтская, — вывожу я, — брак с лордом Лоуренсом Гельдерном для меня отвратителен и невозможен. Я предпочту сгинуть в лесу, нежели стать супругой столь бесчестного человека”.

Дописать я не успеваю.

Дверь распахивается. Кто-то входит без стука. Я слышу уверенные шаги. Незваный гость огибает ширму.

— Вы совсем потеряли совесть, лорд Гельдерн?! — вскидываюсь я. — Вы ещё не мой муж, чтобы входить в спальню!

Он цепко осматривается, кивает на дорожную сумку, стоящую на кровати:

— Далеко собралась, Юджин?

Тон обманчиво дружелюбный, а в глазах стылый лёд. Лоуренс переводит взгляд на недописанную записку.

— Лорд, какая вам разница? Правда… Прилипли хуже смолы. Что вам от меня нужно?

— Нужно, — он пожимает плечами. — Что-то?

На его губах расцветает усмешка. Лоуренс чётко показывает, что не намерен говорить.

Я отодвигаю записку.

План придётся менять. Сейчас Лоуренс заинтересуется запиской, а я схвачу сумку и побегу. Мне достаточно скрыться на минуту, чтобы ступить на тропу. Какая удача, что я успела разобраться с платьем!

Лоуренс действительно переключается на бумагу, подходит ближе и заинтересованно протягивает руку.

Я со всей силы наступаю каблуком на его стопу. Не на пальцы, а выше. Лоуренс непривычен к боли, он вскрикивает, а я бросаюсь вперёд, подхватываю сумку. Я бы и без неё ушла, но терять зеркало жалко.

— Держи её! — выкрикивает Лоурес.

На бегу я опрокидываю этажерку в надежде, что Лоуренс запнётся об неё, задержится, подарит

мне драгоценные мгновения. В дверном проёме возникает давешний лакей.

Бездна!

Схватить нечего, и просто врезаюсь в него, вышибаю в коридор.

Возглас горничной проходит мимо сознания. Вместе с лакеем мы падаем, но он навзнич, а я оказываюсь сверху, и это шанс вскочить первой. Он пытается ухватить меня за юбку, но удар мыском по ладони спасает, и я, вырвавшись, бросаюсь прочь.

В коридоре никого. Нарочно всех разогнали? Свидетели мне бы пригодились…

Я припускаю что есть духу.

Сзади настигает топот, и меня сковывает от дурного предчувствия. Лоуренс ведь маг, он может использовать магию.

В начале коридора вдруг появляется Диан.

— Юджин!

Пришёл помочь?!

Я прям чувствую, как у меня крылья вырастают. Мне только добежать…

Подавшись вперёд, Диан вскидывает руку, на его пальцах расцветает знакомая молния. Едва ли он собрался выпустить её в меня. Я прижимаюсь ближе к левой стороне, чтобы дать пространство.

Почему он смотрит на меня с таким испугом?

Росчерк света, и вокруг талии обвивается петля. Лоуренс рывком притягивает меня к себе, обхватывает за талию и с силой вжимает меня в своё тело. Молнию Лоуренс отбивает с поразительной лёгкостью. Краем глаза я замечаю в его руке жезл — Лоуренс сражается не сам, а мощью боевого артефакта.

Дёрнувшись, я хочу ударить его по руке, выбить жезл, но Лоуренс держит слишком крепко:

— Не брыкайся, дорогая, — усмехается он. — Юджин, а ты знаешь, что всё это время лорд Ратти по тебе безответно вздыхал? Было очень забавно наблюдать, как ты его игнорируешь.

— Зато теперь прозрела.

— Лорд Ратти, мы с моей невестой вынуждены вас покинуть, — усмехается Лоуренс.

Диан пытается пробить щит, и что-то у него получается, по щиту расходится рябь, и видно, что ещё немного, и щит погаснет. Но Лоуренс не даёт нам этого “немного”. Взмах жезлом, и вспышка света рвёт пространство.

— Юджин!

Не вырваться — так хоть упасть на пол, хоть как-то помешать.

Я пытаюсь долбануть каблуком по стопе, но Ло-

уренс избегает удара, удерживает меня и толкает к светящемуся проколу пространства. Рывок, и я оказываюсь у Лоуренса на плече.

— Ты видишь Юджин в последний раз, — злорадно сообщает Лоуренс.

Я рывком распрямляюсь.

Лоуренс теряет равновесие, и мы вдвоём падаем на пол под аккомпанемент его брани. Кажется, я расшибла локоть. Я тоже ругаюсь. Мне везёт — я отползаю в сторону. Сейчас Диан поможет мне встать, уведёт. Не знаю, зачем я ему. Влюблён или всё же преследует свой интерес? Но лучше я рискну довериться ему, чем достанусь Гельдернам.

Я приподнимаюсь, осматриваюсь.

— Что?

— Добро пожаловать в наши родовые земли, Юджин! — Лоуренс, наблюдая за мной с пола, запрокидывает голову и хохочет.

Прокол закрылся, жезл в руках у Лоуренса, но, не будучи посвящённой, я им воспользоваться не смогу.

Боги…

Я прошла над Бездной, чтобы сбежать из ловушки, и вернулась в западню. Судьба у меня что ли такая?

Зал незнакомый. За десять лет я ни разу в нём

не побывала. Впрочем, я больше половины резиденции не видела, ничего удивительного.

Отсмеявшись, Лоуренс поднимается с пола.

— Ты похитил меня при свидетелях.

— Пфф! Юджин, какие свидетели? Слуги что ли? Кто будет их слушать и кто позволит им говорить?

— Лорд Диан Ратти.

— Его слово против моего слова и слова герцогини. Её светлость готова в храме свидетельствовать, что собственными глазами наблюдала между нами неподобающую сцену близости и дала согласие на брак.

— По твоему этого достаточно?

— Кто-такие Ратти, Юджин? Незначительный род, горстка неудачников. Они сами заставят своего отпрыска молчать.

Сомневаюсь, что Диан уступит. Он дважды нападал на Лоуренса — поединок и там, в коридоре. Только вот ждать, что Диан приступом возьмёт родовое гнездо Гельдернов, не приходится. Увы, помочь мне Диан не сможет, слишком поздно.

Надежды… нет?

Про побег лучше сразу забыть. Я не могла покинуть родовые земли, будучи женой Хранителя дома. Будучи пленницей, тем более не смогу.

С тёмными тропами всё сложно — я знаю отпирающую последовательность рун, но толку? Руны просто не сработают, потому что здесь, в родовых землях, чтобы открыть тёмную тропу сперва требуется пробить защиту. Незримый свет божественного благословения разлит в воздухе, и в прошлый раз, чтобы призвать тьму, мне пришлось не только совершить жертвоприношение, но и умереть самой.

— Лоуренс? — в зале появляется его кузен. — Тебе поручили очаровать леди, но ты не смог сделать даже такой малости, что пришлось действовать жёстко? Следуйте за мной!

Глава 17

Не сомневаясь, что мы подчинимся, кузен Лоуренса скрывается за дверью. Ещё один мерзавец. Внешне похож на Лоуренса, то же подтянутый, светловолосый симпатяга, хотя в холёности Лоуренсу уступает, да и волосы стрижёт коротко, кудрей, как Лоуренс не носит. Властный, амбициозный, не терпит неповиновения, самоутверждается за счёт тех, кто слабее и ниже по положению. Однажды лично выпорол горничную за пролитый чай. Один из лучших бойцов, обречён вечно служить роду, возглавить не сможет, так как рождён в боковой ветви, и это его, по моему, бесит.

Плюнув сквозь зубы пару ругательств, Лоуренс не осмеливается возражать кузену вслух.

Но это он не осмеливается.

— Лорд, а почему вы назвали вашего родственника самодовольным ушлёпком? — громко спрашиваю я.

Достаточно громко, чтобы меня услышали.

Мы как раз выходим из зала в коридор, и успевший удалиться старший Гельдерн останав-

ливается:

— Действительно так назвал? — спрашивает он.

— Да, — киваю я.

— Нет, — поспешно заверяет Лоуренс. — Юджин, что ты несёшь?!

— Я понял.

Тон такой, что даже мне не по себе становится. Старший Гельдерн посмотрел на Лоуренса так, будто пообещал с того снять шкуру, живьём. Лоуренс заметно спадает с лица, кидает на меня ненавидящий взгляд. Я отвечаю насмешливой улыбкой — я только рада его подставить под неприятности, а оскорбление старший точно не простит. Правда, мне это ничем не поможет.

Старший отворачивается и, чеканя шаг, устремляется дальше по коридору.

— Вперёд, — рыкает Лоуренс.

Лучше топать самой, чем он меня потащит. Я не отказываюсь и тихо радуюсь, что дорожная сумка всё ещё со мной, и её никто не отбирает. В сумке зеркало. В зеркале не нужная сейчас бусина крови, светлые клинки и ключ-кольцо. Надо воспользоваться им правильно…

Мне удаётся сориентироваться, интерьеры становятся знакомыми, и вскоре мы оказываем-

ся в том самом холле на втором этаже, где дядя Лоуренса подёс мне отраву. Ностальгия, хах… Я невольно ощущаю пробегающий по спине холодок.

— Вы очень спокойны, леди, — замечает кузен Лоуренса.

Он намекает, что я подозрительно спокойна?

— А разве мне нужно бояться? — раз уж страх показывать поздно, покажу самоуверенную глупость.

— Вы полагаете, что нам, леди Юджин?

— Ваш родственник похитил меня при свидетеле. Я уверена, что прямо сейчас лорд Диан Ратти ищет способ сообщить о вашем преступлении моим родителям, и они заставят вас меня вернуть.

— Ах вот оно что, — старший Гельдерн расплывается в поощрительной улыбке. — В таком случае мы обязательно подождём и посмотрим, что сделают ваши родители, леди Юджин Махаон.

Боковая ветвь, которую “отсекли”. Ради меня глава рода точно не станет связываться с Гельдернами.

Откуда-то сбоку выскальзывает лакей и распахивает дверь Зелёной гостиной, пожалуй, одной из самых мрачных комнат, не считая, конечно,

скрытых в подвале пыточных. К счастью, я их никогда не видела, но то, что они существуют — факт. Стены гостиной обиты имитирующим мох бархатом, в мягкой мебели буквально утопаешь. Лесные пейзажи добавляют мрачности. Гостиная лично мне напоминает засасывающее болото, и не удивлюсь, если кресла зачарованы и способны удерживать того, кто сел.

Опустившись на самый краешек, я ставлю сумку в ногах. Кузен Лоуренса садится напротив и с видом хозяина жизни закидывает ногу на ногу, а вот Лоуренс выбирает место в углу.

Лакей сервирует чай.

Ожидание не затягивается — в комнате предсказуемо появляется мой бывший муж. Хранитель дома заправляет всем, что происходит в родовых землях, и сейчас именно он решит, как со мной поступить.

Или сразу же попытается надеть брачное кольцо?!

Возможно, Гельдернам почему-то важно, чтобы я стала женой не случайного представителя рода, а Хранителя? Не знаю…

— Добрый день, леди Юджин, — старик сцепляет пальцы в замок и вперивает в меня сверлящий недружелюбный взгляд.

Я выдерживаю:

— Едва ли он добрый, лорд Гельдерн, — хотя в этой жизни я вижу его впервые, обратиться по титулу и фамилии нормально, очевидно, что он не может быть никем иным, кроме как лордом Гельдерном.

Старик задумчиво окидывает меня взглядом, недружелюбие сменяется лёгким любопытством. Стоило ли любопытство будить?!

— Вот как? Леди, вы с характером? Как интересно… Лоуренс докладывал, что вы абсолютно безвольны и слабы на лесть.

— Вероятно, лорд Лоуренс Гельдерн ошибся, схалтурил или солгал.

Кузен Лоуренса неопределённо хмыкает, но в разговор не вмешивается. Как и сам Лоуренс. Бывший муж растягивает губы в улыбке, на его старческом лице ухмылка смотрится уродливой гримасой. Или я просто предвзята? Лоуренс, почуяв недоброе, вскакивает:

— Дедушка!

— Сядь, — командует бывший муж с той особой интонацией, которая меня всегда пугала, и сейчас я тоже стискиваю подлокотник, а бывший муж продолжает преравнную беседу как ни в чём ни бывало, будто я гостья, а не пленница. — Леди

Юджин, вы, безусловно, правы. Лоуренс будет наказан. Кристан, возьмите на себя труд?

Лоуренс шумно втягивает воздух.

— Будет исполнено, — откликается его кузен. — Я помогу дорогому брату осознать его ошибки.

Лоуренс аж зеленеет.

Я пытаюсь понять, что я чувствую по этому поводу, но кажется, я вообще ничего не испытываю. Бывший муж проводит пальцами по подбородку, жест выдаёт лёгкую задумчивость. Точно также он поглаживал подбородок в прошлом, когда решал мою судьбу. Но тогда я не сидела в мягком кресле, а стояла перед письменным столом в его рабочем кабинете.

— Леди, боюсь, вы не до конца понимаете своё положение. Вы нужны нам, а Гельдерны всегда берут то, что им нужно.

Неужели это шанс?

— Зачем же я вам, лорд Гельдерн?

— Вам это знать не обязательно, леди Юджин.

— Разве?

— Именно так, — спокойно отвечает он.

Я и не рассчитывала получить ответ.

— Хотела бы я знать, стоит ли оно того, — хмыкаю я. Если бы не их желание получить меня, тёмная госпожа продолжала бы спать…

— Стоит, — бывший муж не сомневается. — Но давайте поговорим о вас, леди Юджин, о вашем будущем. Должен признать, оно весьма печально, но только от вас зависит, насколько мрачным оно будет.

Внезапно Кристан поднимается. Возникло какое-то срочное дело? Он обходит моё кресло, но не проходит мимо, а перегибается через спинку. Увернуться я не успеваю. Его ладони оказываются на моих плечах, и хватка слишком крепкая, чтобы вывернуться.

Кристан наклоняется ещё больше, его губы почти касаются моего уха. У них с Лоуренсом повадки одинаковые, да?

— Хочешь знать, что нам нужно, Юджин? Нам нужен от тебя ребёнок.

Чушь какая! Я смотрю на него потрясённо. Какой в Бездну ребёнок?! Оставим на время, почему именно от меня. В прошлом… я забеременела от Лоуренса, но ребёнку не позволили родиться, я ведь узнала много позже, что брачное кольцо не позволяет женщине родить от кого-то, кроме мужа, и не важно, была она в положении до брака или изменила после свадьбы. Разве их цели изменились? Едва ли. Я ожидала, что мне попытаются надеть кольцо, но до сих пор брачный артефакт

никто не достал.

Они хотят повторить прошлый сценарий, где я теряю ребёнка?

В чём смысл?

Сходу на ум ничего не приходит. Я подумаю потом…

— Никогда! — я пытаюсь вывернуться, но Кристан легко удерживает меня в кресле.

— Способность к деторождению не зависит от желания, — Кристан щекочет дыханием затылок.

— Пустите! — дёргаюсь я.

Умные мысли не провоцировать Кристана испаряются. Да, он не терпит неповиновения, и сопротивление только раззадорит его, но терпеть никаких сил. Его пальцы до боли впиваются в плечи.

— Пусти, Кристен, — вмешивается Лоуренс. — Мы и так тебя отвлекли. Я провожу Юджин… в нашу спальню… до результата.

Лоуренс окидывает меня откровенно раздевающим взглядом.

— Не беспокойся, Лор, — хмыкает Кристен. — Ты с самой простой задачей не справился, а Юджин девушка неопытная, в отличии от твоих обычных пассий, сама ничего не сделает, ей ну-

жен кто-то, кто умеет быть мужчиной.

Уроды. Оба. Да вообще все Гельдерны. Хоть бы один нормальный попался…

— А если бы на моём месте оказалась ваша мать или сестра?

— Но ты, Юджин, не мать и не сестра, — усмехается Лоуренс.

— Моя сестра, — Кристен чуть ослабляет хватку но не отпускает, — никогда не окажется в таком положении, потому что она умеет о себе позаботиться. Год назад она прошла испытание и доказала, что достойна пройти высшее посвящение. Если бы она оказалась на вашем месте, половина родовых земель уже было бы уничтожено.

Преувеличивает. Я верю, что боевой маг может разнести обычное здание, но не резиденцию, защита которой совершенствовалась столетиями.

— Мразь. И я не про леди.

— Что касается моей матери, то, заверяю вас, Юджин, именно в таком положении она и была, пока не ушла в Чертоги Белогорья, и именно её пример научил нас с сестрой, что слабость не может быть прощена.

Он ещё больший урод, чем я думала.

— Кристен, разве твоя помощь сейчас не нужна

дяде, например?

— Нет, не нужна, — усмехается он.

Наконец его ладони исчезают с моих плеч, и я свободно вздыхаю, только вот оставлять меня в покое никто не собирается. Лоуренс подаёт мне руку.

— Лор, Кристен ясно сказал, возьмёт леди под свою ответственность, — вмешивается мой бывший и, вероятно, будущий муж.

Лоуренс опускает руку:

— Ты пожалеешь, Юджин.

Почему я-то?

Вслух я не спрашиваю.

Лоуренс первым покидает гостиную. Я провожаю его взглядом и только поэтому успеваю увидеть, как в коридоре он подхватывает первую попавшуюся под руку горничную. Видимо, сорвётся на ней.

Бывший муж тоже встаёт, и я понимаю, что остаюсь Кристеном наедине, только помешать этому я не могу. Бывший муж уходит и плотно закрывает за собой дверь. Кристен останавливается передо мной, и я отклоняюсь, вжимаюсь в спинку кресла. Становится страшно. Я почти готова повторить цепочку усыпляющих рун. Использовать козырь я смогу один единственный

раз. Сейчас? Кристен протягивает руку и лишь задумчиво проводит подушечкой большого пальца по моей щеке, будто оценивает, насколько привлекательно для него моё лицо.

Он собирается прямо здесь?!

К счастью, нет. Он убирает руку, и я снова могу дышать.

Мой испуг ему явно не понравился, но в то же время успокоил — Кристен брезгливо кривится:

— Вот и всё твоё сопротивление, Юджин?

— Вы…

— Веди себя хорошо, и твоя жизнь будет мало отличаться от той, которую ты вела, будучи компаньонкой дочери герцога. Неподчинения я не потерплю.

— Чтобы ребёнок был здоровым, будущая мама должна сохранять хорошее настроение.

— Сохраняй, — кивает Кристен, и я окончательно убеждаюсь, что никакой ребёнок на самом деле ему не нужен.

Гельдерны собираются повторить то, что было — надеть на меня кольцо, когда я забеременею. Я потеряю ребёнка. Но в чём смысл…?

Кристен звонит в колокольчик, и в гостиную тотчас входит горничная. Она без дополнительных указаний сразу же подходит ко мне, забирает

дорожную сумку. Я давлю в себе порыв схватиться за ремешок и не позволить. Пусть думают, что у меня в сумке сменная одежда, мелочёвка, ничего ценного. Схватившись за сумку, я только привлеку внимание, и вещи начнуть проверять. Нет уж.

Я поднимаюсь и послушно следую за горничной, а Кристен садится в кресло, закидывает ногу на ногу и достаёт сигару.

Можно выдохнуть?

Следуя за горничной, я стараюсь смотреть в пол, чтобы не показать, что узнаю интерьер и скрыть обуревающие меня эмоции. Какая ирония! Меня ведут в боковое крыло, то самое, где я провела десять лет. В тот раз комнату мне выделил супруг, в этот раз, видимо, он же, поэтому комната будет та же самая. И я не ошибаюсь. Мне смеяться или плакать?

Я задерживаюсь у входа, чтобы взять себя в руки.

Сейчас горничная поставит мою сумку на комод, возможно, разберёт вещи и затем уйдёт. Как только я останусь в одиночестве… Я ещё не знаю, что именно предприму, но что-то точно сделаю.

Горничная действительно ставит сумку, но не на комод, а убирает её за трюмо прямо на пол, то

есть разбирать вещи явно не собирается. Вроде бы хорошо, что она не тронет зеркало, но как-то странно.

— Принеси мне чаю с мятой, — прошу я. — Как тебя зовут?

То, что она не представилась, для слуги большая ошибка. Пленница или нет, я всё ещё леди, и обращение со мной должно быть соответствующее.

— Рия, леди, — горничная склоняет голову. — Я к вашим услугам.

А где извинение за ошибку?

— Принеси мне чай с мятой, — повторяю я.

— Простите, леди, но у меня другие указания. У нас очень мало времени, чтобы подготовить вас к визиту лорда Гельдерна. Пожалуйста, проходите в ванную. Я помогу вам раздеться.

Глава 18

Ни в какую ванную я идти не хочу, но я не сомневаюсь, что при отказе меня затащат в воду силком, поэтому уступаю, позволяю забрать у меня платье, нижнюю сорочку. На тёмную тропу в конце концов и голышом можно ступить. Понять бы, как её открыть. Чтобы пробить защиту, установленную на резиденции, потребуется… жертвоприношение? Я не готова убить человека, по крайней мере вот так расчетливо и хладнокровно.

Вода тёплая, и я погружаюсь с головой. На выдохе булькают пузырьки, и, как только воздуха начинает не хватать, я выныриваю.

Горничная, опустившись на деревянную табуретку, осторожно выливает мне на волосы шампунь и начинает бережно взбивать пену. Надо же… В прошлом мне такой заботы не перепадало, ухаживала я за собой сама, благо горничные не только убирались, но и исправно пополняли запас баночек и флакончиков.

На голову льётся вода, смывает пену. Горничная ополаскивает мои волосы травяным отваром

и закрывает в полотенце.

— Вашу руку, леди, — просит она.

— Хм?

Но руку я послушно даю, и горничная пристально рассматривает мои ногти, достаёт пилочку.

Маникюр, педикюр, лёгкимй массаж…

— Теперь, Рия, ты можешь принести мне чай с мятой? — я кутаюсь в махровый халат.

— Простите, леди. Я помогу вам с причёской и макияжем. Я подготовила для вас платье.

Неужели я так много прошу? Чай можно было подать, пока я мокла в ванне.

Я начинаю подозревать, что у горничной приказ не оставлять меня без присмотра даже на минуту.

Между тем Рия собирает мои волосы в рыхлый пучок и подвязывает лентой. Никаких шпилек, заколок. Распустить пучок — одно движение. Я позволяю Рии подвести мне глаза и добавить на губы перламутровый блеск.

Наступает очередь платья. Рия подаёт мне кружевное нижнее бельё и кружевную сорочку. Тонкая ткань, собранная в несколько слоёв, скрывает всё, что должно быть скрыто, и я не могу не признать, что Рия сделала меня по-настоящему соблазнительной. Однако от этого ещё

более неприятно. Я чувствую себя куклой, вещью, которую готовят для господина, а Рия подаёт мне платье из летящего шифона цвета слоновой кости. Полупрозрачная ткань подчёркивает белизну кожи и мою… доступность.

Туфли на высоком каблуке тесноваты. Удобно в них только лежать.

— Чай, — третий или четвёртый раз напоминаю я.

— Да, леди, — горничная пропускает меня в спальню.

Я замираю на пороге, боясь увидеть Кристена или Лоуренса. Не удивлюсь, если Лоуренс появится. К счастью, в комнате пусто, и Рия проходит мимо. Она действительно покидает комнату.

Так…

Так-так…

Достать зеркало и переложить в ящик трюмо? Мне не нравится, как горничная поставила сумку. Возможно, она спрятала её в дальний угол, чтобы сумка своим видом не портила интерьер, но, если я её трону, будет слишком заметно. Возникнет вопрос, что мне в ней вдруг могло понадобиться.

В Бездну сомнения!

Я протягиваю руку…. и успеваю отдёрнуть, потому что дверь без стука распахивается, а ширма,

разделяющая комнату на спальную часть и будуар сложена гармошкой.

Входит… Кристен.

Увидев меня, он замирает на долю мгновения. Взгляд темнеет. Кристену явно нравится то, что он видит. Он буквально пожирает меня глазами.

— Юджин, ты прекрасна, — выдыхает он.

— Вы… Что вы здесь делаете? — я отступаю на шаг.

— Хм?

— До вечера ещё далеко, — поясняю я. — В спальне принято уединяться после ужина.

— Принято? — Кристен искренне забавляется.

Запрокинув голову, он просто хохочет над моей попыткой оттянуть неизбежное. Я же делаю ещё один шаг назад и расправляю плечи — без боя не дамся! А Кристен, отсмеявшись, расстёгивает жилет, сбрасывает. Ворот рубашки уже ослаблен.

— Горничная сейчас принесёт мне чай, — предпринимаю я ещё одну пустую попытку.

— Что ты, Юджин, слуги не осмелятся мешать мне, и первый раз у тебя будет сейчас. Хочу рассмотреть тебя при дневном свете.

Стоять перед ним голой?!

Кристен подходит вплотную, снова тянется к

щеке. У них это семейное? Лоуренс любил делать точно также. Я не сопротивляюсь, терплю, и его пальцы соскальзывают по шее к ключицам. Я позволяю себя обнять и сама закидываю руки ему на шею. Кристен ловит мой взгляд. Я не скрываю страха и растерянности, и он самодовольно усмехается. Думает, что победил? Что я готова быть мягкой и податливой, лишь бы он не превращал первый раз в настоящий кошмар? Пусть верит. Его ладони скользят по моей спине, Кристен тянется к подолу, чтобы стянуть с меня платье через голову. Я подпиленным ногтем большого пальца впиваюсь в подушечку указательного, я буквально продавливаю кожу, и на пальце выступает кровь. Кристен увлечён платьем, и, когда я касаюсь его шеи сзади, он не реагирует, дарит мне драгоценное мгновение..

Я вывожу руну сна. Почему не руну смерти? Кристан прошёл посвящение, и его защищает сам Свет. Руна сна безобидная, она не несёт прямого вреда.

Кристен что-то понимает, он отпускает мой несчастный подол, отшатывается. И тело его подводит. Вместо крика тихое шипение, глаза закрываются. Я успеваю подхватить Кристена, чтобы он не упал и помогаю плавно опуститься

на пол. Пусть бы падал, но вдруг за дверью кто-нибудь услышит подозрительный шум. Зачем? И руну при падении мог зацепить, повредить. Нет уж, я не дам ему шанса.

Проблема в том, что долго руна не продержится.

Убить спящего?

Я достаю из сумки зеркало-тайник.

Может, пока Кристен спит, запереть его в зеркале? Не в моём, моё слишком маленькое, через рамку даже голова не пройдёт. Но вот в трюмо… Конечно, зеркало Гельдернов может быть с хитрой защитой. Но не ждать же пробуждения!

— Почему так долго? — раздаётся свистящий шёпот.

Я аж подпрыгиваю.

Из зеркала на меня скалится знакомый череп.

— Жрица?

Меня всё же не бросили.

— У нас мало времени, — ворчливый тон меняется на деловой. — Резиденция Гельдернов защищена, и зеркало благодаря кольцу единственный способ с тобой связаться, Юджин.

— При чём здесь кольцо?

— Ты пожертвовала его Тьме, но я тебе его вернула. Как видишь, угадала, оно нам пригодилось.

Послушай, ты должна открыть тропу.

— Не могу.

Если бы могла, разве бы я не ушла уже?!

Клацанье зубов меня не на шутку пугает — а вдруг услышат снаружи?! Череп зло ощеривается. Кажется, если бы жрица могла, она бы меня покусала.

С пола раздаётся тихий стон.

Я надеялась, что руны хватит на час. Не прошло и пары минут, а Кристен уже просыпается?! Мне… его огреть по голове? Убить?

— Можешь! — шипит жрица. — Тропа уже есть.

— Что? Какая тропа есть?

— Та, по которой ты уходила, Юджин!

— Ерунда какая-то. Я же читала. Тропа возникает чуть ли не под ногами идущего, и очень быстро развеивается. Она существует не больше пары часов. И вообще, как можно открыть тропу, которая могла бы появитсья через десять лет?!

— Надеюсь, ты глазами читала, а не седалищем? Юджин, ты прошла над Бездной!

— И что? — продолжаю не понимать я.

Кристен вроде бы спит, не просыпается, но спит как-то беспокойно, будто сопротивляется воздействию руны.

— Юджин, тропа, которую ты открыла смертью мужа, своей жизнью и жертвой родового артефакта Гельдернов подобно ручью влилась в Тропу над Бездной, которую Бездной называют обыватели.

— Безвременье, Вечность.

— Да, Вечность, Юджин. Я могла бы многое тебе рассказать, но не сейчас. Сейчас тебе важно понять, что Тропа, которую ты открыла в Вечность, существует по законам Безвременья. Она не исчезла.

— Но разве защита резиденции не помешает?

— Юджин, просто делай! В качестве жертвы используй клинки. Они ведь у тебя? Умирать в этот раз не нужно. Но Тропу придётся открывать точно в том месте, где ты проводила ритуал.

Ну, спасибо!

— Тропа ведёт в Бездну, — зачем мне туда?

— Через Чертоги Смерти, — соглашается жрица. — Тебе не нужно вступать на Тропу самой, Юджин, только открыть. И мы по ней придём.

— Хм? — какой у меня выбор? — Хорошо, я сделаю!

— Слава Тьме! Я тебя уговариваю, как будто ты хочешь поселиться у Гельдернов ещё на десять лет. Клац-клац!

С шипение изображение рассеивается серым дымом, и в стекле я вижу себя. Коротко выдохнув, я бросаю опасливый взгляд на Кристена, его сон всё более и более беспокоен, но руна пока ещё держится, даже не поблёкла.

Интересно, есть всё-таки кто-то за дверью?

Я отпираю зеркальный тайник. Клинки подождут, а вот кольцо я забираю и надеваю на палец. Кольцо послужит ключом.

Из хорошего — дядя кузенов ушёл своими глазами посмотреть на место, где спала тёмная госпожа. Ни за что не поверю, что она не оставила пленителям какой-нибудь коварный сюрприз. Возможно, лорд Гельдерн уже мёртв. В любом случае, в родовых землях его быть не должно. Куда вероятнее, что с докладом он отправится в столичный храм. Из плохого — он не единственный Гельдерн.

Как пробраться незамеченной? Тогда я пыталась затеряться среди многочисленных гостей, но сейчас посторонних в резиденции нет.

Я осторожно приоткрываю дверь, выглядываю.

Конечно же!

— Рия! — я не повышаю голос, но, призвав всё своё скудное актёрское мастерство, показываю гнев.

— Леди? — горничная делает шаг навстречу.

— Долго нам с лордом Гельдерном ждать чаю? — нападаю я. И скрываюсь в комнате.

Наверное, я совершаю ошибку — горничную следовало позвать в комнату и тоже усыпить, но что сделано, то сделано. Я знаю длину коридора, знаю, сколько шагов до поворота и мысленно считаю. У горничной не должно возникнуть подозрений, я ведь якобы вернулась к господину.

Я мысленно считаю шаги и снова выглядываю — в коридоре пусто. Ну, логично, Кристен всё же не извращенец выставлять у постели толпу наблюдателей. Он не ожидал, что я могу неприятно удивить.

Выскользнув из комнаты, я прикидываю, сколько времени понадобится горничной, чтобы собрать поднос. Она принесёт чай, увидит лежащего на полу Кристена, позовёт на помощь, и меня бросятся искать. Если, конечно, я доберусь до зала.

Туфли жмут. Почему я не переобулась?

В боковом крыле, где меня поселили, больше никто не живёт. Правда, в прошлый раз я появилась в резиденции гораздо позже, и как сейчас обстоят дела не знаю, но надеюсь на лучшее. Я выбираю коридор, ведущий от гостевых спален

к холлу — именно здесь меньше всего шансов на встречу.

Сердце колотится.

Впереди холл, где дядя кузенов потчевал меня отравой. От воспоминания леденеют пальцы ног и рук. Я прибавляю шагу.

Мне остаётся пересечь холл, спуститься по лестнице и попасть в зал. Проблема в том, что холл просматривается из глубины дома. Если мой бывший муж именно сейчас решит пойти из кабинета в библиотеку или, наоборот, в свои покои, он меня увидит.

Но ждать мне нечего. Я пересекаю холл, ступаю на верхнюю ступеньку.

— Юджин? — летит мне в спину. Не бывший муж. Лоуренс.

Глава 19

Гнавший меня страх исчезает, и меня накрывает смесью спокойствия и злости.

Я оборачиваюсь с тем расчётом, чтобы юбка закрутилась у моих ног. Лоуренс падок на дамские прелести, а в платье я хороша, безумно хороша.

— Я не хочу с ним, он жуткий! — выдыхаю я и устремляюсь к Лоуренсу.

— Юджин, теперь ты поняла? — он расплывается в самодовольной улыбке. — Идём, я провожу тебя.

В постель, надо полагать. Но я подхожу, будто вижу в Лоуренсе спасителя от слишком властного и жёсткого Кристена. Повернув кольцо, я царапаю кожу на пальце. Так и до воспаления не долго — я даже нормально зажить царапинам не даю, наношу и наношу новые. Шрамы, наверное, появятся. Бывают на подушечках пальцев шрамы? Отвлечённые мысли помогают держать лицо, и я беру Лоуренса за руку. Он, привычный к дамской инициативе, позволяет.

И вывожу руну сна.

В отличие от кузена, Лоуренс не успевает по-

нять, что что-то пошло не так, не сопротивляется, и лишь позволяет мне усадить его в кресло. Глаза закрываются, он блаженно бормочет моё имя. Уже видит продолжение во сне? Ну-ну.

Я сбегаю по лестнице на первый этаж, бросаюсь к залу, где проходило прощание с мужем. Двустворчатые двери закрыты, но не заперты, и я проникаю внутрь, быстро захлопываю за собой. В этот раз у меня нет пояса… Но есть лента, удерживающая пучок! Я рывком сдёргиваю её с головы, наскоро перематываю ручки дверей и завязываю узел.

История повторяется, да?

Хорошо бы, ведь это значит, что я смогу, что у меня всё получится.

Возвышения, на котором лежал покойный, нет, траурного убранства нет, зал выглядит немного иначе. Возможно, его перестраивали? Или просто обновляли интерьер? Не важно. Главное, что нужное место я найду с точностью до пары шагов.

Я сажусь прямо на пол, снимаю ненавистное кольцо, кладу перед собой и в качестве дополнительной жертвы вытаскиваю из зеркала клинки — зеркало мне хватило сообразительности не держать в руках, а спрятать в декольте, Лоуренс не заметил…

— Ми либери ля Воже'Темпо дель ля Гелдерн фамио! — призываю я, мой голос разносится по пустому залу. — Ми либери ля Воже'Темпо дель ля Гелдерн фамио!

Кольцо рассыпается пылью, клинки чернеют, и светящиеся клейма на рукоятках гаснут.

По воздуху передо мной пробегает рябь, пространство изгибается, словно его натянули руки невидимого великана. Треск, всполохи света. Полупрозрачная пелена выгибается, и за ней появляется чудовищная рожа. Лысая голова обтянута бугристой тёмно-коричневой какой-то спёкшейся кожей. Рот открыт совершенно ненормально, как будто безразмерный. Пасть раза в три больше головы, круглая и усеяна загнутыми клыками в десятки рядов. В пелену одна за другой вонзаются когтистые лапы. Руками это точно не назвать.

Сзади напирают ещё более чудовищные существа, словно все монстры изнанки напирают по тропе. Кажется, жрица слегка слукавила — защита родовых земель действует, но, благодаря мне тёмные получили прямую наводку и по ней ломятся.

До меня запоздало доходит, что, как только защита не выдержит, чудовища хлынут прямо на

меня. Я вскакиваю, шарахаюсь.

Пелена рвётся с оглушительным треском.

Из вертикального разрыва хлынула сама Тьма. Чудовищная пасть оказывается прямо передо мной, и я почти прощаюсь с жизнью, но в последнее мгновение чудовище уворачивается и проходит мимо меня, меня только ледяным ветерком обдаёт.

Тьма, кажется, развеивается, но скорее, она просто становится невидимой глазу, её присутствие выдаёт холод, от которого у меня гусиная кожа. Я обхватываю себя руками. Чудовища в зале всюду, они рычат, визжат, царапают пол и стены, воют, ломятся в двери. Но меня не трогают, обходят, как вода обходит камень на её пути.

Они разумные? Скорее, дрессированные. Или управляемые… До меня доносится мелодия, сладковато-приторный перезвон струн, и из прорехи выходит менестрель-нежить. Лютня знакомая. Вероятно, это тот самый менестрель, который был при тёмной госпоже. Обтянутый бурой кожей череп мне узнать трудно, а вот одежда поменялась. Сапоги блестят новизной, а вот плащ сплошные лохмотья, относительно цел только капюшон.

Менестрель останавливается, отвешивает мне лёгкий поклон, но мелодию ни на миг не преры-

вает. Не задерживаясь, он проходит мимо.

Чудовища уже порвали ленты, раскрыли створки и рычаще-воющим клубком, мешая друг другу, рвутся наружу. Призракам и серым теням легче — они спокойно проходят сквозь стены.

А с тропы всё прибывают и прибывают…

В родовые земли Гельдернов, практически, в самое их сердце, пришла армия.

Я не выдерживаю, и меня накрывает истеричным смехом. Я чувствую себя… использованной. Разве не на такой исход рассчитывала тёмная госпожа, советуя мне вернуться в летнюю герцогскую резиденцию? Она ведь явно не меня защищает, а мстит за себя. Не только мстит, конечно, но и лишает Свет лучших воинов, расчёта наверняка больше, чем эмоций, если они вообще у неё есть.

— Леди, вы в порядке? — вопрос сопровождается металлическим скрежетом.

Продолжая всхлипывать, я поднимаю лицо. Передо мной рыцарь-нежить, забрало поднято, и я вижу белый как снег череп.

— Д-да, благодарю.

— Леди, к сожалению, вы не сможете уйти по тропе, она для мёртвых.

— Понимаю…, — я что-то такое подозревала.

Мимо проходит скелет в длинном женском платье и кокетливой шляпке.

— Во Тьме сейчас слишком неспойоно, уходить обычной тропой небезопасно для вас, леди, продолжает рыцарь.

— Да.

— Я буду с вами, буду защищать вас, леди. Я предлагаю не задерживать в зале, здесь может стать ещё теснее. Как насчёт того, чтобы я проводил вас в гостиную?

Гостиная так гостиная. Я киваю, и рыцарь приглашающе указывает латной перчаткой на в сторону забитого чудовищами дверного проёма. Они лезут, мешая друг другу, лезут уже по головам, в несколько слоёв, и некоторые твари почти упёрлись в потолок. Проём перекрыт наглухо, и я не совсем понимаю, куда идти. На живую стену под когти и клыки? Точнее, стена не живая…

Обогнав меня на пару шагов и внимательно следя, чтобы меня не затоптали, рыцарь пробирается к стене и, широко замахнувшись, бьёт секирой по камню. Лезвие отскакивает, и рыцарь бьёт снова и снова. Проломить стену у него не получается, и тогда он бьёт по мрамору кулаком.

Образуется дыра, и рыцарь быстро расширяет её, одновременно с бешеной скоростью вращая

секирой, чтобы не подпустить, увидивших новую лазейку тварей и ломанувшихся к дыре. Причём тварей не смущает, что новая дыра гораздо меньше их габаритов.

— Выпускайте землероек, — отдаёт приказ скелет в белом платье невесты.

Рыцарь проламывает настоящий проход:

— Леди? Поторопитесь, пожалуйста, леди.

Ну да, потому что с Тромы вывалились гигантские, размером с пони, кроты. Один, два… пять. Поводив носами, они расползаются в разные стороны. Лапа-лопаты с очень прочными, словно стальными, когтями, оставляют в полу глубокие борозды. Первый крот добирается до стены и сокрушает камень с одного удара. Самый медлительный крот ползёт чётко в моём направлении.

Неудобные туфли до сих пор на ногах, но я вылетаю из зала словно я в самых удобных прогулочных ботинках.

Рыцарь не отстаёт, прикрывает меня со спины — как только мы прошли, чудовища рванули в новый проход.

Не обращая на них внимания, рыцарь спокойно осматривается. Как и всем прочим, отсутствие глаз не мешает ему ориентироваться в пространстве.

— Этажом выше будет удобно, леди?

Чудовища рвутся врассыпную, второй этаж пока чист. Туда только призраки и тени устремились прямо сквозь потолок.

— А землеройки не прокопают здание настолько, что оно сложится под собственной тяжестью? — опасливо уточняю я.

— Не беспокойтесь, леди. С ними жрицы.

Лишнего не накопают? Мне было бы спокойнее, если бы с землеройками шли архитекторы.

— Разве на улице не безопаснее?

— Нет, леди.

Почему? Но не доверять у меня причин нет. Жилая резиденция далеко не единственное здание на родовых землях. Дальше расположен храм, и я уверена, что его уничтожат. Возможно, проклянут, и на открытом пространстве проклятье меня зацепит.

Я ещё раз киваю и послушно возвращаюсь на второй этаж.

На лестнице нас обгоняют двое, причём — я поражаюсь — кудрявая брюнетка с задорно вздёрнутым аккуратным носиком явно живая. Одежда выдаёт в ней жрицу. Пробегая мимо, девица подмигивает и сворачивает в сторону крыла, в которое мне ходу не было. Наверное, что-то чует.

Поднимаясь, я упустила из виду, что в гостиной спит Лоуренс.

Уже не спит.

Остатки руны стёрты, взгляд собранный, ясный.

Хорошо, что у Лоуренса при себе нет никаких боевых артефактов, иначе бы он их уже достал.

— Именем Света! — выкрикивает… бывший муж, и в нас с рыцарем летит световое копьё, только гораздо более мощное чем то, которым Лоуренс ударил Диана на поединки. Я лишь тихо вскрикиваю, а рыцарь уверенно принимает удар на щит. Щит раскалывается вдребезги, но большего вреда свет вроде бы не причиняет.

С утробным воем рыцарь устремляется к лорду Гельдерну.

А я… оказываюсь наедине с Лоуренсом.

Рыцарь попытался его зацепить — махнул секирой — но неудачно, и сосредоточился на главном противнике, что, наверное, верно, ведь второго щита нет, и рыцарю, позволь он ударить ещё раз, пришлось бы либо дать меня убить, либо заслонить собой и погибнуть окончательно.

— Лор, держи её! — выкрикивает бывший муж.

Он бил не в меня, а в рыцаря?

Да зачем я Гельдернам, если они даже сейчас не забывают обо мне?!

Вестибюль уже запружен, вниз не спуститься — чудовища, даже если попытаются меня пропустить, всё равно погребут под собой, их слишком много.

Передо мной из ниоткуда появляется серая тень, будто воздух вдруг потемнел. Похоже, рыцарь был неединственным моим защитником.

— Ты с ними… Это ты их?! — доходит до Лоуренса.

Несколько теней бросаются к нему, но вспышка Света их то ли отгоняет, то ли вовсе развеивает.

Сзади шаги.

Меня обходит…

В первое мгновение мне кажется, что это Диан. Откуда бы ему взяться в резиденции Гельдернов? Фигура один в один и неизменный камзол бордового оттенка, на сей раз густого, отдающего в вишню и с блестящими бронзовыми пуговицами. Это должен быть Диан, я не верю в совпадение, но его лицо… Его просто не узнать. Я не успеваю рассмотреть деталей, в памяти остаётся чёрная клякса, словно лица вообще нет.

Диан или не Диан?

Кто бы в бордовом камзоле не явился, Лоуренс

шарахается и заваливается в кресло, пытается встать и, кажется, хочет просто сбежать, но человек с чёрным лицом слишком быстр, и Лоуренс встречает его вспышкой света, закутывается в световой кокон. Появившееся сзади приведение отшатывается.

— Лор! — восклицает… Кристен.

И этот проснулся!

Зато бывшего мужа не видно, только из глубины дома доносятся едва различимые в общем гвалте отголоски столкновения.

Кристен не Лоуренс, он сражаться умеет, и расклад получается… полтора на одного. Тени не в счёт, у них пока ничего не получается. На руках Кристена расцветает… молния.

Глава 20

Я помню, какой эффектной и действенной молния в руках Диана, и что-то мне подсказывает, что в руках Кристена она будет смертоноснее. Реальность оказывается ещё более впечатляющей, чем ожидание. Молния зло разрастается, буквально оплетая пространство ветвями. Тени и призраки порывом ледяного ветра уносятся прочь, спасаясь бегством.

Молнии искрят, ползут по стенам. Кристен не торопится атаковать напрямую, но и как защитную завесу он молнии тоже не использует. Скорее он пытается нас ими окружить.

С рук Диана — я думаю, что это всё же он — тоже срываются молнии, но у него они чернильно-чёрные и раскрываются сразу веером, устремляются к стенам. Это уже не молнии, а какие-то змеи.

Треск такой, что хочется зажать уши руками.

Лоуренс вскидывает руку, и с его ладоней исходит свет, устремляется к Диану. Свет мягкий, ненавязчивый, легко течёт между вспышками. Мерцание смотрится настолько безобидно, что пугает. Диан отмахивается от него будто от облач-

ка назойливой мошкары. Перед глазами темнеет, и я не сразу понимаю, что это не меня зрение подводит, а в гостиной потемнело.

Тьма развеивается, и я вижу невредимого на первый взгляд Диана, оба кузена закрылись щитами и ушли в глухую оборону, но не сдаются. Кристен огрызается очередной молнией, но на этот раз короткой и бьющей в щит Диана.

— Лор, вместе, — приказывает Кристен и начинает смещаться к Лоуренсу.

Не знаю, чем мне не нравится этот приказ.

Диану, видимо, тоже.

Зрение на миг пропадает, и я вижу, как Лоуренс со стоном заваливается обратно в кресло. Который раз уже? Лоуренс жив, но выбыл из схватки окончательно. Едва ворочается, нижняя половина лица окрасилась хлынувшей носом кровью.

Следующий удар будет добивающим, от щита не осталось и следа.

— Крис…

— Лор!

Кристен бросает все силы в защиту, чтобы прорваться к Лоуренсу. Если честно, не ожидала от него такой семейственности, я бы поставила на то, что Кристен Лоуренса бросит. Но нет, в минуту опасности он поступил как настоящий брат.

— Леди, вниз, — глухой голос совершенно не похож на обычный голос Диана. Я снова начинаю сомневаться, не ошиблась ли я. Цвет камзола может быть обычным совпадением.

Куда — вниз? Холл запружен чудовищами, землеройка крушит внешнюю стену. Я спускаюсь на пару ступеней и вспоминаю кошку, которую сгубило любопытство. Бабочек оно тоже губит или нет? Спуститься ниже или остаться на середине лестнице, чтобы хоть немного видеть происходящее? Что-то не так, раз Диан усиливает натиск, изо всех сил мешает Кристену прорваться к Лоуренсу. Несущие смерть сгустки тьмы летят один за другим, но Кристен всё же удерживает щит.

— Брат, спаси меня! — Лоуренс, видимо, оклемался достаточно, его крик громкий и жалкий. Узнаю Лоуренса…

Любопытство толкает вперёд. Я отчётливо понимаю, что, вероятно, подставляюсь, не стал бы Диан гнать меня без причины. Но угрозы я не вижу. Может быть, Диан просто не хотел, чтобы я увидела настоящее убийство?

Я остаюсь на ступеньке, но встаю на цыпочки и вытягиваю шею.

Кристен выдернул Лоуренса из кресла, но почему-то удерживает перед собой как щит.

— Кри…? — с каким-то детским удивлением спрашивает Лоуренс.

Не знаю, что он понял, но он вдруг начинает вырываться.

Кристен перехватывает его за горло. Даже с лестницы я вижу, что хватка удушающая. Лоуренс дёргается, протестующе мычит.

— Во имя Света! — выкрикивает Кристен.

До меня доходит…

Никакое это не спасение раненого брата.

Светлые осуждают практику жертвоприношений, но сами, если надо, не чураются её применять. Жизненная сила молодого здорового человека — это колоссальная мощь, которой ни один маг не сможет противостоять без поддержки артефактов, которых у Диана… я не вижу.

Уверена, Кристен будет рассказывать, как Лоуренс в решающий момент нашёл в себе мужество и добровольно отдал жизнь во имя Света. Лоуренса будут чествовать как воина и героя, а убийственная правда останется лишь в памяти нас троих, если выживем, и, возможно, на страницах засекреченной родовой хроники, доступ к которой есть у главы рода и пары приближённых.

Лоуренс оседает на пол. Он бы упал, если бы

Кристен не продолжал его удерживать. Игра воображения, или мы действительно встречаемся с Лоуренсом взглядами? Мне чудится, что в его глазах я вижу боль телесную и боль от предательства. Взгляд гаснет, его глаза закрываются… навсегда.

Кристен выставляет обе руки. Силы столько, что чары сплетаются медленно, преодолевая сопротивление.

— Леди, вниз! — повторяет Диан. А сам не двигается с места.

Он будет стоять до конца?

Не надо, пожалуйста…

Я узнаю заклинание. Его трудно не узнать. Кристен ударит копьём света. Простое заклинание, беспроигрышный выбор. Диану просто нечего противопоставить, кроме как принять удар на себя, отводя от меня.

Время словно замедляется, копьё ещё вызревает. Мысли мечутся. Должно быть что-то, какое-то решение!

Почему не уйти на тёмную тропу? Здесь всё ещё нельзя их открывать? Скорее, бессмысленно. Копьё будет настолько мощным, что пройдёт и на Изнанку.

Руны?

Атаку нельзя остановить. Но что если её отразить, перенаправить? Зеркало всё ещё со мной. Я, наспех, боясь опоздать, вывожу на стекле отпирающую руну, почти не задумываясь вытряхиваю на ладонь алую бусину.

Вместо того, чтобы спуститься, я взбегаю наверх и выскакиваю вперёд. И в то же мгновение копьё срывается с рук Кристена, летит в меня. Я подставляю зеркало. До сих пор я прятала в него материальные предметы. Получится ли у меня с нематериальным? Если нет, то я этого уже не узнаю.

— Юджин! — последнее, что я слышу, прежде чем утопаю в белом слепящем сиянии.

Боли нет, свет невесомо касается кожи.

Непонятное ощущение. Даже не щекотка, а… ласка? Наверное, меня зацепило самым краешком шлейфа копья, а оно влетело туда, куда нужно — в зазеркалье. Ручка зеркала в моих руках дрожит, я с трудом удерживаю зеркало под напором, который осознаю почему-то не сразу.

Поверх моих пальцев ложатся пальцы Диана, и сразу становится легче.

Сияние уходит — впитывается в зеркало.

Дрожь рукояти усиливается.

— Что… — потрясённо выдыхает Кристен, но

ни на миг не теряется и бьёт очередной молнией, теперь прицельно в зеркало.

Диан закрывает на щитом.

— Леди, отдайте зеркало и уходите.

— А…?

— Оно сейчас полыхнёт, — голос напряжённый, я сразу поверила.

То, что я сделала по наитию… Копьё ушло в “карман” и прямо сейчас выжигает крошечное пространство зазеркалья, и как только выжжет, вся оставшаяся сила вырвется наружу, и это будет неконтролируемый всепожирающий пожар.

Крутанувшись, Кристен прикрывается щитом и бросается прочь.

— Леди, прочь! Все, прочь!

А сам?!

Нужно запереть зеркало в другое зеркало… Только в гостиной подходящих отражающих поверхностей нет.

Сквозь гвалт и грохот ломающихся стен прорывается мелодия, перезвон струн похож на смех колокольчика, мелодия поднимается, она словно закручивается вокруг нас, витками поднимается по ногам, опоясывает и оплетает наши с Дианом руки. Мелодия ускоряется, пока её ритм полностью совпадает с дрожанием рукояти зеркала.

Музыка словно бы даёт толчок, и зеркало, не выдержав поглощённой мощи взрывается мириадами осколков.

Но ни один из них не ранит.

Не только осколки, но и сам свет следуют за музыкой, следует в её ритме. И устремляется туда, куда ведёт его менестрель. Я оборачиваюсь. Менестрель в знак приветствия касается двумя пальцами капюшона, приоткрывает неживое лицо и тотчас надвигает капюшон глубже.

Менестрель отворачивается. Неужели он использует пойманный свет для удара по храму?

Не знаю, не моё дело.

Мы с Дианом всё ещё соприкасаемся руками, и я перевожу взгляд на наши ладони. Диан разжимает пальцы, отстраняется, но я успеваю рассмотреть чернеющие под кожей линии, повторяющие рисунок вен.

Я хочу обернуться, но Диан придерживает меня за плечи, а в конце коридора появляется скелет-рыцарь с обломком секиры.

— Не нужно, леди. Идите вперёд, не оглядываясь.

Да что такое?!

Голос хриплый, звучит незнакомо, но я его узнаю. Это точно Диан, теперь я уверена.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что наши пути расходятся, леди.

Какие пути расходятся, если я вообще не представляю, каким будет моё будущее? Он думает, я могу вернуться в резиденцию герцога как ни в чём не бывало, так что ли? Но я не могу. И не вернусь. Хватит с меня. Я хочу спокойной жизни в тихом городке, хочу безопасности. Хах, где всё это взять? Примкну к культу Даро — проблем не оберусь. Барахтаться в одиночку не многим лучше. Даже хуже, потому что помощи не получить. Тёмная госпожа, по крайней мере, пусть она, возможно, и использовала меня, чтобы проникнуть в земли Гельдернов, но она меня защитила. Чудовища меня обходили, рыцарь и вовсе представился телохранителем, Диан поучаствовал.

— Постойте…

— Прощайте, леди.

Я всё же оборачиваюсь.

Я ошиблась — его лицо не превратилось в чёрную кляксу, нет, на его лице просвечивают вены, точно такие же, как на руках. Зрелище… жутковатое, но не отталкивающее. Скорее, хочется спросить — это не больно? Но Диан не даёт мне и шанса — даже не сбегает, а буквально слетает с лестницы и без колебаний влетает в самую гущу

тварей.

— Диан!

Он не оборачивается. Я теряю его из виду, но успеваю заметить, как бордовый камзол мелькает в пробитом землеройками проёме.

Я смотрю вслед и понимаю, что Диан ушёл. Не понимаю, почему.

В ладони до сих пор зажата бусина его крови…

— Леди, — окликает меня рыцарь.

— Да?

Сейчас не время выяснять отношения… Да и какие отношения?! Диан помог мне несколько раз, больше ничего. Он мне совершенно ничего не должен, тем более объясняться.

Возвращаются серые тени…

Раздаётся смешок, чуждый месту и обстановке, девчачий. Со мной рядом останавливается вполне живая жрица и зачем-то направляет ладонь на Лоуренса. Точнее, на его тело, распростёртое у ножек кресла. Зачем, не знаю. И не желаю знать. К Лоуренсу у меня смешанные чувства. Я испытываю облегчение, что его больше нет, что он больше никогда меня не тронет, не полезет ко мне под подол. И в то же время в памяти занозой засел его последний взгляд, полный беззащитного удивления. Мне не жаль Лоуренса,

но жаль, как именно он ушёл, от руки своего же брата, пусть и двоюродного.

— Юджин? — окликает Лоуренс.

Что?!

Он не мог ожить!

— Ты меня напугала! — выдыхаю я.

Жрица бессовестно смеётся:

— Юджин, хочешь себе ручное привидение? Отпускать Гельдерна в Чертоги Белогорья слишком расточительно. Его посмертие будет принадлежать Тьме.

От её руки к его шее тянется нить. Полупрозрачный Лоуренс смотрит на своё тело. По-моему, он с трудом принимает мысль о собственной смерти. Но услышав про посмертие, вскидывается с неподдельным ужасом:

— Нет! Именем Света…

Рывок нити, и Лоуренс захлёбывается словами, а нить… закрывает его рот, рисует на лице от уха до уха чёрную улыбку.

— Юджин, ты не ответила. Тебе нужно ручное привидение?

Глава 21

Зачем мне ручное привидение, тем более Лоуренс?! Особенно Лоуренс. Ни малейших добрых чувств он у меня не вызывает. И потом, зачем мне вообще рядом с собой привидение? Жрица меня изрядно ошарашила и, довольная собой, хохочет.

— Леди? — окликает рыцарь. — Желаете уничтожить его полностью?

— Нет, совсем нет. Мне он не нужен.

Лоуренс тщетно пытается избавиться от нити, и у меня складывается впечатление, что у него начинает получаться.

— Ты мне не уступишь, сестра? — рядом с нами появляется ещё одна жрица, на сей раз призрачная.

Нежно обняв Лоуренса со спины, она перехватывает нить и вопросительно смотрит, ожидая нашей реакции.

— Развлекайся, сестра, — живая жрица отпускает нить, и жрица-привидение проворно наматывает её на руку. Как поводок.

— Юджин?

Мимоходом она накидывает нить на Лоурен-

са дополнительной петлёй. Видимо, заметила, трепыхание. Лоуренс же почему-то, насколько позволяет нить, бросается ко мне, протягивает руки и, наконец, делает то, чего я меньше всего от него ожидаю — падает передо мной на колени. Мог бы говорить — умолял бы, наверное. Но и так… очень выразительно.

Гадкое ощущение.

Мы как будто за щенка торгуемся. “Заведи себе ручное приведение”, ага.

— Он мне не нужен, — твёрдо повторяю я.

Жрица сматывает нить, подходит ближе. Лоуренс снова пытается освободиться от пут, но при этом продолжает умоляюще смотреть на меня. Если я дрогну, ничего хорошего не получится. Щеночка можно научить не гадить, а вот Лоуренса… сомневаюсь.

На ладони жрицы вспыхивает вязью рун печать. Вероятно, печать подчинения. Последний шаг, и жрица опускает ладонь ему на шею.

— Пойдём, посмотрим, как сёстры сносят храм твоего бога, котик.

И Лоуренс вдруг обращается в серую дымку, которая жгутом закручивается на запястье жрицы и становится ничем не примечательным графитово-серым браслетом с брелком-котиком.

От Лоуренса у котика только глаза — голубые, подвижные.

Жрица исчезает, оставив после себя налёт инея на полу.

Что же…

Тряхнув головой, я киваю рыцарю:

— Нам всё ещё стоит пройти в безопасное место?

Оставаться рядом с распростёртым телом я не хочу, хотя и подозреваю, что долго лежать без дела ему не позволят — поднимут как нежить. Да уж, своеобразные у меня друзья.

Пойти что ли… в библиотеку? Кольца у меня нет, но с рыцарем в качестве сопровождающего, беспокоиться о ключе мне не придётся, он либо дверь пробьёт, либо стену снесёт. И я доберусь до содержимого заветных сундуков. А ещё было бы неплохо разжиться деньгами… Думаю, землеройки не только храм разрушат, но и жилую часть сравняют с землёй. Так почему бы не спасти хотя бы часть имущества? Гельдерны слишком много мне задолжали.

А ещё неплохо бы целенаправленно поискать любые сведения, которые могли бы объяснить их интерес ко мне.

Рыцарь ни о чём не спрашивает, следует за

мной, отставая на шаг с тем расчётом, что сможет защитить меня от угрозы с любой стороны. Я сворачиваю в нужный коридор, до библиотеки остаётся не так много, но непонятный звук с другой стороны заставляет меня остановиться. В углу за портьерой кто-то всхлипывает. Звук слишком человеческий, чтобы игнорировать.

Приблизиться не позволяет рыцарь. Он замахивает секирой на обломанной рукояти на всю длину, насколько позволяет рука. И будто бритвой срезает портьеру. Тяжёлая ткань падает.

В свернувшейся клубочком ревущей девице я узнаю свою горничную.

При виде меня девица икает и тотчас зажимает себе рот обеими руками. Хм, ей, наверное, мой телохранитель не понравился? Я склоняю голову к плечу. Девочка не сделала мне ничего плохого. В каком-то смысле она в резиденции такая же пленница — выйти за ворота без разрешения она не может, подчиняется хозяевам.

— Рия, я до сих пор жду чай с мятой.

— Л-леди?

— Чай, Рия, чай.

У меня нет цели мучить горничную. Привычная работа, с одной стороны, поможет ей успокоиться, а, с другой стороны, станет для неё

своеобразной защитой. Прямо из стены выходит тень. Рия шарахается.

— Я провожу, прослежу, — шелестит тень.

Пока Рия занята моим чаем, ей не причинят вреда. Надеюсь…

— Да, леди! Обязательно, леди! Сейчас, леди! — она поднимается с пола, кланяется низко и нервозно.

Я отпускаю её лёгким взмахом руки, и Рия бросается в сторону хозяйственной части.

Так, библиотека…

Библиотека встречает меня лежащей на полу створкой двери и лёгким шумом. Рыцарь меня не останавливает, и я осторожно заглядываю внутрь. Мда… Не только я решила без добычи не уходить. Скелеты под руководством призрака… экономки — уж больно вид у тётушки в чепце характерный, трудно заподозрить её в иной профессии — складывают книги в на устроенный здесь же алтарь, а старший скелет поочерёдно пронзает их явно ритуальным клинком. От удара книгу охватывает чёрный пожар тлена, и облысевшая белка-нежить стряхивает прах с алтаря хвостом как метёлкой.

Я не очень понимаю, зачем… убивать книги. Пояснение даёт мой рыцарь:

— В Чертогах Смерти самая лучшая библиотека, леди Юджин.

Охотно верю.

А ещё я понимаю, что зря пришла, потому что в библиотеке после нашествия нежити ловить нечего. Гобелен, прикрывающий тайную дверку аккуратно свёрнут и лежит среди других вещей на расстеленной шторе. Не знаю, по какому принципу сортируют, что “убивать”, а что тащить “живьём”, но это и не важно. Важно, что стеллажи из тайной комнаты тоже опустошают, и содержимое сундуков проплывёт мимо меня. Обидно.

А деньги они тоже выгребают или с золотом мне повезёт?

— Ваш чай, леди Юджин! — окликает меня Рия.

Мда, как-то я не подумавши дала ей поручение. В том углу все привидения и тени её прекрасно чуяли, но не обижали, наоборот, старательно делали вид, что она хорошо спряталась, и её никто не видит, не слышит. А я, получается, вытащила её из укрытия. И бросить…Совесть против, однако доверия к Рие у меня нет хотя бы по той простой причине, что с Гельдернами её может связывать магическая клятва верности.

Она бледна, руки мелко-мелко подрагивают, в

поднос аж вцепилась, но держит ровно. На подносе фарфоровый чайник, опоясанный модным цветочным орнаментом, чашка с блюдцем из того же сервиза, хрустальная ваза с шоколадными шариками, мёд, варенье и веточка мяты в качестве украшения.

Расстаралась…

Скелеты по знаку призрачной экономки подтаскивают для меня кресло и круглый столик:

— Присаживайтесь, леди, — радушно приглашает она, подлетев ближе.

— Простите, я не ожидала, что помешаю.

— Что вы, что вы! Как вы могли помешать, леди? Пожалуйста, располагайтесь! Леди, могу предложить вам собрание легенд или поэтический сборник? Какие будут пожелания? А ты что стоишь? — набрасывается она на Рию. — Накрывай госпоже!

Рия вздрагивает, поднос накреняется, но в последний момент ей удаётся справиться, и сервирует Рия безупречно.

Отказываться поздно. Я с лёгким сожалением думаю о том, что пока я буду чаёвничать, шустрые скелеты выгребут всё ценное, а я денег хочу…

— С моей стороны было бестактно, — начинаю я.

Действительно, бестактно. Возможно, при жизни экономка обожала чай, а теперь вынуждена смотреть, как его пью я и не иметь возможности даже пригубить. Всё, что она может — пролететь сквозь чайник. Это довольно жалко, нет?

— Ах, бросьте, леди! Скорее это мне следует принести извинения, ведь я нарушила ваши планы отдохнуть в тишине. Я не представлиась, леди Юджнн. Сожалею. Позвольте… К вашим услугам Тала Ферс, вторая помощница старшей заведующей кладовых Малого Дома Чертогов Смерти.

Оу…

Многословно, на первый взгляд мелко, но на самом деле внушительно. Очень. И буду считать, что я угадала насчёт экономки.

— Для меня честь знакомство с вами, госпожа Ферс.

Она встречает мои слова лёгким, но уважительным поклоном, и испаряется, чтобы тотчас появиться над черепами тихо переругивающихся скелетов — без её присмотра они ухитрились надорвать один из гобеленов, и госпожа Фрес обрывает перепалку весьма злобной угрозой развеять всех неумех без разбора.

Я в очередной раз задаюсь вопросом, как скелеты могут видеть и говорить, не имея глаз и

голосовых связок. Магия…

Без книжки меня не оставляют, скелет кладёт на край столика сборник легенд. Сборник знакомый, в прошлом я уже читала. Но почему бы не полистать? Госпожа Ферс предложила мне его случайно, как лёгкое “чайное” чтиво, или с намёком? Полистать определённо стоит и под привкус мяты я освежаю в памяти старые сказки. Шоколад тает на языке, и постепенно я увлекаюсь, но как только чай заканчивается, я быстро пробегаю оставшиеся легенды, откладываю сборник и поднимаюсь.

Из секретной комнаты как раз вытаскивают сундуки. Их громоздят друг на друга у дальней стены, и я окончательно прощаюсь с идеей потешить любопытство.

— Леди? — негромко окликает меня мой рыцарь. — Должен предупредить, что на первом этаже снова бой.

— Снова?

— Гельдерны при поддержке жрецов пытаются вернуть контроль над территорией. Докучливые…

Полагаю, у Гельдернов нет шансов. Какими бы сильными бойцами они ни были, жрицы привели свору тварей.

— Вниз не пойду, — соглашаюсь я.

К ведению хозяйства меня не подпускали, я слабо представляю, где сейф, из которого выдавали жалованье тем же горничным. И выдавали ли? На что им в резиденции тратиться? Скорее всего, жалованье записывали в книгу учёта. Спросить у Рии? Горничная дёрнулась последовать за мной, но на её пути появляется госпожа Ферс:

— А убирать за тобой кто будет, милочка?

— П-простите!

Странная претензия на фоне учинённого под руководством госпожи Фрес погрома.

Дождавшись, когда Рия выскочит из библиотеки с подносом в руках, я негромко спрашиваю:

— Что будем с девочкой?

Госпожа Фрес материализуется рядом со мной:

— Кто знает, леди, что ей уготовано судьбой? Или вы о том, не отдам ли я её землеройкам в качестве лакомства? Нет, не отдам. Слишком тощая, на один зуб. Леди, мы здесь не для того, чтобы убивать слуг. Я смутно помню, каково это, быть живой и, как бы странно моё признание ни звучало, я ценю жизнь, возможно, гораздо больше, чем сами живые люди. Переступив черту и вкусив горечь пыли Чертогов Вечности, я слишком хорошо осознаю, что теряют, умирая. Я готова

забирать жизни врагов, но не случайных людей.

— Спасибо…

— За что? — улыбается она.

Я пожимаю плечами:

— За человечность?

Она заливается ярким чистым смехом и будто светится изнутри.

Я тоже усмехаюсь. Человечное привидение — это… Мда.

Госпожа Фрес успокаивается, и выражение её лица становится серьёзным:

— Леди Юджин, не обманывайтесь, пожалуйста. Культ Даро жестокий культ.

— А какой не жестокий? — фыркаю я.

Думаю, светлые и тёмные отличаются лишь цветом. Исцеление и гибель в равной степени могут дарить и Свет, и Тьма. Каким был культ Даро на пике своего могущества? Вот-вот. Разве они милые не потому что… слабые? Набрав силу, культ Даро ещё покажет себя самым неприятным образом.

Но будущее, причём отдалённое. А моё настоящее… Я убедилась, что Рия в относительной безопасности, а значит пришло время добывать деньги. Хватит быть нищей.

Глава 22

От библиотеки к хозяйственной части можно пройти напрямую, а можно немного отклониться и заглянуть в кабинет хранителя дома. Но уже в коридоре я понимаю, что попусту трачу время. Двери, как и в библиотеке сорваны, а внутри шурует нежить.

— Леди, я могу вам чем-то помочь? — предлагает рыцарь.

Его слова тонут в отдалённом грохоте.

Землеройки снесли храм?

— Спасибо. Я просто осматриваюсь…

— Леди, позвольте составить вам компанию? — нас нагоняет одна из теней.

Её отправила госпожа Ферс?

Я не отказываюсь, и тень, поравнявшись со мной, устремляется дальше к кабинету.

— Эм…

— Взгляните, леди, — приглашает она, и я вхожу в кабинет бывшего мужа.

Всё перевёрнуто, поломано, разграблено. Не похоже, что ломали нарочно, лишь бы сломать, просто нежить крайне неаккуратно добиралась

до “начинки” ящиков и шкафов. Какие-то вазы аккуратно забрали и выставили цепочкой на боковую стенку поваленного стеллажа , какие-то отшвырнули, как мусор, и те разбились. Сейф выворочен из стены.

“Уборкой” в кабинете бывшего мужа заправляет плюгавенький мужичок, тоже одетый в форму высокорангового слуги. В отличии от госпожи Ферс, он вполне себе в теле, но видны… только торчащие во все стороны рыжевато-коричневатые пряди с заметной проседью. Из-под длинных рукавов выглядывают пальцы, затянутые в белоснежные перчатки. Не шею намотан шарф в несколько витков, а лицо закрывает костяная маска на кожаных ремешках.

Скользнув вперёд, тень шуршит мужчине на ухо. Что именно, не разобрать. Он проворно странно дёрганной походкой подскакивает ко мне:

— Леди Юджин, позвольте представиться! Камерт Ферс к вашим услугам, супруг опередившей меня драгоценной Талы Ферс.

— Приятно познакомиться, господин Ферс.

— Леди Юджин, вы слишком скромны, а между тем вы имеете полное право на долю.

Да?

Как-то неловко говорить об этом…

К счастью, мужчине мой ответ и не требуется. Он отходит к выдранному из тайника и варварски взломанному сейфу, достаёт несколько бумаг и возвращается с ними. Я получаю аж три банковских векселя на предъявителя. Получить деньги я смогу, не предъявляя никаких документов, кроме, собственно, векселя. Это потрясающе! Суммы… Я представляю, что такое деньги, но в ценах совершенно не разбираюсь. Кажется, я ни разу в обеих жизнях ничего не покупала. Маленькой сумма быть не должна. Но на сколько тех денег хватит?

В дополнение господин Ферс протягивает мне бархатный мешочек. Я развязываю шнурок — внутри монеты, причём самые разные, есть как мелочь, так и полновесное серебро. За маской не видно, улыбается мужчина или нет.

Осталось сменить гардероб, я полагаю?

На мне до сих пор это платье, прекрасное и ужасное одновременно.

— Леди, не торопитесь, — останавливает меня рыцарь. — Гельдерны пытаются добраться до сокровищницы. Это может быть… громко.

Ага…

— Леди Юджин, — господин Ферс легко склоня-

ет голову, — с вашего позволения основную долю я представлю вам позднее, после подсчётов.

Кажется, я получу больше, чем я рассчитывала.

На самом деле я не знаю, пригодятся ли мне векселя и деньги — будущее слишком туманно.

Я подхожу к окну и замираю в ожидании.

Идти-то некуда. Я, если честно, даже не представляю, где именно нахожусь. Родовые земли рода Гельдерн, да. А где они относительно столицы и других крупных городов? Они вообще в стране или за её пределами? Хах, а ведь я собиралась бежать… Я была глупой, напуганной гусеничкой. Мне казалось, что достаточно вырваться из паутины за ворота, и дорога приведёт меня в счастливое будущее. Сейчас мне хочется спросить у себя прежней: “Куда бы ты поползла, а? Ты понимаешь, что тебя бы либо Гельдерны догнали, либо волки съели?” Вот так и порадуешься, что побег через стену был невозможен. Западня, пленницей которой я стала на долгие десять лет на самом деле уберегла меня от смертельной ошибки. Мучительно больно, но этот дом не только моя каменная могила, но и кокон, подаривший мне перерождение.

Десять лет… чтобы расправить крылья.

Из кокона бабочки выбираются с мокрыми крылышками и не способны взлететь сразу. Я также. Но скоро мои крылья высохнут, и я взлечу.

— Леди Юджин, позвольте предложить вам сменить наряд.

Я слишком выразительно теребила подол?

— Буду признательна.

Рыцарь не возражает.

— Сокровищница…? — на всякий случай уточняю я.

— Пока Гельдерны пробивались ко входу, землеройки отделили стены сокровищницы от здания, и мы позволили Гельдернам пройти в коридор и увидеть яму, которая осталась от их сокровищ.

— Оу…

— К сожалению, им удалось уйти, леди. Они бежали, как только Сердце дома было убито.

— Ясно.

О Сердце я тоже почти ничего не знаю. Впрочем, Гельдерны из боковых ветвей едва ли знают больше. На Сердце, чем бы оно ни было — древний артефакт? — завязаны все чары, оплетающие родовые земли.

— Это весьма забавно, — усмехается тень. — Светлые Гельдерны и тёмный ритуал.

— Что?

— Не удивлюсь, если даже сами Гельдерны считают сердце артефактом. Правду знают, вероятно, немногие посвящённые. Сердце, бившееся в святилище под сокровищницей было живым, когда-то его вырвали из груди основателя рода и поддерживали очень мощной целительной магией. Душа билась рядом в заточении и, наконец, обрела свободу.

— Вы сделали благое дело.

— Кто знает? — вздыхает тень и исчезает, но я не сомневаюсь, что она будет держаться поблизости.

Я поворачиваю за угол. Погружённая в мысли, я медленно поднимаю голову и понимаю, что тень ускользнула не без причины. Она словно нарочно задержала меня разговором, а потом подтолкнула, чтобы я столкнулась с Дианом. Бордовый камзол, лицо, черты которого загадочными образом не остаются в памяти и рисунок чёрных вен под кожей, словно по ним бежит не кровь, а чернила. Или Тьма.

Увидев меня, Диан отшатывается.

— Простите, леди, — он опускает голову и пытается быстро обойти меня по дуге.

Я делаю шаг в сторону и преграждаю ему путь

раньше, чем осознаю, что нарушаю этикет. Неужели я навязываюсь? Мне упорно кажется, что между нами возникло странное недопонимание. Если раньше у меня были сомнения, то теперь я уверена, что Диан тёмный. Возможно, говоря о разных дорогах, он имел в виду именно это — что я не из культа? Тёмных преследуют, и я допускаю, что Диан хотел таким образом меня защитить. Как неразумную дурёху, не способную принять взрослое решение самостоятельно. И ведь не могу сказать, что он совсем неправ. С моим-то куцым жизненным опытом. Однако он, если мои догадки о его мотивах верны, допускает ошибку. Он принимает решение за меня, не зная всех обстоятельств. Даже сейчас, когда родовые земли Гельдернов полностью уничтожены, угроза остаётся. Откуда мне знать, что вместо них по мою душу не придёт другой светлый род?

— Диан, я не в праве требовать объяснений…

Но я ведь ему нравлюсь!

Правда же?

Иначе почему он смотрит на меня с невыносимой тоской? Он перестаёт прятать лицо, поднимает голову и позволяе мне увидеть рисунок вен.

— Леди…

— Это больно? — забывшись, я протягиваю руку.

Диан вздрагивает, но позволяет мне прикоснуться и проследить подушечкой указательного пальца одну из самый толстых венок, убегающую от носа по скуле к виску. На ощупь ничего особенного, кожа как кожа, нежная, шелковисто-бархатистая.

Кажется, я готова увлечься, но Диан ловит мои руку, целует и опускает, и лишь затем отпускает.

— Не больно, — улыбается он. — Выглядит жутко.

— Не жуткой, — возражаю я. — Непривычно.

Рука снова тянется прикоснуться, но Диан мягко перехватывает меня за запястье, и я уступаю.

Почему, ну почему он снова смотрит на меня так, будто прощается?! Вены меня больше не интересуют, я смотрю ему в глаза и тороплюсь подобрать правильные слова. Он ведь просто не знает всего… Сейчас я расскажу, и Диан поймёт, что не нужно от меня шарахаться.

— Леди, — он опережает, — я сожалею, что ввёл вас в заблуждение и дал ложную надежду.

— Диан!

Только не уходи, и я объясню!

Грустная улыбка на миг появляется на его губах

и тотчас гаснет:

— Леди, я связан обещанием.

— Что? Вы…

Я не обращала на него внимания в прошлой жизни, но вот тему свадеб и помолвок, пока ещё была компаньонкой дочери герцога, я отслеживала. Половина разговоров была о будущих союзах, невольно приходилось вникать. И про лорда Ратти разговоров не было.

Да, многое пошло иначе. Его слова означают, что он связал себя обязательствами буквально на днях, чуть ли не сегодня?

Я не понимаю…

— Я сожалею, Юджин, — повторяет он. — Я дал обещание. Я больше не свободен в своей судьбе. Я не составлю ваше счастье. Простите. И прощайте, — он отпускает мою руку и, пока я пытаюсь осознать его объяснение, уходит. Снова.

— Диан, — зову я в пустоту коридора.

На глаза наворачиваются слёзы, щёки становятся мокрыми. Я чувствую себя… брошенной. Он променял меня на кого-то, пусть и не из чувств, а по расчёту, но мне от этого ни капли не легче.

Я опять влюбилась не в того?

На этот раз хотя бы в честного…

Я в полнейшем разладе. Диан мне ничего не

должен, он не давал мне обещаний и надежд, только помогал. Диан мне нравится, гораздо больше, чем просто нравится, я уже представляла себя рядом с ним. Диан не обязан объяснять… Мысли сталкиваются и разлетаются брызгами осколков, в голове сплошные противоречия. Гордость требует вытереть слёзы, расправить плечи и идти своей дорогой, а мечта спрашивает, нельзя ли отменить внезапное обещание и всё исправить. Диан взрослый мужчина, и я должна уважать его решение, каким бы оно ни было, должна отступить, раз это его выбор. Но не хочу. И бежать следом как глупая собачонка вдвойне не хочу, потому что я не собачонка, я крылатая бабочка…

Что мне делать?!

Всё, что у меня получается — стоять в коридоре столбом и тихо плакать, но это ведь не дело.

Я зло дёргаю себя за подол и невольно вспоминаю, как расширились его зрачки при виде меня. Если Кристен и Лоуренс смотрели с похотью, то Диан с искренним восхищением. Быть в кружевах перед ним было приятно.

О чём я? Платье мне его не вернёт.

Вытерев слёзы, я оглядываюсь. Тень появляется в пяти шагах от меня:

— Леди, как вы? Мне жаль.

— Разве вы не нарочно рассчитали, чтобы нас столкнуть?

— Вы заметили? — тень не смущается. — Не расстраивайтесь, леди. Когда-то вы мечтали о Лоуренсе Гельдерне, а сегодня отказались от браслета. Кто знает, какой именно будет следующая встреча с лордом Ратти?

Лоуренс просто Лоруренс, а вот Диана она уважительно называет лордом.

— А встреча будет?

— Уверена, что будет, леди. Лорд Ратти сильный маг, он на особом счету. Или вы собираетесь попрощаться с нами, леди Юджин? Против вашей воли мы вас не потревожим.

— Я ценю возникшую… дружбу, — без культа Даро мне не выжить.

— Понимаю, — шепчет тень.

Действительно понимает.

Я достаточно восстановила душевное равновесие, чтобы идти дальше. Сперва переодеться. Возможно, соберу какие-то сменные вещи, мне пригодятся. Зеркало хочу. Моё-то разбилось, и я отбросила бесполезную рукоять, тайник устроить не в чем, а ведь бусина крови всё ещё скрыта у меня.

— Леди Юджин, — вмешивается рыцарь, — простите, но нам стоит поторопиться. Землеройки уже копают. Скоро всё, что уцелело на землях Гельдерн, будет погребено.

Глава 23

Радикально. Но мне нравится, что моя тюрьма будет разрушена.

Я прибавляю шагу, и тень приводит меня в спальню. Гостевую или чью-то я не знаю, но меня не особенно смутит платье с чужого плеча, лишь бы вид получился приличный. В спальне меня встречает горничная из неживых. Впрочем, я настолько привыкла к их обществу, что тёмная сухая кожа, напоминающая кожуру уже воспринимается всего лишь особенностью, как цвет глаз или волос. Коснуться я ещё морально не готова, прчём почему-то именно к коже. Кости скелетов у меня внутреннего протеста не вызывают.

Горничная в перчатках, раскладывает для меня сменное бельё, дорожное платье, на выбор три варианта, и я указываю на немаркое тёмно-зелёное с отложным воротником и широким поясом. Для меня находится и сумка, и зеркало на ручке.

— Оно в порядке? — уточняю я. Гельдерны могли налепить чары какие угодно и куда угодно.

— Жрица проверяла, леди Юджин, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы бы никогда не предложили

вам плохого.

Рыцарь дожидается меня в коридоре.

— Куда теперь? — уточняю я. — И слуги… Вы говорили, что их отпустят, но они ведь обречены погибнуть в окрестностях?

— Ближайший город в дне пешего пути, леди. Им позволят взять еду и немного денег. Первый Гельдерн, чьё сердце заставляли биться для этого дома до сегодняшнего дня вызвался тайно проводить слуг, ни хищники, ни твари их не тронут.

— Ясно.

— Вам пора, леди. Защита давно пала, а неразумные твари успокоились, вас не тронут. Открыть тропу безопасно.

— Леди, вам точно не нужно ручное привидение? — уточняет тень.

— Лоуренс мне не нужен.

— А я? — хмыкает тень. — Я буду полезна, леди. Я хорошо знаю столицу, могу порекомендовать вам по-настоящему достойную гостиницу, помочь не попасть в руки мошенников и в целом помогу устроиться.

Ценное предложение.

— Я буду признательна.

— Бросьте, леди, мне в радость. Но для начала позвольте заметить, что у вас нет документов, я

имею в виду удостоверяющих ваш статус. Заселиться в приличное заведение будет невозможно, не говоря уже о чём-то большем.

— Я не знаю, где документы. Либо у герцогини, либо где-то здесь, в доме.

— Хм…

Тень стремительно бросается сквозь стену. Я провожаю её взглядом и про себя вздыхаю. Да уж, великая самостоятельная бабочка, даже такую очевидную вещь, как документы, упустила. А ведь стражи в столице могут попросить их предъявить. Что бы я делала? Вот-вот. Неприятно признавать, но на первых порах мне нужен кто-то, кто будет водить меня буквально за ручку.

Но я обязательно научусь. Учиться я умею.

Не проходит и пары минут, как тень возвращается. Вид у неё виноватый:

— Простите, леди, мы их съели.

— Надеюсь, было вкусно? — что ещё сказать? Не повезло. Но лучше так, чем если бы документы лежали у герцогини.

— Документы придётся восстанавливать, — с сожалением вздыхает тень. — Если обращаться в администрацию города, то придётся доказывать, что вы действительно Юджин Махаон, леди. Лучше восстановить документ через родителей

или главу рода.

Родители?

Сложно…

Я понимаю, что они не смогли бы защитить меня от Гельдернов. Умом. А в глубине души я чувствую себя брошенной, будто, передав меня герцогине, от меня избавились, как от неприятной обязанности.

Почему они доверили ей решать мой брак, а не оставили последнее слово за собой? Потому что это условие герцогини или им было всё равно?

— Я не наврежу им своим появлением?

— Гельдернам сейчас не до вас, леди.

Я прикусываю губу.

Желанная встреча, которой я боюсь…

— Значит, к родителям.

Тень, колыхнувшись, приподнимается над полом ещё выше, стремительно усыхает, чернеет и падает мне на платье аккуратной брошкой-бантиком. Выглядит настолько непримечательно, что, ни знай я правды, ни за что бы не заподозрила, что безобидным украшением притворяется привидение.

Из любопытства я провожу по бантику пальцем — на ощупь напоминает керамику.

Рыцарь сопровождать меня домой не будет, и я

в знак благодарности за то, что он оберегал меня и был готов защитить даже ценой своего существования, приседаю перед ним в глубоком реверансе. Рыцарь ударяет себя латной перчаткой в кирасу, по коридору прокатывается низкий гул. Я выпрямляюсь, и рыцарь отвечает поклоном.

Церемонное прощание окончено.

Я вывожу перед собой цепочку рун открытия тёмной тропы и алфавитными рунами указываю адрес — город, квартал, с точностью до улицы. Как указать номер дома, не знаю, да и сомневаюсь, что выходить прямиком в гостиную хорошая идея. Пальцы подрагивают. Не ожидала, что буду так робеть. В последний момент я дополняю цепочку — тропа откроется в Козлином тупичке. Чудо, что я вспомнила название закутка, где брат тайком от родителей, показывал мне стрельбу по мишеням из рогатки. В тупичке у меня есть шанс появиться незамеченной.

Пространство передо мной расходится, и я шагаю на тропу, не оставляя себе шанса передумать. Я передёргиваю плечами. По сравнению с прошлыми разами стало ощутимо холоднее, и серый туман, в котором скрываются тени и теряется тропа, прежде лениво висевший почти без движения, почти что бурлит, и тени заметны,

их много.

— Иди, — торопит меня моя провожатая.

Бурлит около резиденции, дальше должно быть тише.

Иду. Иду сквозь вздохи и всхлипы, смотрю за вьющейся под ногами тропкой, и вскоре выхожу к просвету. Пространство расходится, и мне одного взгляда хватает понять — всё верно, я вернулась в родную провинцию.

Оглядевшись, я убеждаюсь, что в тупике никого, и вся его прелесть в том, что выходящие сюда стены домов слепые, в окно меня ни один случайный зритель не увидит. Крепче перехватив сумку, я выбираюсь из щели. Прохожих немного, но меня замечают. Угрюмая женщина в многослойной тёмной одежде со старой широкополой шляпой на голове останавливается и громко восклицает:

— Вот бесстыжая девка! На улице, посреди бела дня!

О чём она?

Спрашивать не хочется, и я пытаюсь обойти женщину.

— Я с тобой разговариваю! — вскипает она и тянет руку, явно намереваясь цапнуть меня за рукав.

Я уворачиваюсь и прохожу мимо. Женщина то ли невоспитанная грымза, то вовсе сумасшедшая. Если на улице таких много, то, возможно, не так уж и плохо, что юные леди без сопровождения не выходят и чаще всего смотрят на город либо из окна экипажа, либо из окна дорогой ресторации, где публика собирается исключительно приличная?

Родная улица, знакомые места…

Уже вечереет, и отец, наверное, уже дома. Мама тоже. Брат?

— Леди-очарование, я сражён! — выскакивает передо мной рыжий кривляка, пахнущий табаком и вином.

Бутылка торчи у него из промокшего кармана. Мда.

Нет, улица мне не нравится.

— Господин, вы обознались

— Ни в коем случае, леди! — он шагает ближе.

И если грымзу я обошла легко, этот меня едва ли пропустит.

— Господин, вы обознались, — повторяю я.

— Да ладно, — улыбка с его лица сползает, — одинокая красотка на вечерней улице ищет приключений. Хватит ломаться.

Я слегка теряюсь. В прошлом бывало, что неко-

торые лорды перебирали с вином, но их ко мне, как и к другим юным леди не подпускали, а аккуратно уводили в комнаты отдыха. Как справиться сейчас? Использовать руны направо и налево плохо для меня самой, но сейчас, похоже, придётся.

Перед лицом появляется дым, и парень вдруг шарахается с воплем ужаса, заваливается и, не переставая орать, пытается уползти спиной вперёд на четвереньках, путается в конечностях и орёт-орёт-орёт. Дым втягивается обратно в бантик.

Пройдя мимо, я тихо спрашиваю:

— Спасибо, но стоило ли?

— Пфф!

Ха…

К счастью, до дома недалеко, и больше никто меня не останавливает. Я подхожу к крыльцу. Меня снова обуревают сомнения, но я поднимаюсь по ступенькам и несколько раз ударяю антикварным молоточком по металлической пластине. С улицы звук глухой, а вот в доме, я помню, слышно хорошо, и вскоре до меня доносятся шаркающие шаги. Дверь приоткрывается, и на пороге появляется незнакомая женщина в форме горничной. По правилам этикета гостей встречает дворецкий или старший лакей, но никак не уборщица.

У родителей настолько плохо с деньгами? Вроде бы в письмах, которые я получала в прошлом в первое время после свадьбы, они упоминали, что брат учится в академии, то есть им сейчас приходится за него платить, и платить немало.

— Леди? — недоумённо окликает меня горничная.

Мда.

Герцогиня за подобное вышвырнула бы взашей. Гостя следует пригласить в холл, но женщина просто разглядывает меня с лёгким любопытством.

— Ты собираешься держать меня на пороге? — низшим слугам, независимо от разницы в возрасте "тыкают". — Пригласи лорда Махаона, передай, что прибыла леди Юджин.

— Да? — она сомневается недопустимо откровенно, но в дом пропускает.

Может, я стала слишком привередливой после вышколенных слуг сначала в герцогской резиденции, а потом у Гельдернов? Провинция проще.

Я вхожу, оглядываюсь.

Холл почти не изменился, только шторы новые.

Горничная скрывается в глубине дома. Вообще-

то нет никакой причины ждать, я ведь не гостья, я здесь выросла. Это и мой дом. Но закон со мной не согласится — совершеннолетние дети прав на собственность родителей не имеют. По закону отец вполне может выставить меня.

— Юджин? — раздаётся папин голос, я его сразу узнаю. — Как это? Не может быть!

Шаги.

Я поворачиваюсь лицом, замираю. Пульс грохочет в ушах.

Что сейчас будет?!

Папа входит. Его глаза расширяются:

— Юджин?! Это действительно ты? — он делает шаг навстречу и раскидывает руки.

Его эмоции легко читаются — восторг, радость. Он искренне счастлив меня видеть.

Я рвано выдыхаю и бросаюсь к папе в объятия — он признал меня, и он мне рад. А я боялась. Чего, спрашивается? Конечно же, я дома! Папа, совсем как в детстве, подхватывает меня за талию и подбрасывает к потолку, ловит и кружит по холлу.

— Па-а-а, — я смеюсь, а на глазах слёзы.

— Дочка, — тяжело дыша, он ставит меня на пол, и я вдруг понимаю, что он не молод, мне было семь или восемь, когда он кружил меня в

прошлый раз, больше десяти лет прошло, — какая ты стала красивая. Ох, погоди. Юджин, почему ты жениха не пригласила? Зачем же держишь на крыльце?

— Кого? — теряюсь я.

— Ну да, уже не жениха. Супруга. Лорда Гельдерна. Я получил от лорда письмо, твой муж сообщил, что герцогиня одобрила ваш брак и что вы отправляетесь в его родовые земли подальше от столичной суеты. Конверт с письмом от герцогини он тоже вложил. Буквально днём пришло магическим отправлением. Почему вы вдруг здесь? — папа всё больше и больше хмурится, но вдруг расцветает в широкой улыбке. — Юный лорд настолько тебя любит, что не смог отказать и воспользовался благословением Света, чтобы провести тебя сквозь пространство? Юджин, тебе так повезло! Почему ты стоишь? Зови скорее зятя.

Не дождавшись от меня реакции, папа сам устремляется к двери.

Глава 24

В душе вновь сомнения — папа обрадовался мне как дочери или мне, как ниточке, связавшей его с Гельдернами? Я провожаю его взглядом. Ну, сейчас будет ясно. Когда я расскажу часть правды.

Папа распахивает дверь и замирает на пороге.

— Дочка? — недоумённо окликает он меня.

— Никого нет, — спокойно объясняю я.

Моргнув, он ещё раз выглядывает на улицу, и только потом плотно захлопывает дверь, задвигает щеколду. Я невольно распрямляю плечи, поднимаю голову.

— Дочка?

— Не знаю, который именно лорд Гельдерн тебе написал. Полагаю, в обоих письмах ложь? Лорд Лоуренс Гельдерн с одобрения герцогини проявлял ко мне интерес, но всё закончилось оскорблениями в мой адрес с его стороны. Его поведение было настолько отвратительно, что, защищая мою честь, его на дуэль вызвал лорд Диан Ратти. Лорд Гельдерн не только не успокоился, но и попытался забрать меня в родовые

земли силой. Мне повезло, что по счастливому совпадению на земли Гельдернов сегодня напал культ Даро, и мне благодаря магии удалось оказаться здесь.

— Что? Что ты такое говоришь? Юджин? — папа смотрит на меня в полнейшей растерянности.

Я не вижу смысла придумывать небылицы, проще жонглировать фактами и искажать правду. Прятать важное в тени и выставлять под яркий свет незначительные, но интригующие детали. Так писали в умных книгах из тайной комнаты за гобеленом. Получится ли у меня? Самый слабый узел в моей истории — магия, переместившая меня домой, но ничем, кроме магии, моё возвращение не объяснить.

Признаваться, что прошла тёмной тропой нельзя. Сказать, что меня спас светлый воин, не Гельдерн? Союзники, или, скорее, вассалы, в бою участвовали, так что опровергнуть мои слова будет… некому.

— Юджи! — в холл выбегает Юрита, моя младшая сестрёнка. — Я так скучала!

— Ох? Юри! — она так вытянулась!

Я прижимаю сестрёнку к себе, а сама расчётливо наблюдаю за папой, слежу из-под полуопущенных ресниц за сменой выражения его лица.

Растерянность сменяется… ещё большей растерянностью.

— Юджин, что ты говоришь? — в сотый раз повторяет он. — Как могло быть нападение? Тьма давно пала.

Забилась в щели и выжидала.

— Как, по твоему, я здесь оказалась? Думаешь, я шучу?

— Н-нет, но… Юджи, я рад, что ты в порядке.

Я не в порядке. Но стою ровно, истерику не закатываю, цела, не ранена. То, как папа даже не потрудился задуматься, что может скрываться за внешним спокойствием, неприятно царапает. Но, может быть, он человек такой — поверхностный?

— Да, я в порядке, — изливать душу я ему не готова. Да и к чему?

— И что теперь?

Он у меня спрашивает?

Я пожимаю плечами:

— Ничего? К счастью, надеть на меня кольцо Гельдерны не успели. Кстати, пап, а что со мной не так? Ни высокого положения, ни богатого приданого у меня нет, но брака добивался лорд, приближенный к основной ветви и даже пошёл на принуждение.

— Дочка, возможно, ты что-то не так поняла? Род Гельдернов очень уважаемый и влиятельный, а твой жених написал, что любит тебя. И герцогиня подтвердила. Я думаю, нам нужно поговорить с твоим женихом, разобраться.

— То есть родной дочери ты не веришь, а незнакомым людям веришь, ведь у них высокий статус? Ха-а-а…

— Юджи?

Мда, зря я при сестре начала. Уже глаза на мокром месте. Кажется, я её напугала. А, впрочем, она не намного младше меня, разница всего несколько лет, Юрита в шаге от совершеннолетия, и ей стоит заранее понять, что рассчитывать она может прежде всего на себя. И на надёжных союзников. На тех, кто реально поддерживает, а не языком слова месит.

Я успокаивающе глажу сестрёнку по волосам.

— Юджин, я не говорю, что я не верю, я говорю, что ты могла не так понять намерения лорда и его к тебе чувства, потому что никаких других причин жениться на тебе у лорда Гельдерна нет.

— Ты уверен?

Папа кивает.

Получается, он не знает? Я внимательно следила за его реакцией, и уверена, что он был спокоен,

никакое озарение в глазах не мелькнуло. Я ещё спрошу у мамы, но, похоже, сведения надо искать либо у главы нашего рода, либо у Гельдернов. Либо у тёмной госпожи.

— Ясно.

— Юджин, что же мы в холле? Комнату сейчас приготовят, а пока навести маму?

— Ты принял какое-то решение, пап?

— Ну да, будем разбираться. Завтра я улажу дела на службе, и поедем в столицу.

— К Гельдернам? — я стараюсь, чтобы вопрос звучал равнодушно.

— Да. Юджин, а как иначе? Ты сказала, что была с лордом наедине в его доме, о визите, как я понял, известно герцогине. Гельдерны не допустят скандала, и всё уладят.

— Я сказала, что не выйду за Гельдерна.

— Юджин… Мы поговорим завтра.

Вот как?

Чего-то подобного и следовало ожидать. Я расстроена и, чего уж там, чувствую себя преданной, но я не удивлена. Меня “скинули” герцогине, ни разу не навестили в доме герцога. Родители далеко, но брат, который учится в столице, мог прийти. Не приходил.

О чём я? Я прямо сказала, что меня оскорбили,

а отец услышал лишь то, что моя репутация пострадала.

— Да, завтра. Ах, да! Я подумала, что брак сорвётся без документов. Я их сожгла, и надо бы восстановить.

— Юджин…

— Юджин?! — я узнаю мамин голос и, прихватив сестру, иду в дом.

— Мама! — откликаюсь я.

Интересно, чем обернётся эта встреча? Чуда я больше не жду.

Если папу сестру я узнала сразу — папа не изменился, а Юрита вытянулась, похорошела — то мамин вид меня неприятно поражает. Я запомнила её цветущей красавицей, пусть и не юной. Мама младше отца, но выглядит ощутимо старше. Кожа болезненно-бледная, изрезана ранними морщинами, волосы собраны непривычно, но в то же время причёска смутно знакома, и я понимаю, что её делала страдавшая облысением пожилая родственница герцогини. У мамы бесцветные сухие губы, тусклые глаза. Кажется, блеск в них вспыхнул при виде меня, но уже гаснет.

— Дочка-а-а…

Я замечаю, что домашнее платье накинуто по-

верх спальной сорочки, и сверху шаль. Видимо, мама уже отдыхала? А сколько времени? Ведь не так поздно ещё. Нет ничего плохого в том, чтобы лечь, если нездоровится, но моя догадка мне не нравится — традиция собираться за ужином за одним столом явно забыта.

Обняв маму, я провожу по её спине. Она похудела, стала совсем хрупкой. Мама опирается на меня, тем самым выдавая, что ей хуже, чем мне подумалось в начале.

— Мам? — я провожаю её в её комнаты, помогаю сесть.

Юрита суетится рядом, набрасывает маме на ноги плед. Пальцы у мамы ледяные, ноги, думаю, тоже.

— Юджи? Твой папа сказал, что ты украла сердце молодого лорда Гельдерна, и твой брак можно считать по-настоящему счастливым, — мама всерьёз обеспокоена.

— Сердце? Мама, ты знаешь, чем я действительно могла заинтересовать род Гельдернов?

— Юджин?

Нет, не знает. Я только побеспокоила её напрасно. Но не задать вопрос я не могла.

— Папа говорит, что он тебя любит! — влезает Юрита.

— Откуда он знает? — хмыкаю я. Стараюсь говорить доброжелательно, но злость всё равно прорывается, и мама, и Юрита её чувствуют. Мама ещё больше теряется, а вот Юрита хмурится.

Возможно, мне стоило быть мягче. Возможно, Юрита хотела меня подбодрить, как могла, по-детски. Но пусть начинает думать головой. Неужели пары писем достаточно, чтобы судить о чувствах незнакомца.

— Но это же Гельдерны, воины света! Я бы хотела быть на твоём месте.

Я напрасно отказалась от Лоуренса? Могла бы сейчас показать сестрёнке, насколько жалок тот, о ком она мечтает.

— А я рада, что ты не на моём, — меня прошибает холодный пот. Юрита тоже в опасности, как и я? — Юри, проверь, мою комнату уже привели в порядок?

Сестрёнка обиженно поджимает губы. Она достаточно сообразительна, чтобы понять, что я отсылаю её под благовидным предлогом, чтобы остаться с мамой с глазу на глаз. Юрита обещает спуститься на кухню, чтобы распорядиться насчёт ужина для меня.

Как только дверь закрывается, и мы с мамой остаёмся вдвоём, я холодно спрашиваю:

— Мам, что происходит дома? Что происходит с тобой? И почему в комнате я не чувствую запаха лекарств, которыми ты лечишься?

— Юджи, я приболела…

— По-твоему я слепая дура?

С мамой что-то не так.

— Юджи… Я не хочу, чтобы ты забивала голову чепухой. Я мечтаю, чтобы ты и Юри счастливо устроили свою судьбу, тогда моё сердце может быть спокойно.

— А брат? — в лоб спрашиваю я.

Раньше мама никогда не делила нас, детей, на более любимых и менее любимых. Я всегда чувствовала, что она не делает между нами различий, разве что от брата требовали больше в учёбе, так как в нём видели наследника, преемника.

Но теперь почему-то о брате мама не вспоминает.

— Он мужчина, Юджи, он сам позаботится о своей судьбе, а вам, девочкам, придётся полагаться на удачу в браке.

Всё могло быть иначе.

Если бы мне наняли учителя, как брату, я могла бы развить способности и поступить в академию магии. Но платить и за меня, и за брата отец не

может и отдал предпочтение сыну. Я кривлю губы. Обидно. Хотя я понимаю и не могу сказать, что его выбор вырастить меня леди однозначно плох. Вспомнить ту же сестру Кристена. Леди не замужем, и едва ли ей выпадет испытать счастье материнства. Лорды предпочитают жениться на утончённых леди, а не на воительницах. Какой мужчина захочет жену, способную врезать магией так, что отправишься прямиком в Чертоги Смерти?

— И всё же. Когда ты заболела? Что сказал лекарь? Какие лекарства ты принимаешь? Ты ведь понимаешь, что я выясню правду?

— Юджи…

— Ты словно уже собралась в Вечные Чертоги.

Мама горько улыбается:

— Ты права, дочка, Чертоги Белогорья не примут такую бесполезную мать, как я.

Я совсем не то имела в виду!

Бездна!

Я просто… видела, что свет бывает уродливым.

— Мам…

Она отмахивается:

— Я почувствовала недомогание около полугода назад, Юджи. Я быстро оправилась, но недуг возвращался с каждым разом всё быстрее, пока

месяца три назад я не уступила болезни окончательно. Меня смотрели все лекари города, но они ничего толкового не сказали, выписали укрепляющую настойку, но она бесполезна.

— Ты слишком слаба, чтобы отправиться в столицу, но можно выписать целителя.

— Это дорого, Юджи. Слишком дорого.

Не дороже учёбы в академии.

Брат мог взять в академии отпуск на год, но не сделал этого? Мама поэтому его не упомянула? Или есть что-то ещё? Без отца не обошлось? Само собой, без отца не обошлось. Перед внутренним зрением появляется его пышущее здоровьем лицо, и мне становится неприятно.

— Чушь, мама. Твоё здоровье стоит любых денег.

— Юджин… Я не хотела тебе говорить, но сейчас понимаю, что ты настроена решительно, а у меня не хватит сил тебя остановить. Лучше ты узнаешь об этом от меня.

— Мама?

— Я потеряла красоту и привлекательность, Юджин. Полгода назад у твоего папы… появилась женщина.

Глава 25

Ха…

Слов нет, одни ругательства, и привкус предательства на языке всё горче. Я обнимаю маму, в голове крутятся не самые радостные мысли, а с гадкой ситуацией придётся разбираться.

Хотела бы я знать, полгода — это совпадение или…? С одной стороны, потеряв интерес к маме, отец мог увлечься женщиной на стороне. Вполне закономерная последовательность событий. С другой стороны, не исключено, что болезнь вызвана чьим-то злым умыслом. Недуг, который не могут определить лекари? Звучит, мягко говоря, подозрительно.

Впрочем, с какой стороны на ситуацию ни посмотри, в итоге получается именно предательство. Вместо того, чтобы бросить все силы на поиск компетентного лекаря для законной жены, пускай даже придётся влезть в долги, отец развлекается, а мама страдает.

Были ли измены раньше?

Не врёт ли мама? Я ведь сама не видела, а значит, женщина может существовать только в её

воображении.

Родители казались мне гармоничной парой, но сейчас я понимаю, что в их отношениях было больше соблюдения приличий, чем настоящего тепла. Пустые ничего не значащие разговоры, холодные улыбки, они даже по имени друг к другу не обращались, всегда звучало вежливо-отстранённое “дорогой” и “дорогая”. Ребёнком я этого не замечала, потом не думала, а вот сейчас осознание меня наконец догнало.

Что же…

— Мама, как насчёт того, чтобы лечь? Ты ведь встала из-за меня с кровати. Мне тоже отдых не помешает. А завтра будет интересный день.

— Юджин, я бы могла написать для тебя рекомендательное письмо на имя моей кузины.

— Спасибо, но пока не нужно.

Хочется думать, что мама таким образом помогает мне с побегом, но нельзя исключать, что она наоборот толкает меня в пасть чудовищам.

Не имеет значения, потому что я внезапно окончательно определилась с тем, что буду делать. Спасибо папе за идею.

— Юджин? — кажется, выражение моего лица напугало маму.

— Всё в порядке, мама. Спокойной ночи, — я

ещё раз обнимаю, прижимаюсь к маме щекой.

— До завтра, Юджин.

Уже выйдя от мамы, я замечаю, что бантик с платья исчез. Тень ушла не прощаясь или отправилась шпионить? Учитывая, что тень за мной присматривает, но не будет сопровождать вечно, зря я отказалась о ручного приведения.

Сестрёнка ждёт меня в коридоре и нетерпеливо приплясывает. Я ловлю её в объятия, и мы вместе идём ужинать. Стол служанка почему-то накрыла в малой гостиной и не подала ничего существенного, только овощной салат и сыр с орехами и сухофруктами. Юным леди рекомендуется быть аккуратными в пище, но скудность неприятно удивляет. Герцогиня была щедрее.

За ужином мы болтаем о глупостях — вспоминаем детские проделки, и я заверяю Юри, что совершенно не обижаюсь за то, что однажды он покрасила белые локоны моей любимой куклы чернилами.

Я осторожно расспрашиваю о здоровье мамы, о новостях из академии, где учится брат, о делах папы. То ли я задавать вопросы не умею, то ли Юри бесполезна в смысле вытягивания из неё полезных сведений.

Сестрёнка постепенно выдыхается, и я прово-

жаю её в её спальню, желаю доброй ночи.

— Леди Юджин, — служанка терпеливо дождалась, когда я буду готова её заметить, — комната для вас готова.

А представиться?

Пока что я не собираюсь спрашивать её имя или указывать на оплошность. Меня цепляет, что именно она говорит. Не моя комната, а для меня.

— Гостевая комната? — уточняю я, когда она игнорирует дверь в комнату моего детства.

— Леди, ваш отец предупредил, что завтра он отправится с вами в столицу. Вы устали, гостевую комнату подготовить было быстрее всего.

— Хорошо.

Ничего хорошего на самом деле. Папа недвусмысленно показал, что в доме я гостья, что моё мнение ничего не значит, а моя жизнь… ничего не стоит. Как и мамина.

Я отсылаю служанку, плотно закрываю дверь и первым делом проверяю сумку. Мои вещи принесли вроде бы нетронутыми. Впрочем, в сумке ничего ценного, только тряпки. Кошелёк и векселя я держу при себе.

Плюхнувшись в кресло, я запрокидываю голову и не спешу снимать платье, чтобы последовать общему примеру и лечь. Озарившая меня идея

безумна и в то же время привлекательна. Я кручу её перед мысленным взором.

— Леди Юджин? — меня отвлекает вернувшаяся тень.

— Что удалось узнать?

— Многое.

Качнувшись, тень сворачивается в кресле напротив, будто хвост чернобурой лисы лениво изогнулся, только вот самой лисы нет.

Я сажусь прямее.

— Что-то важное?

— О, да! Леди, ваша мать здорова. Её состояние вызвано не болезнью, а проклятьем. Если быть точной, то слабым могильным проклятьем на смерть. Чары наведены неумело, кое-как. Скорее всего, не в обиду вам, леди, будет сказано, кто-то начитался книжек и решил действовать. Возможно, это даже его или её первый опыт.

— В городе появился тёмный маг? — хмурюсь я.

— Тот, кто навёл проклятье, запачкался, но Тьму через себя не пропускал. И магом быть не обязательно. При желании вы бы смогли навести и более серьёзное проклятье.

Желания нет.

— То есть виновного уже не найти? — им может

быть буквально каждый.

Я бестрепетно примеряю роль убийцы на отца, на брата. Даже на Юри, хотя не подозреваю её всерьёз. Скорее всего папина фаворитка расчищает себе путь к статусу законной супруги.

Но тень меня удивляет.

— Леди Юджин, обижаете. Я вижу тончайшие нити, которые не уловить живому глазу. Проклятье на вашу матушку навела слуга, которая вас сюда проводила. Кстати, в вашей подушке тряпичная кукла, набитая могильной землёй. Пока вы ужинали, слуга шила. Бедняга так торопилась, что трижды укололась.

А ведь я могла куклу не заметить. Тоже слегла бы с проклятьем? А мама грызлась бы виной, что заразила. Я должна поблагодарить тень… и решить, звать ли отца. Куклу я ему предъявлю, но поверит ли он? Не обвинит ли меня в тёмном колдовстве? Я не боюсь местного жреца, но быть втянутой в очередные разборки — нет, спасибо. К тому же жреца будет интересовать не расследование как таковое, а наказание горничной. Апатичная, несимпатичная служанка с рублеными чертами лица, приземистой фигурой и грубыми натруженными руками точно не может быть той самой женщиной, которой увлёкся отец.

Иными словами горничная сыплет проклятьями не для своей выгоды. Разве что мстит за что-то, но я ставлю на деньги и подкуп. Кстати об апатии. Её зацепило своими же чарами?

Хм…

Тень терпеливо ждёт, что я решу, не подсказывает.

Я встряхиваю колокольчиком, и тень под мелодичный перезвон соскальзывает из кресла на пол, одновременно тускнеет и пропадает. Когда горничная появляется, в будуаре нет и намёка на тёмное присутствие.

— Леди Юджин? — она нарушает моё молчание вместо того, чтобы ждать, когда я заговорю.

— Когда я уехала в столицу, тебя в доме не было. Как давно тебя наняли? — лениво спрашиваю я, преднамеренно игнорируя её очередную ошибку.

Неужто полгода назад?

Сообразит представиться?

Не сообразила:

— Уж больше года, леди. Вы только это спросить хотели? С вашего позволения я вернусь мыть посуду.

— Какая дерзость, — подражая герцогине, я ударяю ладонью по подлокотнику кресла.

Служанка хлопает глазами, словно и впрямь не понимает, насколько непозволительны её слова. На самом деле, она может не понимать. В некоторых домах отношения со слугами очень свойские. В небогатых домах даже в столице бывает, что к единственной служанке относятся как к младшей дальней родственнице, что уж говорить про провинцию.

Но это не значит, что я позволю горничной завуалированно упрекать меня, что я отвлекаю её от дел и мешаю работать.

— Леди? — по-прежнему ни капли понимания в глазах.

Я начинаю злиться.

Усмехнувшись, я поднимаюсь и приказываю служанке следовать за мной. Она подчиняется. Она ещё не напугана, но уже беспокоится. Страх в её глазах появляется, когда я сдёргиваю с кровати подушку и бросаю прицельно ей в лицо. Служанка ловит, но руки её дрожат.

— Вскрой, — приказываю я.

Служанка роняет подушку, отступает, пока не упирается спиной в стену. Жалкое зрелище.

А ведь куклу я даже не упоминала ещё.

— Леди, — служанка опускается на колени, — леди, меня заставили! Моей жизни угрожали!

Моей дочке, она чуть старше леди Юриты, тоже угрожали! Смилуйтесь, леди!

Не верю.

Начала с себя, приплела дочку. Будто отгораживается девочкой как щитом. Противно.

— Замолчи, — говорю доброжелательно, но женщину впечатляет.

Она буквально захлопывает рот, таращится на меня мокрыми глазами. Слёзы выглядят непритворными. Чувствую себя злодейкой…

Я киваю на подушку:

— Знаешь, как я поняла, что в спальне меня ждёт сюрприз?

Я успела заметить серую дымку на долю мгновения окружившую подушку и быстро впитавшуюся в наволочку. Я совершенно не удивляюсь, когда подушка будто сама собой конвульсивно дёргается. Боковой шов расходится.

Служанка с воплем шарахается. Я едва успеваю повесить у неё над головой пару рун “съедение звука”, и истошный крик гаснет, остаётся в стенах комнаты. Упав, она пытается ползти прочь на четвереньках, но я быстро подхожу и ловлю её за шиворот, вынуждаю смотреть, как из подушки выбирается одержимая тенью тряпичная кукла. Про тень, естественно, знаю только я.

— Нет-нет-нет, — твердит горничная.

— Чего ты боишься? Ты ведь своими руками её сшила.

— Леди, смилуйтесь!

Если бы горничная работала на отцовскую пассию, то она бы не стала самовольно подкидывать мне куклу, тем более отец не скрывал, что вернёт меня в столицу.

— Говори.

— Леди.

— Чем я тебе помешала, м?

— Мне приказали, леди.

— Кто? Когда? Ты увидела меня вечером. Ты отлучалась из дома?

— Я бы не причинила вам вреда, леди! — с радостным озарением она хватает меня за край подола. — Вы бы просто чувствовали утром сонливость и усталость! Без куклы после отъезда вам бы сразу стало лучше!

Мда.

Она хоть понимает, как её объяснения звучат со стороны? И ладно я, мне она вреда бы не причинила. Звучит сущим издевательством. Но я ведь не одна. Мама… умирает.

— Угу. Кто тебе приказал? — внешне я сохраняю спокойствие, но даётся мне это с трудом.

— Леди…

— Кто. Тебе. Приказал, — моё терпение на исходе.

Притихшая было кукла подбирается ближе, и горничная с визгом пробует увернуться. Я удерживаю её за ворот. Жалости я не испытываю. Моя мама из-за проклятья медленно угасает, и эта тварь спокойно наблюдает уже полгода, и совесть её нема. Угрожали? Пусть так. Но эти неведомые “угрожали” не следят за каждым шагом. Шепни госпоже проверить подушку — разве трудно? Но дрянь не шепнула. Ещё и утешала небось.

— Пожалуйста…, — хнычет она.

— Если ты не хочешь отвечать, то всё в порядке, — я даже отпускаю её ворот.

— Леди?

Она не верит и правильно. Я не собираюсь быть снисходительной. Я улыбаюсь, и горничная, выпустив мой подол, хватается за сердце, будто от страха у неё приступ, но её подводит наигранность жеста.

— Сейчас ты ещё можешь выбирать между признанием и упрямым молчанием, — поясняю я ей. — Когда ты умрёшь и твою душу заберёт Тьма, я получу ответ на все свои вопросы независимо от твоего согласия.

Кукла почти добралась до неё, и горничная не выдерживает.

— Ваш отец, леди! Мне приказал ваш отец. Он боялся, что завтра вы устроите неприятности и хотел, чтобы я вас успокоила. Ваш отец.

И ведь… не врёт.

Глава 26

— Хм? Говори яснее. Мне надоело тянуть из тебя слова. Говори или отправляйся в Чертоги Смерти.

Я поднимаю куклу с пола и сажаю на ладонь. Одержимая игрушка возится и упрямо тянется к горничной, но я удерживаю куклу, не позволяя ей добраться до жертвы, и в то же время я легко посажу куклу горничной прямо на макушку, если та продолжит отмалчиваться.

Служанка размазывает слёзы по лицу, но о милости больше не просит. Она будто съёживается, теряет волю, погружается в апатию, и даже страх перед куклой словно гаснет. Может, она сама под ментальным контролем? Как и папа, кстати. Нельзя исключать, что он вообще не осознаёт, что именно делает. Или он всегда таким был? Я помню, как было весело, когда он подбрасывал меня к потолку и ловил, помню, как он подарил мне плюшевого зайца, как угощал леденцами… Он не уделял мне много внимания, да? Гораздо больше воспоминаний, как он проверяет уроки брата, а меня, устроившуюся в уголке и жадно

прислушивающуюся, гонит прочь, чтобы я не мешала. Помню, как мне было обидно… Пустые воспоминания. Я совсем не знаю, каким был мой отец.

— Я в доме господина Тиноса работала, леди.

Знакомое имя. Секретарь в администрации, если не ошибаюсь.

— И?

— Проворовался он, леди. Хотел закрыть карточный долг, а вышло, что на каторгу отправился. У меня три месяца жалованья не было. Сбережения были, но я, дура, их у господина хранила. Куда мне было идти без денег? Помирать на улице? Ваш отец предложил работать за кров и пищу. Служанку, которая была до меня, уволил.

Не удивлена.

— И? — пока что я не слышу ничего интересного.

— В молодости был у меня грешок, леди. Папаша мой… пил, а как напьётся, лупил, грозился в квартал красных фонарей продать. Ну я и… проводила его к предкам.

Я равнодушно киваю.

Пожалуй, я даже не осуждаю женщину. Если её история правдива, конечно. Я ведь тоже не без греха. Я не убивала, но я открыла культу Даро

путь в родовые земли Гельдернов, ясно осознавая, к чему мои действия приведут. В каком-то смысле смерть того же Лоуренса можно записать на мой счёт.

— И? — подгоняю я.

Служанка глубоко вздыхает.

— Господин Тинос не был магом, он просто взял меня на работу. Я думала, что с лордом Махаон будет точно также. Кто же знал? В свой выходной он пригласил меня в кабинет и потребовал поклястья в добрых намерениях.

Обычное дело.

Клятва верности связывает слугу и господина, поэтому её принимают крайне осторожно. Если на мага повесить слишком много клятв, то в какой-то момент он начнёт слабеть, причём просчитать заранее, сколько клятв он может принять безопасно, почти невозможно. Я читала про мага, который лишился сил одномоментно через год после принятия одиннадцатой клятвы. Считается, что лучше ограничиться двумя-тремя клятвами. Три — уже риск.

Естественно, никто не будет привязывать к себе обычную полотёрку.

Слуг проверяют, но их клятва о намерениях сиюминутная. Готовность служить сегодня не

означает, что завтра слуга не предаст.

— Отец узнал, что ты заигрывала с тёмным колдовством?

— Да, леди. Лорд Махаон пощадил меня, не передал жрецам и даже позволил остаться в доме. Когда полгода назад лорд приказал мне проклясть вашу матушку, у меня не было выбора, кроме как подчиниться.

— Ты могла предупредить мою мать, помочь ей найти куклу.

— Страшно, леди.

Угу.

Мама бы непременно пошла за помощью в храм, и служанке было бы не спастись. Что же, то, что я понимаю женщину, не означает, что я буду к ней снисходительна. Я смотрю на неё и понимаю, что она вызывает у меня не злость, а брезгливость.

— Почему отец решил попрощаться с мамой?

— Смилуйтесь, леди. Лорд только приказывал.

Ха!

Я чуть встряхиваю ладонь, и затихшая кукла оживает, напоминает о себе.

— Горничная, проработавшая в доме около года, не знает, что происходит? Ты мыла полы с закрытыми глазами и ушами, набитыми ватой?

В её глазах вновь проступают слёзы:

— Леди, мне правда нечего сказать. Я не лгу. Лорд Махаон работал в кабинете, в тот день у него было особенно много работы, время близилось к полуночи. Он приказал принести чаю. Я подала поднос и хотела уйти, но лорд остановил меня и сказал, что я должна вспомнить свои штучки для него.

Смысл убивать?

Ненужных жён обычно вынуждают уйти в храм, и мужчина будет снова считаться холостяком. Наоборот тоже работает, хотя случаи единичные. Если муж уходит в храм, женщина получает свободу.

— У отца есть кто-то на стороне? Любовница.

На этот раз служанка отвечает уверенно:

— Есть леди. Она…

Опять тянуть каждое слово?

— Что “она”? — я не скрываю раздражения.

— Месяц назад она поселилась во флигеле как гостья, — сообщает служанка.

Что-что?! При живой жене притащить любовницу в дом? Да так даже неженатые мужчины не поступают! Содержанку поселяют отдельно и время от времени навещают. Отец вырос и воспитан в столице. Он просто не мог попрать приличия

настолько. Он ведь себя позорит и бросает тень на репутацию брата. Какая семья захочет отдать свою дочь за сына беспринципного изменщика?

Что-то тут не то.

Приличия отец всегда соблюдал, пусть не в полной мере — жизнь в провинции отличается от жизни в столице. Служанка врёт?

— А как давно папа с этой женщиной… близок?

— Около полугода, леди.

— Говори точнее, она появилась до того, как ты прокляла маму или после?

— Не знаю, леди.

Картинка не складывается. Экономия не повод оставлять в доме слугу, замаравшуюся тьмой. Что-то случилось год назад? И, если подозревать самое нехорошее, то можно подумать, что кто-то заинтересованный помог секретарю и в долги влезть, и разворовать бюджет, и попасться. Но зачем? Слишком сложная интрига — бессмысленно сложная.

— Жить хочешь? — лениво спрашиваю я.

Женщина вздрагивает. Мой вопрос почему-то её пугает, словно я пообещала её убить.

В прошлой жизни я не получала сообщения о смерти мамы, но сказать с уверенностью, что она

была жива-здорова не могу. Письма приходили слишком формальные, с подписью “леди Махаон”. Вспоминая их, я заподозрила, что их писали не родители, ну а теперь добавился новый вариант — письма были настоящие, только писала их не мама, а новая жена отца.

Тихо всхлипнув, горничная кивает, но без особой надежды:

— Да, леди, хочу.

— У тебя четверть часа, чтобы забрать свои вещи и покинуть… город до рассвета. Надеюсь, ты понимаешь, что бежать к отцу или его гостье не нужно? И пытаться рассказать ему о нашем с тобой… знакомстве любым иным способом тоже не нужно.

Служанка вскидывается, смотрит на меня недоверчиво. Возможно, она думает, что я предлагаю ей сгинуть ночью в канаве?

Стоило бы, наверное избавиться, но… я не готова совершить убийство. Я не готова жить с осознанием, что я забрала чужую жизнь по собственной прихоти, из мести. С резиденцией Гельдернов иначе — я спасала свою жизнь.

— Леди…, — шепчет она.

Я отпускаю тряпичную куклу на пол.

— Беги, пока можешь, беги.

Кукла неуверенно поднимается на ноги и делает по направлению к служанке шажок, затем ещё один и ещё, каждый следующий шаг увереннее предыдущего. Горничная упирается в стену, и кажется, её парализовало от страха, но нет, в мгновение ока сбросив апатию, она подскакивает и бросается прочь. Я провожаю её равнодушным взглядом.

Дверь осталась открытой, и я иду и закрываю.

Почему-то я не чувствую облегчения, хотя именно его ожидала подсознательно.

— Леди, вы уверены в своём решении? — тень чёрно-серым дымком поднимается над куклой, и та остаётся лежать бесполезным тряпичным мешком, набитым почвой.

Не думаю, что мне стоит бояться проклятия, едва ли примитивные чары выдержали касание тени, но на всякий случай я вывожу на теле куклы руну очищения, и другую такую же — на собственной ладони, которой я трогала куклу.

Покосившись на тень, я пожимаю плечами:

— Я уверена, что это моё решение. Я имею в виду, что поступить иначе — пойти против своей натуры. Я поступаю непрактично, зато я буду без отвращения смотреться в зеркало.

А ещё мне кажется, что будь здесь Диан, он бы

горничную тоже отпустил.

Фыркнув, тень выскальзывает из спальни, и я не сомневаюсь, что она проследит за служанкой. Или не только проследит. Вполне возможно, что она сделает за меня грязную работу и заберёт душу горничной в Чертоги Вечности. Если так, то вмешиваться и защищать служанку я не стану. Выбросив женщину из головы, я выхожу в коридор и возвращаюсь в мамины комнаты — я не намерена терять драгоценное время.

Сумерки уже сгустились, но ещё можно обойтись без света — я остерегаюсь будить маму, лишний раз волновать. Ей покой нужен, а знать про тёмное колдовство совсем не обязательно, по крайней мере сейчас, пока она будет восстанавливаться. Прокравшись в её спальню, я огибаю ширму и останавливаюсь в изножье кровати, прислушиваюсь к её рваному поверхностному дыханию.

Найти нужную подушку труда не составляет — зачатки магических способностей у меня всё же есть, и я осторожно тяну опасную дрянь на себя. Мама не просыпается, только с тихим стоном поворачивается, словно видит дурной сон.

Сколько же я в прошлом пропустила…

Я вывожу руну очищения — просто, эффектив-

но. К утру в спальне от тьмы не останется ни малейшего следа.

Прихватив подушку, я возвращаюсь в выделенную мне комнату. Вот теперь можно зажечь свет, разодрать шов и вытряхнуть на пол вторую куклу, на ладонь крупнее той, что предназначалась мне. Хм… Я не спросила, откуда у горничной могильная земля и не спросила, проклинала ли она ещё кого-то. И если насчёт земли я могу вспомнить, что мне доводилось читать о тёмной магии, и предположить, что “начинку” куклы нужно время от времени обновлять, то с другими жертвами — мой большой промах.

Ничего, следующий раз буду умнее.

Я вывожу руну очищения на кукле и прислушиваюсь к своим ощущениям — тёмные чары буквально расползаются под действием руны.

Проклятье уничтожено.

На меня привычно накатывает слабость. Магии во мне крохи, и я в очередной раз выжала себя досуха. Я едва добираюсь до кровати, падаю поверх одеяла, и проваливаюсь в сон, как в колодец.

Утром солнечные лучи через назашторeное окно заливают спальню ярким светом, и сон тает. Открыв глаза, я не могу вспомнить, что мне привиделось.

— Диан? — окликаю я вслух.

Разумеется, его рядом нет.

Я сажусь, провожу ладонью по лицу. Усталость отступила, но я не чувствую себя отдохнувшей. Я так и спала, в платье?

Взгляд натыкается на пару тряпичных кукол. Бездна, а если бы кто-то вошёл и увидел это непотребство?! Меня бы обвинили…

Полежать подольше не получится. Усилием воли я сгоняю себя с кровати прибраться. Тряпки сожгу, землю подсыплю в ближайший цветочный горшок…

— Юджи! — дверь распахивается и в комнату врывается Юрита. — Юджи, маме стало совсем плохо! Она просила позвать за жрецом.

Глава 27

Что?

Тень, где тень?!

Я ещё не успела прибраться и едва перехватываю Юриту у ширмы, чтобы она не увидела кукол.

— Иди, я догоню, — разворачиваю я её. — Накину платье.

Не в сорочке же по дому бегать — неприлично.

Юрита послушно кивает и выскакивает из комнаты. А я… прячу кукол в зеркальный тайник, воспользовавшись зеркалом, вставленным в трюмо. Наспех одевшись,выбегаю в коридор, на ходу зову тень, но она не откликается. Видимо, бродит где-то. Или притихла, наблюдает из-за угла, позволяя мне справляться самой.

— Мама! — я гашу рвущийся крик, и из горла вылетает хрип.

Зато не напугала.

Мама лежит в гнезде подушек, по плечи укрытая одеялом. Одна рука поверх него, вторая скрыта. Мама смертельно бледна, пальцы подрагивают.

В прошлой жизни в это время я ещё была компаньонкой в доме герцога, скрыть мамину смерть от меня не могли бы. Ухудшение спровоцировала я? Но я ведь просто убрала всю дрянь! Из меня никудышний практик, зато неплохой теоретик. Я головой думала, прежде, чем делать. Маме должно было сразу стать легче, а к утру самочувствие и вовсе должно было улучшиться. Почему получилось наоборот?!

Мама слабо улыбается и переводит взгляд на Юриту. Слова маме даются с трудом:

— Юри… шкатулку…

Юрита спрыгивает с кровати. Шкатулка, о которой просила мама, стоит на комоде, будто нарочно приготовлена.

— Вот, мам.

— Открой. Разделите… на память.

Внутри лежат разрозненные украшения. На взгляд — ни одного комплекта. Браслет, несколько колец, две или три пары серёжек.

— Мам, — я беру её за руку, — по-моему ты спешишь.

Она в ответ лишь улыбается, не столько губами, сколько глазами.

Пришедшая в голову мысль ударяет меня молнией.

Я резко оборачиваюсь:

— Где слуги? Почему никого?

— А-а-а, — Юри несколько раз моргает, прежде чем до неё доходит суть моего вопроса. — Дочь кухарки побежала за жрецом, а где Райра, я не знаю, почему-то не видела её сегодня.

Райра, я так понимаю, горничная?

— Юри, бегом, принеси для мамы сладкий чай. И пусть кухарка приготовит либо кашу, либо куриный бульон, что быстрее. Бегом.

— Юджи? — в маминых глазах недоумение.

Объяснение простейшее — мама уже была слаба, очищение её истощило. Само по себе проклятье ночью уже не причиняло ей вреда, а вот ошмётки распавшегося проклятья продолжали отравлять.

Сон и еда в её случае лучшие лекарства. Сон, уверена, принёс пользу. Осталось накормить чем-то лёгким, но достаточно питательным.

Юри, кивнув, послушно убегает за чаем… вместе со шкатулкой.

— Мама, тебе нужно бороться и восстанавливать силы, хорошо?

Мама ничего не отвечает. Не похоже, что она верит в мои слова, скорее, воспринимает, как попытку утешить. Неудачно. Я про себя только

вздыхаю и беру маму за руку, успокаивающе глажу по пальцам. Она расслабляется, напряжение её отпускает.

Кажется, она вот-вот заснёт.

Я украдкой вывожу руку исцеления и, вспомнив, что мне доводилось читать о первой магической помощи, пытаюсь передать маме крохи восстановившейся у меня за ночь магии.

Вроде бы я стала самую малость сильнее? Чем больше тренируешься — тем сильнее становишься. Мою работу с рунами нельзя назвать полноценной тренировкой, но всё же… Я ведь раз за разом опустошаю себя до дна.

— Юджи?

— Тебе лучше, — улыбаюсь я.

Возвращается Юри. С чашкой.

— Не горячо? — на всякий случай уточняю я.

Юри пробует чай губами и кривится:

— Нет, нормально. Приторно, — сладкое сестрёнка не любит, шоколаду предпочитает фрукты.

Я пересаживаюсь в изголовье кровати, помогаю маме приподняться, подталкиваю ей под спину “чистые” подушки и мимоходом прислушиваюсь к ощущениям. В комнате тёмной магией не пахнет.

Забрав у Юри чашку, я подаю маме, держу в руках и чуть-чуть наклоняю, чтобы мама могла пить. Ей всего-то требуется глотать, но, осилив половину, она устало откидывается на подушку, прикрывает глаза. На щеках появляется слабый румянец.

— Мама… тебе лучше? — Юри нетерпеливо подпрыгивает.

— М-м-м.

— Похоже, что да, — улыбаюсь я. — Бульон?

— Я приказала приготовить и кашу, и бульон.

— Молодец, — заметив, что мама уснула, я понижаю голос и прикладываю палец к губам.

Я всматриваюсь в её лицо. Мама всё ещё бледна, но, если, когда я вошла, её кожа походила на белую бумагу и отдавала синюшностью, то теперь появился намёк на здоровый цвет лица, жизнь к маме явно возвращается. И дыхание стало глубоким, ровным.

Мы с Юри молча сидим, уходить ни ей, ни мне не хочется. Я отставляю чашку прямо на пол. Юри, проследив за моим движением, ойкает и возвращает шкатулку, с которой она бегала к кухарке.

— Мама никогда не показывала мне, что в ней, — делится она.

— Мне тоже.

У мамы есть другая шкатулка с украшениями, которые она часто носила, а эти, видимо, особенные.

Поколебавшись, Юри не решается открыть шкатулку снова, наоборот, возвращает на комод.

— Папа уже встал? — шёпотом спрашиваю я.

— Он… очень занят, — Юри пытается его оправдать, но видно, что она сама себе не верит.

— Занят, — соглашаюсь я.

С ним я ещё разберусь…

Только документы пусть сперва мне восстановит.

В коридоре раздаются тяжёлые шаги, чей-то незнакомый недовольный голос, и ему отвечает тонкий голосок, будто бы детский. Дверь открывается, и в спальню входит облачённый в бело-золотые одежды светлый жрец.

— Мне сообщили, что леди Махаон умирает, — громко заявляет он, уставившись на спящую маму.

Мама от его рыка, естественно, проснулась, дёрнулась, села, испуганно прижимая одеяло к груди. Жрец же смерил её неприязненным взглядом, становившемся всё более и более недовольным. Жрец не только не обрадовался, что

мама выглядит лучше, но и словно бы собирался обвинить её в обмане.

Я встаю, собой заслоняя и маму, и сестру.

— Светоч, — вежливо приветствую я.

— Извольте объясниться, юная леди, — строго приказывает он.

Повторно присев в неглубоком реверансе, я представляюсь:

— Юджин Махаон, старшая дочь лорда и леди Махаон, вернулась домой со службы компаньонкой дочери герцога Флойтского. Мама тяжело болеет, утром случилось резкое ухудшение. Мы с сестрой очень испугались, но теперь рада сообщить, что маме лучше.

— Кхм.

Подняв взгляд на жреца, я покаянно вздыхаю:

— Мне очень жаль, что мы потревожили вас, светоч.

— О чём ты говоришь, девочка? Прийти на зов мой долг, — жрец самодовольно надувается.

Я опускаю голову, позволяя ему наслаждаться собственной важностью и прикидываю, стоит ли от имени дома приглашать жреца за стол. По-хорошему, нужно добиться от него пользы, раз уж явился.

— Светоч! — я подаюсь к нему навстречу. — Я

бы не осмелилась просить нарочно, на раз уж вы уже здесь… Не откажите! Благословите маму на выздоровление. Только вы несёте свет надежды для нас!

Светлые прекрасные целители, правда, не жрецы, а маги, но и жрецы тоже способны на многое.

Жрец надувает щёки. Отказ с его стороны будет выглядеть некрасиво, да и мама жена не последнего человека в городе. Конечно, по влиятельности отца с представителем светлого храма не сравнить, но всё же.

— Вы поможете маме, светоч?!

Юри выскакивет из-за моего плеча и буквально обливает жреца детским восторгом. Злиться на неё просто невозможно, и жрец невольно отвечает улыбкой на улыбку.

Только вот сказать он ничего не успевает.

В коридоре снова шаги, и раздаётся голос отца:

— Она умерла? Позовите гробовщика.

Бедная мама, слышать это…

Отец появляется на пороге.

— Ваша супруга жива, лорд Махаон, — сухо отвечает жрец. — Вы слишком торопитесь овдоветь.

— Светоч? — кажется, он не ожидал увидеть

жреца.

И для меня мгновение его растерянности ещё один прекрасный шанс.

— Светоч, — обращаюсь я. — Когда я вчера вернулась, я сразу же заметила, что папа сам на себя не похож, будто другой человек. И сейчас вы слышали сами… Мой папа никогда бы не сказал столь жестоких слов! Умоляю, проверьте его! Учитывая, что мамина болезнь очень странная, лекари бессильно разводят руками…

— Юджин, что за чушь ты несёшь?!

Отлично, папа, спасибо за помощь.

— Папа, почему ты испугался проверки? — спрашиваю я с самым озабоченным видом, на который способна.

Отец отрицает, но поздно, жрец уже задумался. Вероятно, о награде, которую он может получить за поимку тёмного. Да и тёмное колдовство само по себе не шутка.

Жрец моментально подбирается, взгляд становится цепким, он делает шаг папе навстречу:

— Поскольку юная леди беспокоится о вас, лорд Махаон, не стоит дочь разочаровывать. Поставьте в центр комнаты стул и сядьте.

— Но, светоч…

— Вы что-то скрываете от светлого храма, лорд?

Может быть, связь с тьмой?

Папа открывает рот и закрывает.

Жрец одной вкрадчивой фразой сминает любое сопротивление.

— Мы ещё поговорим, Юджин, — с откровенной угрозой предупреждает папа, но стул послушно вытаскивает в центр свободного пространства и садится.

Ширма мешает маме видеть происходящее, и она порывается встать, но Юри по моему знаку устраивается рядом и удерживает её от глупостей, а я слежу за начинающейся проверкой. Как и со мной, сперва жрец просто начинает водить над папиной головой руками. Ладони оказываются то в районе затылка, то перед лицом, то спускаются чуть ниже к плечам. Этот жрец уделяет внимание ещё и области сердца. Мне нравится, что он проверяет вдумчиво. Видно, что полностью отдаётся процессу, не халтурит.

— Вы убедились, светоч?

— Сидите, лорд.

— О-о?

Жрец продолжает водить руками. Его пальцы чуть подрагивают. Проходит минута, другая. Папа хочет обернуться, но жрец его одёргивает и вытягивает из-под ворота цепочку, на которой висит

призма размером с ладонь. Всё как со мной.

Ни слово ни говоря, жрец всматривается в отца через стекло. Уверена, он что-то заметил, иначе бы не тратил на проверку столько времени. Отец тоже догадывается, что жрец не просто так уделяет ему столько внимания.

Напряжение сгущается.

— Однако…, — жрец прячет призму под ворот.

— Светоч, вы что-то увидели? — отец поднимается, отставляет стул в сторону.

— Беспокойство юной леди не пустое. Вы служите в администрации, лорд. Возможно, я вижу следы чьих-то обид и злых пожеланий… Вам придётся прямо сейчас отправиться со мной в храм.

— Злые пожелания? Люди, к сожалению, не всегда готовы принять вынужденные отказы в своих запросах. Светоч, это обычное дело. Оно не стоит ваших усилий.

— Лорд собирается указывать мне, что стоит моих усилий, а что нет? Или лорд хочет взрастить росток тьмы? Осторожнее, лорд Махаон. Следуйте за мной.

Жрец взмахивает широким рукавом и складывает руки на животе.

— Да, светоч, — выбора у отца не остаётся.

Жаль, мне не узнать, что именно произойдёт в

храме — тень, если она и вернётся, подсмотреть не сможет.

Я провожаю их до двери, закрываю створку.

Кажется, я остаюсь без документов...

Глава 28

Девочка, которая привела жреца, отирается тут же, в коридоре. Судя по широко распахнутым горящим глазам, она уже предвкушает, что расскажет матери, а там и дальше понесёт сплетню. Думаю, уже к вечеру буду рассказывать, что лорд Махаон оказался злобным тёмным колдуном, а светлый жрец мужественно спас от него город. Стоит ли вмешиваться?

— Бульон для мамы или кашу. Бегом.

— Д-да, юная леди!

Девочка послушно бросается в сторону кухни.

Я возвращаюсь в спальню, обхожу ширму:

— Мам, как ты себя чувствуешь? — плохо, что мы остались без благословения, но я ещё сохраняю надежду, что жрец вернётся.

Она ненадолго задумывается:

— А знаешь… лучше. Мне легче стало. И, Юджи, ты ведь распорядилась, чтобы принесли завтрак?

О, аппетит прекрасный знак.

— Вот видишь, всё будет хорошо, — улыбаюсь я.

— Шкатулку, — просит она.

— Может, позже?

Мама настойчиво протягивает руку, и Юри снимает шкатулку с комода, отдаёт. Мама открывает и бестрепетно вытряхивает содержимое на одеяло. Ювелирная мелочовка выглядит дешёвой. Во-первых, ни одного комплекта я не вижу, украшения разрозненные. Во-вторых, они все простенькие, тонкие, ничего общего с украшениями, которые я видела на дамах в доме герцога.

У мамы есть дорогие, они их надевала на приёмы и редкие званые ужины.

— Эти украшения достались мне от бабушки, — поясняет мама. — Ей душа давно отдыхает в Чертогах Белогорья. Бабушка передала мне их незадолго до смерти. Пришла моя очередь передать их вам.

— Мама! — вскидываюсь я.

— Юджи, ты неправильно поняла меня. Я ни разу не надевала эти украшения после свадьбы. Зачем им лежать у меня, когда ты могла бы их носить?

Украшения какие-то особенные? Я по-новому смотрю на них. Внешне неказистые, а что внутри? Магия от них не чувствуется, но это не значит, что её нет. Я даже смело предполагаю, что именно

украшения подскажут мне, зачем я понадобилась Гельдернам, но я отбрасываю эту мысль. Если бы им действительно нужны были эти украшения, они бы проявили к ним какой-то интерес.

Могла ли мама послать для меня шкатулку в прошлом? Гельдернам не составило бы труда её перехватить и скрыть от меня.

Я касаюсь пары серёжек, начинаю перебирать украшения, пытаюсь вспомнить, не видела ли я их в прошлом, например, когда потеряла ребёнка. На ум ничего не приходит.

— Расскажешь про бабушку, мам? — я оставляю украшения в покое.

Подхватив пару кварцевых серёжек, Юри тотчас откладывает их в сторону и примеряет колечко с кривоватой эмалевой бабочкой. Яркие бордово-красные крылышки будто нарочно подходят под камзолы Диана, и я невольно представляю, как оно смотрелось бы на моей руке, лежащей на сгибе его локтя. Я по нему скучаю, да? Юри кольцо великовато, и она снимает его, хватает браслет.

— Мне правда можно что-то взять? — перебивает она, теряя интерес к браслету и выхватывая другую пару серёг с серебряными висюльками-капельками, напоминающими капли дождя.

— Можно. Половина тебе, половина Юджи.

Я выбираю колечко с бабочкой и кулон на длинной цепочке. Крышка отщёлкивается, и внутри я нахожу крошечное зеркальце. На губах сама собой появляется улыбка — теперь мне есть, где спрятать бусину крови, буду носить всегда с собой и точно не потеряю.

Юри, в отличии от меня, никак не может определиться.

— Бери всё, — хмыкаю я, но себе забираю ещё и саму шкатулку.

— Нечестно..., — сестрёнка закусывает губу. Видно, что ей и хочется, и совестно.

— Завтрак для хозяйки! — объявляет вернувшаяся дочка кухарки.

На подносе, как я и просила, каша, а к ней протёртая в пасту варёная курица. Кухарка постаралась от души. Я помогаю маме устроиться в подушках, хочу покормить её, но мама решительно отбирает ложку, и мне остаётся только держать поднос, потому что раскладного столика для кровати в комнате почему-то нет.

А у нас вообще был такой столик.

Девочка топчется рядом, не уходит.

— Ты что-то хотела? — спрашиваю я.

— Тётя Райра пропала, а мама и с кухней, и с её

работой не справится, госпожа.

В будущем придётся нанимать новую служанку.

Если моя идея не выгорит…

— С мелкими поручениями ты нам поможешь, твою маму дёргать не будем. Серьёзная работа подождёт. Если пару дней не мыть пол, ничего страшного не случится.

— Да, леди!

Пока мама завтракает, Юри перебирает украшения и делит на две более-менее ровные кучки, одну придвигает к себе поближе, вторую — ко мне. Я не отказываюсь и спокойно беру подарок. Меня мамино состояние волнует куда больше дешёвых, но памятных побрякушек. Мама осилила половину каши и две ложки протёртой курицы. Мало, конечно, но хоть что-то.

— Отдыхай, — я отдаю поднос кухаркиной дочке, и девочка убегает.

Ей нравится чувствовать себя взрослой помощницей или рассчитывает на денежную благодарность?

Мама прикрывает глаза. Кажется, что она засыпает, но нет:

— Юри, Юджи, вы же сами голодные. Идите…

— Да, мам.

Мы с Юри расходимся по комнатам — я прячу шкатулку с украшениями в зеркало трюмо прямо к паре тряпичных кукол. Я не опасаюсь воровства, в доме красть, как мне кажется, некому, но всё же мамин подарок хочется убрать надёжно. Кольцо с бабочкой я надеваю сразу же. Как и кулон, в который прячу бусину крови.

Когда я прихожу в столовую, Юри ещё нет. Зато во главе стола на месте хозяйки сидит… по всей видимости, папина гостья.

Кем ещё может быть сочная шатенка в излишне открытом для первой половины дня платье? С глубоким декольте, открывающим вид чуть ли не до пупка на торжественный вечерний приём не каждая явится. На вид леди старше меня лет на пять, возраста добавляет яркая косметика. Хм, а она точно аристократка? Наличие или отсутствие вкуса с происхождением связано косвенно — я, например, именно в доме герцогини начала понимать, что такое элегантность.

— Доро…, — дама умолкает, осознав, что вместо дорого видит меня.

Она старше, она гостья… формально, по крайней мере. Но она занимает место, которое ей не принадлежит. У меня нет причин быть вежливой. Не то что бы я изначально собиралась быть

терпимой, нет. Я забочусь о своей репутации. Не хочу прослыть скандалисткой. У меня и так неприятности из-за истории с неприличным визитом к Гельдернам.

— Вы что-то сказали, — хмыкаю я, причём утвердительно, не вопросительно. — Вы, собственно, кто? Не может быть, что вы та, кому отец предоставил комнату во флигеле. Леди в трудном положении, полагающаяся на доброту и милость покровителя никогда бы не явилась на завтрак без приглашения.

Моя отповедь, увы, не действует. Она лишь ухмыляется:

— Должно быть вы дочь лорда Махаона? Леди, потерявшая доброе имя в гостях у постороннего мужчины? Кажется, вас соблазнил знаменитый столичный потаскун Лоуренс Гельдерн?

Какая ядовитая змеючка…

Полагаю, про Лоуренса она слышала, если следит за светскими сплетнями, а про меня ей папа вчера выболтал. Просто отлично. Я думала, что у меня есть немного времени, прежде чем сплетни докатятся до провинции, но нет.

— Да, я Юджин Махаон, старшая дочь дома. А вы…?

— Леди Эмили Хлой, будущая жена лорда Ма-

хаона.

Как мило.

— Надеюсь, отцу известен ваш статус… невесты и он с ним согласен?

— Об этом леди Юджин, вам лучше спросить у вашего отца.

Хм, выкрутилась. Подтверди она, что отец сделал ей предложение, я бы сдала её в храм, но в примитивную ловушку она, увы, не попала.

— Я спрошу…

Стоит ли сообщать, что отца забрал жрец? Наверное, не стоит производить впечатление столь дешёвым способом, хотя стереть с её лица усмешку превосходства хочется. Если она причастна — незачем предупреждать.

— Спросите, леди Юджин.

— Как бы то ни было, вы ещё не супруга, а мы с сестрой планируем позавтракать вдвоём. Вам придётся продолжить трапезу в выделенной вам комнате.

— Оу?

Леди смеряет меня откровенно злым взглядом. Похоже, она уже чувствует себя хозяйкой, а ещё она уверена в отце. Ничем иным не объяснить, что она спокойно поднимается из-за стола и одаривает меня предвкушающей злорадной ух-

мылкой. Наверняка планирует наябедничать, как я её обидела.

С Юри леди Эмилией Хлой сталкивается в дверях, фыркает и проходит мимо, махнув подолом платья. Так бы и сделала гадость, но я лишь провожаю её взглядом и протягиваю Юри руку:

— Не обращай внимания, — предлагаю я.

— Да! Мама поправится, папа вернётся, и всё будет хорошо.

— Угу.

Разочаровывать сестру не хочется. Юри в своей… наивности слишком похожа на меня прошлую. Я тоже верила, что надо чуть-чуть потерпеть и всё наладится. Не наладилось. Но я бы не поняла, не поверила, если бы кто-то попытался раскрыть мне глаза на реальность. Юри придётся прозреть самой.

Мы завтракаем. Юри то ли удручена столкновением с леди Эмилией Хлой, то ли чувствует моё настроение, то ли в глубине души понимает, что хорошо не будет. Атмосфера в столовой тягостная, да и у меня настроение портится окончательно, потому что я наконец осознаю, что мама и сестра для меня родные, они те, за кого я беспокоюсь, но… душевная теплота между нами потеряна ещё в моей прошлой жизни. Они для меня почти

чужие, и очень много я просто не смогу им рассказать. Да и желания откровенничать нет. Маму и сестру я не брошу…

Отставив пустую тарелку — погрузившись в размышления, я не заметила, как всё съела — я первой поднимаюсь из-за стола.

— Юри, у меня есть некоторые дела в городе. Присмотришь за мамой? Проследи, чтобы ей вовремя приносили перекусить.

— С тобой нельзя?

— А кто присмотрит за мамой? К тому же я по скучным делам в администрацию.

Кивнув, Юри тянется за сдобной булочкой, а я покидаю столовую.

Возможно, я смогу восстановить документы сама?

Подходящее деловое платье я заимустую у мамы — не снимать же ради тряпки деньги в банке. Я ведь даже не представляю, можно взять только полную сумму, указанную в векселе, или можно взять часть, а на останок выписать новый вексель. Конечно, у меня есть кошелёк, но проще воспользоваться маминым гардеробом, тем более рост у нас приблизительно один, фигуры похожи. Платье немного не сидит в плечах, и я исправляю положение широким поясом и свободным

жакетом.

Я спускаюсь на первый этаж. Со стороны кухни доносится возмущённый голос. Папина гостья бунтует? Скорее всего. Разбираться желания нет, и я выхожу на улицу.

Дом в самом центре города, фасадом смотрит на улицу, а правой стороной — на площадь. Самая респектабельная часть города… Интересно, в центре столицы вечером тоже можно встретить всякий сброд?

Лёгок на помине.

— О, красотка! — вчерашний парень окликает меня с противоположной стороны улицы.

Про встречу с тенью он, судя по всему, забыл или решил, что ужастик ему приснился.

Игнорируя экипаж и едва не оказываясь под копытами лошадей, парень устремляется ко мне.

Глава 29

Равнодушно отвернувшись, я успеваю пройти почти десяток шагов. Через площадь окружённый парком храм Светлой Крины, а левее, не видимая за кронами деревьев администрация.

— Прекрасная незнакомка! — парень обгоняет меня и преграждает мне путь. — Кто бы мог подумать, что сразившая меня красавица на самом деле не залётная столичная птичка, а наша дорогая Юджи.

От парня не разит, но винный душок ощущается.

— Мы не были представлены друг другу, лорд.

Мой холодный тон его ни капли не смущает:

— Неужели ты забыла, как я подарил тебе букет с… медведками? — ухмыляется он.

Всплывает воспоминание из детства. Дочка мэра, первая красавица нашего городка, старше меня — кстати, она, получается, ровесница папиной гостьи — получила на праздник Середины лета целый стог букетов, я же для букетов считалась ещё слишком маленькой, и мне не подарили ни одного самого дохлого полевого

цветка. Мне было обидно, завидно, я готова была разреветься и действительно разревелась, когда сын соседей не только заметил моё состояние, но и зло высмеял. Когда же он в качестве извинения на следующий день принёс мне букет, я радостно согласилась простить дурного мальчишку, приняла букет. Надо ли говорить, что из цветов на меня посыпались насекомые?

— Дерек, — узнаю я.

— Ага, он самый. Как ты похорошела, Юджи, — он с демонстративным восхищением проходится взглядом по моей фигуре. — Платье с чужого плеча? Юджи, помню, ты уехала в столицу. Высший свет оказался жесток? Не расстраивайся, тебе просто нужно под крыло к настоящему мужчине?

Надоел.

— Ты таких знаешь? — хмыкаю я.

Дерек уязвлённо вскидывается.

— Думаешь, после того, как ты одна вернулась из столицы и шаталась вечером по городу, у тебя будет выбор?

— Не будет выбора? О-о… Тогда, Дерек, приглашаю на обед. Я лично специально для тебя приготовлю…, — он аж плечи расправляет, надувается самодовольством, и я заканчиваю, — рагу из кузнечиков, медведок и самых жирных дож-

девых червей.

— Ты!

Наконец-то можно пройти.

Я и забыла, какой город… душный. Впрочем, ни столица, ни летняя герцогская резиденция не лучше. Но в столице, если не лезть в высший свет, проще затеряться. Здесь же, в маленьком городке, все друг друга знают, деться некуда.

— Знаешь что я сделаю?! — летит мне в спину. — Я попрошу у твоего отца твоей руки!

— Удачи, Дерек!

Они с ума посходили? Липнут и липнут.

За Дерека, наверное, ни одна не пошла, вот и ищет хоть какой-то вариант. Или из-за отказа взбесился. Не важно, лишь бы под ногами больше не путался.

Кстати, о ногах. От серого бордюра отделяется дымка, змейкой стелется по тротуару и обвивается вокруг каблука. Лодыжку сковывает холодом, и я невольно морщусь. Тень, а это она, я не сомневаюсь, поднимается выше и через ворот перетекает на платье, сворачивается ажурной брошкой-бантиком. Приставать с расспросами прямо сейчас, на улице, будет неудобно…

Я миную храм и вскоре поднимаюсь по ступенькам администрации. Трёхэтажное старинное

здание в прошлом венчал шпиль, но после возведения храма, шпиль сняли, чтобы светское здание не возвышалось над светлым домом. Основание шпиля с тех пор торчит, как обломанный зуб.

Меня останавливает страж:

— Госпожа, сегодня неприёмный день, — он поспешно пытается спрятать пирожок в промасленной бумаге в ящик конторки.

Я послушно останавливаюсь и приветливо киваю:

— Доброе утро, господин страж. Я Юджин Махаон. Я пришла сообщить, что сегодня из-за семейных обстоятельств отец не сможет выйти на службу.

— Лорд Махаон…

— Да, обстоятельства тяжёлые, и я вернулась, чтобы иметь возможность…, — я говорю всё тише и умолкаю.

— Понимаю, леди Юджин! Проходите, вам на второй этаж, по коридору налево до конца.

— Благодарю, господин страж.

Половина дела сделана.

Найти нужный кабинет труда не составляет. Отец вечный заместитель, и своего секретаря у него нет, зато секретарь обитает в соседнем кабинете. Я заглядываю в приёмную градоправителя.

И нарываюсь на неприязненный взгляд:

— Кто вас пропустил, госпожа? День неприёмный, и даже в приёмный день вы всё равно должны предварительно записаться.

Как его зовут?

Лицо смутно знакомое, но вот имя напрочь забылось.

Я много, кого забыла… Даже, как зовут Диана, вспомнить не могла.

— Я не на приём, — заверяю я. — Вы меня не узнаёте?

— Нет, — ещё более зло отвечает секретарь.

— Ничего удивительного, всё-таки меня давно не было дома. Я Юджин, старшая дочка лорда Махаона.

Секретарь хмурится, но злость гаснет, и выгнать меня он уже не пытается.

— Лорд Махаон сегодня не вышел, — заявляет он.

— Да, и я пришла объясниться за папу.

— Вот оно что? — секретарь откидывается на спинку стула и сцепляет руки в замок.

Совсем слепой надо быть, чтобы не догадаться, что секретарь с нетерпением ждёт, когда я уберусь, мои объяснения ему даром не нужны. Но я гну своё, потому что пришла я отнюдь не ради

извинений за папин вынужденный прогул.

— Сегодня утром матушке поплохело настолько, что мы всерьёз испугались и послали за жрецом. К счастью, обошлось. Но жрец почувствовал в доме тьму.

— Тьму? — переспрашивает секретарь. Я смогла его заинтересовать.

— Да, — киваю я, — Тьму. Нет-нет, не подумайте, ничего серьёзного, — и тут же опровергаю свои слова. — Жрец незамедлительно увёл отца в храм, именно поэтому отец не смог выйти на службу вовремя. Жрец сказал, что причиной могут быть сказанные в сердцах дурные пожелания людей, которым отказали.

Секретарь морщится, не верит.

— Спасибо, что предупредили, леди.

— Это не всё, — я отказываюсь прощаться.

— Да, леди?

— Из-за всех этих домашних беспорядков вчера выяснилось, что мои документы утеряны.

— Леди…

— Вы очень нас обяжете, если поможете решить проблему. Возможно, уже сегодня вечером или рано утром мне придётся сопровождать маму на лечение в столицу. Утрата документов — это одно, но если утрата документов станет

преградой к выздоровлению мамы…

Секретарь снова раздувает щёки от недовольства. Я с трудом выуживаю из закрамов памяти смутное воспоминание, как папа однажды ругался на секретаря градоправителя, обзывал его напыщенным индюком и ворчал, что с места его не сковырнёшь, потому что он ни кто иной, как дядя жены градоравителя. А папа в глазах местных столичный чужак.

Но лично я теперь подозреваю, что папа безуспешно пытался скинуть на секретаря часть своих обязанностей. Кому такое понравится?

Меня их взаимоотношения не касаются, мне нужны только документы, и я их получу. Упоминание столицы должно сработать, и оно срабатывает:

— Ожидайте, леди, — секретарь жестом приглашает меня на диван. Чай не предлагает.

Ненадолго оставив меня в одиночестве, секретарь скрывается в коридоре. Возвращается он меньше, чем через пять минут и с пустыми руками. Не обращая на меня ни малейшего внимания, он садится за свой стол и возвращается к бумагам, демонстративно погружается в работу.

Докучать вопросами я не рискую — чтобы не разозлить. Едва ли документы будет оформлять

секретарь лично, скорее всего, ограничится приказом. Собственно, я полагаю, что он отлучился, как раз чтобы отдать этот самый приказ, поэтому мне остаётся только тереливо ждать результата.

Тень притворяется безобидным бантиком…

Время тянется.

Всё ли в порядке дома? В пору послать тень на разведку, но заводить при секретаре беседы с собственной брошью чревато.

Раздаётся короткий стук, дверь открывается, и входит мой ровесник в форменном сюртуке. Фуражка задрана на самую макушку.

— Сообщаю, — с порога заявляет он, — лорд Махаон действительно проследовал в храм в сопровождении светоча, и сейчас, по словам младшей ученицы светоча, проходит ритуал очищения.

Секретарь морщится. Новостям или самому факту доклада без оглядки на меня?

— При посетителях, — морщится он.

Мальчишка захлоывает рот.

— Я рада услышать, что папе оказывают помомщь, — сглаживаю я.

— У леди Юджин утеряны документы. Вот поручение, — секретарь шлёпает на одну из бумаг печать. — Проводи леди. Кажется, господин градоправитель в ближайшее время останется без

лорда заместителя…

Улыбка, полная радостного предвкушения делает его лицо похожим на моську хомяка, узревшего горсть зерна. Щеки надуваются как два мешка.

Забрав бумагу, мальчишка пробегает текст глазами, понятливо кивает и пововрачивается ко мне:

— Леди?

— Идите, леди Юджин. Передайте мои наилучшие пожелания леди Махаон, всего доброго.

— Всего доброго, — я не обязана, но в знак уважения и признательности склоняю голову.

Мальчишка, явно из самых низовых служащих, кто-то вроде курьера, не больше, дожилается меня в коридоре:

— Леди Юджин, случайно не вы та светлая дева, которая вчера украла сердце Дерека Шрайра?

— Едва ли. Когда я уезжала, он был подающим надежды весёлым шалопаем, но сегодня, когда я увидела его утром, у меня сложилось впечатление, что вино стало его единственной страстью. Девушке не под силу затмить притягательность винограда.

— Вы слишком строги, леди.

Он открывает кабинет с многословной вывес-

кой, я не успеваю прочитать, куда именно мы пришли. Очередной стол, очередной чиновник. Настолько безлико и однообразно, что можно подумать, что кабинеты делали под копирку.

Восстановление одной несчастной бумажки оказывается той ещё историей. Мы собираем печати, пара папиных сослуживцев соглашаются подтвердить мою личность.

Через час или даже больше я, вымотанная бюрократией и осчастливленная свидетельством о рождении, покидаю администрацию.

— Леди, — мальчишка так и висит у меня на хвосте, провожает до выхода и даже на улице не отстаёт, тащится за мной, — вы точно уезжаете соровождать вашу матушку? Долгих лет ей здоровья.

— Думаю, да. Почему вы спрашиваете?

— Завтра у меня выходной, ххотел пригласить вас прогуляться по набережной, — подмигивает он.

— Боюсь, вы не хотели бы проводить время с девушкой, которая оставляет больную мать ради развлечений.

Мальчишка аж спотыкается, а я спешу попрощаться.

Только далеко уйти не успеваю. Оторвавшись

от очередного прилипалы, я оказываюсь как раз у ворот в заметно разросшийся и не особенно ухоженный парк, окружающий светлый храм. Я помню парк совсем другим, в каком-то смысле я росла вместе с парком, он только на пару лет старше меня. О, кажется, подобные мысли называют ностальгией. Нет уж, не надо мне прошлого, предпочитаю блестящее будущее. Я отворачиваюсь, но взгляд задерживается на витых колоннах, словно слепленных из чистейшего снега. Переплетение арок создаёт ажурное кружево. В красоте храму не откажешь.

— Дева Юджин! — окликает меня девчушка лет десяти.

Обитательницу храма в неё выдаёт светлая одежда.

Я вынужденно останавливаюсь.

— Смиренно слушаю, — склоняю я голову.

— Светоч услышал, что вы будете рядом с храмом и приказал мне пригласить вас войти.

От таких приглашений не отказываются.

— Слушаюсь, — я склоняю голову ещё ниже и шагаю в ворота. С тенью-брошью на лифе.

Глава 30

Дорожка вьётся под ногами, и я невольно вспоминаю тёмную тропу. Есть какое-то неуловимое сходство… Может быть, из-за разросшихся кустов, зелёной дымкой листвы закрывающих обзор? Я спокойно шагаю. Я достаточно доверяю тени, чтобы не паниковать. Думаю, у неё нет причин подставлять меня, а значит, она не позволит светлым жрецам себя обнаружить. Конечно, это лишь мои домыслы, смешанные с надеждой.

Главный вход поражает обилием декора, храм явно достраивали и зачем-то превратили в огромный мраморный торт. Девочка, заметив мою реакцию, хихикает в ладошку и приглашает меня обойти опоясанное галереей здание. Меня ждут даже не с бокового, а с заднего крыльца.

Жестом попросив меня соблюдать тишину, девочка пропускает меня вперёд.

Если честно, меня настораживает, что пройти меня приглашают с задворок, но раз тень спокойна, я иду дальше.

Жреца я нахожу в крошечной гостиной. Комнатка едва вмещает два кресла и круглый одноногий

столик. Подан чай, причём чашек почему-то три. Кто-то будет пить стоя? Странно.

Из окна открывается вид на парк, и если бы не одеяние жреца, заподозрить, что интерьер принадлежит храму, было бы невозможно.

— Светоч, — приветствую я.

— Нет нужды в формальностях, леди Юджин. Располагайтесь.

Что-то я окончательно перестаю понимать происходящее.

Жрец, словно так и надо, сам разливает чай по чашкам. Одну берёт себе, другую хватает скользнувшая за мной в комнату девчкушка. Так как кресла для неё нет, она бесстыдно забирается на подоконник с ногами, подол платься задирается, но девочка не пытается одёрнуть юбку и спрятать торчащую коленку.

Кому ещё предлагали в храме чай? Разве что королю, да и то не уверена. Если вспомнить оказавшегося в когтях Гельдернов принца…

— Как я могу, светоч?

— Леди, прошу вас, присаживайтесь, иначе я буду вынужден встать.

Что?

Только утром он корчил недовольные рожи и громко спрашивал, не померла ли леди Махаон, а

сейчас он улыбается он, и видно, даже мне видно, насколько для него непривычно это угодливое выражение лица. Рот растянут от уха до уха, того гляди уголки губ треснут от натяжения. Что с ним внезапно случилось?!

Ещё и девочка на подоконнике.

— Но…

Кажется, жрец действительно готов встать, и я делаю шаг вперёд, опускаюсь на самый краешек. Отказаться от угощения вряд ли получится, и я беру чашку, но стараюсь касаться ручки точь-в-точь как жрец. Дядя Лоуренса научил меня полезному — яд может оказаться даже на внешней стороне фарфора и проникнуть в тело через кожу.

Пробовать чай я опасаюсь, впору притвориться неловкой и выплеснуть, а для надёжности разбить чашку.

— Юджин, ты думаешь о чём-то плохом? — спрашивает девчушка. — Тебе нравится разрушать?

Я вздрагиваю.

Самообладание мне изменяет. Наверное, я даже бледнею.

— Н-не понимаю.

— Брось. Разве не ты родовое гнездо Гельдернов? Я имею в виду, ты открыла путь и из первого ряда наблюдала, как нежить крушит всё на сво-

ём пути, — она рассказывает мне это с детским непосредственным восторгом.

— Кто ты?

Я уже могу сообразить, что жрец вежлив из-за неё.

Девочка меня… пугает.

Мой вопрос вызывает у неё задорный смех. Девочка хохочет, и чашка в её руке трясётся, чай выплёскивается на светлое платье и расползается коричневыми пятнами, но она, не обращая внимания, продолжает смеяться.

Я же ставлю свою чашку обратно на стол — теперь меня не смогут упрекнуть в бескультурье, только влить отраву силой.

Жрец, мне кажется, готов и вовсе просочиться сквозь кресло, исчезнуть. Ему явно не до меня.

Девчушка перестаёт смеяться, тоже отставляет чашку, но на подоконник, спрыгивает и неожиданно протягивает мне ладошку, явно намекая на рукопожатие, абсолютно мужское приветствие.

Странно, всё очень странно и не понятно. Но и любопытно.

Я привстаю и осторожно обхватываю её маленькую ручку своей. Ответное пожатие крепкое, девочка оказывается гораздо сильнее, чем можно ожидать от ребёнка. Облик… иллюзия? Или что?

Может, девочка одержима?

— Меня зовут Кирин, Юджин. Будем знакомы.

Светлая богиня лично?!

Не может быть…

— Эм…

— Ты удивлена?

— Считаете, у меня нет повода?! — я прикусываю язык.

Разве можно подобным тоном говорить с богиней? На самом деле я вообще не представляю, как говорить с богами. Кланяться до земли? Не похоже, чтобы богиня хотела раболепия… Наверное, мне стоит вести себя относительно свободно?

Девочка с видимым интересом наблюдает за сменой выражений на моём лице, дожидается, когда я снова прямо посмотрю на неё:

— Считаю, что нет, — хмыкает она. — Хей, ты смела разрушить сладкий сон богини смерти! Ты пришла к её постели и растолкала её, как нерадивую засоню. И после этого ты можешь стесняться меня? Не верю.

Я сглатываю.

Открытие оглушило. В голове на время становится звонко и пусто. Я отчётливо понимала, что тёмная госпожа отнюдь не последняя в культе Даро, раз о ней так беспокоилась жрица, но мне

не хватало смелости допустить, что она может быть самой богиней.

Невероятно, но в то же время логично — видимо, культ Даро сдал позиции именно тогда, когда богиня угодила в сонную ловушку.

Кое-как собрав мысли в кучу, я открываю рот, закрываю. Я утыкаюсь в очередную странность. Кирин светлая. Разве она не должна испепелить меня на месте за то, что я помогла врагу? За то, что я вернула Тьме силу?

— Как меня угораздило? — запрокидываю я голову.

— Что-то не так? — она будто не понимает.

— Разве я не совершила по меркам светлых святотатство? — лучше в лоб спросить. Какой смысл молчать?

Кирин отбирает у меня чашку, смакует подостывший чай. То ли размышляет, то ли нагнетает атмосферу. На жреца и вовсе жалко смотреть. У него того гляди случится сердечный приступ. Богиня цокает и жрец, осознав тщетность надежд покинуть наше девичье общество, достаёт золотые чётки и принимается их перебирать. Бусины ритмично щёлкают, и какое-то время только этот звук слышен в гостиной.

— Я расскажу тебе две истории, Юджин. Тебе

доводилось слышать о Ларской лихорадке? Бич людей, живших семь-восемь веков назад. Болезнь вспыхивала в городе как пожар, в считанные дни заболевали почти все. Заболевшие сгорали за неделю. Но на самом деле никто не умирал. Знаешь, почему? Люди возносили молитву Тарору-Целителю, и смертельная болезнь отступала. Примечательно, что другие болезни Тарор лечил крайне неохотно. Догадалась, почему?

— Нет.

— Ларская лихорадка не была болезнью, это было проклятие, которое на город насылал один предприимчивый тёмный маг. Тарор собирал силу молитв, очень искренних молитв людей, желающих выжить, и маг снимал своё проклятье.

— Ха…

— Взаимовыгодное мошейничество в тёмно-светлом тандеме, — с улыбкой поясняет Кирин. — Тот маг своё получал. В проигрыше были исключительно люди.

— Вы намекаете, что тёмные и светлые не враги?

Кирин кивает:

— Так и есть, Юджин. А вторая история ещё проще. Десять лет назад светлого Юса объявили павшим, его храмы снесли, жрецов казнили,

культ уничтожили. Самого Юса тоже уничтожили. А вот его не слишком преданных последователей не тронули, и теперь они исправно возносят молитвы тому же Кенару. Богам нужны человеческие сердца, и за красивой идеей о путеводном свете добра прячется банальный делёж ресурсов. Тёмных преследовали, потому что день и ночь легко противопоставить. Ещё легче объявить ночь злом, обыватели поверят. Но на самом деле цвет не имеет никакого значения. Ты разочарована, Юджин?

— Нет.

— Я могу стать следующей после Юса. Игра против меня уже началась, поэтому богиня смерти для меня… союзница мечты.

— Кирин, простите, но я не понимаю, зачем вы мне это говорите.

— Твоя покровительница очень скоро, зная её характер, я не сомневаюсь, устроит праздник в честь своего возвращения. И ты непременно будешь приглашена. Я хочу воспользоваться этим шансом и через тебя передать ей моё сообщение.

Так странно слышать взрослую речь в исполнении десятилетней крохи.

— Всего лишь передать наш разговор? — уточняю я. — А почему не напрямую? Хотя, простите,

это уже меня не касается.

— Напрямую как? Ломиться в Чертоги Смерти незваной гостьей? Хозяйка едва ли обрадуется дыре в заборе. Она не примет от меня послание справедливо опасаясь за свою безопасность. Я бы тоже не приняла. Поэтому приходится искать обходные пути. Есть надежда, что тебя она хотя бы выслушает.

Тень молчит, не выдаёт своего присутствия.

За время разговора я окончательно успокоилась:

— Кирин, я готова вам помочь, но я не могу дать обещание. Я не могу обещать, что госпожа захочет меня выслушать.

— Справедливо, — Кирин кивает.

Она допивает чай и ставит чашку на подоконник и уверенно направляется к двери.

На это всё?

Однако у двери Кирин останавливается, оглядывается на меня.

— Я должна передать что-то ещё?

— Ты не идёшь? — спрашивает она вместо ответа.

— Куда?

— В знак моих добрых намерений я исцелю твою маму, Юджин. А в качестве аванса за твоё

участие… раскрою тебе некоторые семейные тайны рода Махаон. Что скажешь?

Сегодня мне везёт?

— Я скажу, что буду крайне признательна, — я ведь не совершаю ошибку?

Тень молчит.

А вдруг божественное присутствие её просто подавило?!

Кирин протягивает мне ладонь, намекая, что я должна взять её за руку. Взрослость без следа исчезает, девочка терпеливо ждёт, и как только я беру её пальцы в свои, расплывается в проказливой улыбке.

Я напоминаю себе, что, если светлая богиня захочет мне навредить, никакой отказ в рукопожатии меня не спасёт. А вот спасти маму она действительно может лучше любого целителя.

Только что она говорила про праздник? Что-то вроде званого ужина или даже бала? Воображение живо рисует облачённый во фрак скелет, торжественно приглашающий меня на первый танец.

Если бы я получила пригласительный до того, как заключила сделку, я бы отказалась. Или нет? На празднике у меня есть шанс увидеть Диана! Стоило подумать о нём, и сердце срывается в

галоп. Кирин косится на меня, и её улыбка из насмешливой становится… понимающей. Кажется, я выдала себя с головой.

— В далёком прошлом маги рода Махаон выбирали Тьму, — огорошивает меня Кирин.

Мы идём по парковой дорожке. Жрец остался в храме. Когда мы уходили, щёлкать чётками он не прекратил. Кирин увлекает меня по направлению к воротам. Она собирается пойти к нам пешком? Топать за руку со мной по улице как обычная десятилетняя девочка? Не перенестись магией?

— Ничего, что вы говорите об этом столь открыто? — морщусь я.

— Без разницы, — беззаботно отмахивается она.

Ладно…

Тогда другой вопрос:

— Что с моим отцом? Он ведь здесь, в храме?

Кирин улыбается:

— Если я скажу, что он стал жертвой на моём алтаре, ты очень расстроишься?

Глава 31

Покосившись на девочку, я снова поражаюсь контрасту её детского облика и совершенно недетской… кровожадности. А ещё светлая… Впрочем, она уже объяснила, что цветовой окрас ничего не значит, судить по нему о характере всё равно что гадать о личностных качествах по форме носа или ушей. Кирин заливисто смеётся, словно она не сообщила об убийстве, а весело пошутила.

Я пытаюсь понять, что я чувствую. Не жалость, но лёгкое сожаление. При всех моих обидах, я бы не хотела для отца подобного финала, да и детские воспоминания, как папа подкидывал меня к потолку, кружил, смеялся со мной… они живы.

— Это его судьба, — отвечаю я.

— Судьба или подстава?

Она намекает, что на проверке настояла я? Не считаю это подставой. Я выбирала между ним и мамой. Когда-то отец предпочёл мне брата. Почему я не могу поступить также?

К тому же, если мама станет вдовой, семейными делами начну заправлять я — меня устраивает.

О том, что папы больше нет, лучше не думать…

— Судьба, — твёрдо повторяю я.

— Я пошутила, Юджин. Твой отец жив-здоров, никаких жертвоприношений. Я оставила его в храме на попечение моих жрецов. Его разум… искажён тьмой. Говоря откровенно, я не думаю, что для него возможно полное исцеление.

— Приворот? — хмуро уточняю я.

— Нет… Скорее проклятье слабости ума, сейчас уже трудно определить точно. Я уверена, что такое же проклятие прямо сейчас подтачивает ментал твоего брата. Да и твой разум тоже, но это проклятие действует тем сильнее, чем больше у проклятого магии. В тебе её капли, поэтому воздействия ты почти не ощущаешь.

Я аж останавливаюсь.

И я тоже?! Но… я-то когда?

— Как удачно, что я не училась в академии…

Получается, решение папы сделать ставку на брата меня спасло?!

— Да, Юджин. Ты вообще удивительно везучая девочка, хотя едва ли ты со мной согласишься. Что касается проклятия, то оно было наложено на артефакт вашего рода, и поразило не только вашу ветвь, но всю семью, все ветви. Вы выроди-

лись за пару поколений. Без помощи со стороны так не бывает. Раскидистое дерево древнего рода способно отсечь гнилую ветвь, даже если она основная, но…

— Кто нас проклял?

— Кто-то, кто имел доступ к артефакту, разумеется, — богиня смотрит на меня чуть удивлённо, словно я глупость сморозила, но отвечает, не отказывается. — Кто-то из Махаонов по крови. А уж в чём причина предательства, разбирайся сама, если, конечно, найдёшь предателя. Извини, но возня вымирающих неудачников никогда не входила в круг моих интересов.

Мы выходим с территории храма и открыто идём через площадь.

— Кто стоял за предателем, мне тоже не спрашивать?

— Гельдерны, кто же ещё.

Не удивлена.

— И чем им помешали Махаоны?

— А самостоятельно подумать? Думать, Юджин, очень полезно. Впрочем, никакой особенной тайны нет. Гельдерны любят силу. Провозгласив себя воинами света, они не гнушаются обращаться ко тьме. Прежде всего проклятие ударило по основной ветви. Понимаешь, что происходит в

этом случае? Родовое наследие уходит в боковую ветвь. Твой брат, как маг, тоже поражён проклятием, и наследие по старшинству досталось тебе.

— Мой нерождённый ребёнок!

Я выкрикиваю излишне громко, забывшись, что мы среди людей.

Прохожие оборачиваются, и я понимаю, что совершила огромную ошибку. День в разгаре, и мне достаются женские взгляды. Слух о том, что вернулась юная леди Махаон уже прошёл. Мою реплику подхватят, и очень скоро от моей репутации не останется и следа.

Кирин именно это имела в виду, когда сказала, что я тоже под проклятием?

Краем глаза я замечаю, как немолодая женщина в старомодном чепце разворачивается. Возможно, она о чём-то вспомнила, но я уверена, что она просто собирается проследить, из какого я дома.

— Ай-ай, — усмехается богиня.

Я почти готова использовать руну рассеивания внимания, но останавливаюсь. Каждое обращение к магии делает меня капельку сильнее, нельзя. Да и своей единственный козырь использовать направо и налево тоже нельзя.

В Бездну! Репутация важна для юной леди, но

я-то мечтаю стать магом.

— Мой нерождённый ребёнок, — возвращаюсь я к теме.

— Ребёнок, зачатый вне брака, принадлежит роду матери. Брачное кольцо не просто уничтожило плод измены мужу, через ритуал Гельдерны забрали у нерождённого ребёнка наследие рода Махаон. Однако тебе удалось выжить, верно? Думаю, во время ритуала в тебе проснулось эхо наследия предков, не зря же твоего пращура ненавидели, но уважительно называли Фениксом Бездны.

— Никогда о нём не слышала… Стойте! Вы… тоже знаете, что могло бы быть?!

— Я? Нет, Юджин. Но я умею делать правильные выводы из незначительных на первый взгляд деталей. А ещё я чувствую от тебя неповторимый флёр Бездны. Не трудно догадаться, что ты смогла пройти по Тропе. Сумасшедшая…

Мы приближаемся к дому, и я задаю последний, но самый главный вопрос:

— Как снять проклятие?

— Ох, я уже думала ты не догадаешься спросить. На самом деле ничего сложного, Юджин. Подойдёт любой вариант магического очищения, выбирай на свой вкус. Сложность в том, что про-

водить ритуал придётся тебе самой, потому что наследие рода сейчас у тебя.

Я в любом случае собиралась в столицу.

— Благодарю, Кирин.

Распахнув входную дверь, я пропускаю богиню в холл и вхожу следом.

На диване, закинув ногу на ногу, устроилась папина гостья.

Она приподнимается и тотчас, разочарованная, откидывается на спинку. Думаю, не ошибусь, если предположу, что она караулит папу. Ну-ну, он в храме, как я поняла, застрял надолго. Кстати, я вполне могу выставить её взашей. Я прищуриваюсь:

— Леди, вы ещё здесь? Вы не слышали, что утром моей матери было настолько плохо, что пришёл жрец? Ваше дальнейшее пребывание здесь неуместно. До полудня извольте покинуть дом.

— Я гостья вашего отца, леди Юджин!

— В ближайшее время отец не вернётся в связи со срочными делами, поэтому решения принимаю сейчас я, и я повторюсь, покиньте дом, не вынуждайте меня обращаться к страже. Или предъявите письменное разрешения с подписью лорда Махаона.

Она встаёт.

— Лорд говорил, что его старшая дочь добра и нежна, но вы выгоняете меня на улицу… Я справлюсь, леди Юджин, но ваш отец будет в вас глубоко разочарован. Вам должно быть стыдно.

— Поторопитесь, леди.

— Недурно, — тихо хмыкает Кирин, — растёшь. Скоро будешь настоящей властной хозяйкой.

Из меня хозяйка…

Я отмахиваюсь от пустых мыслей и приглашаю Кирин в мамину комнату. Юрита здесь, развлекает маму разговором и пытается скормить ей тёртое яблоко с мёдом, но мама вяло отбивается. Я невольно смотрю на сестрёнку по-новому. Раз в ней течёт кровь Махаон, то проклятие, полагаю, ей тоже досталось?

Меня встречают настороженными взглядами. Из-за девочки в храмовой одежде.

Кирин преображается, вся её взрослость исчезает без следа, она мило смущается и словно бы пытается спрятаться за мою юбку. Она мне чем-то любопытного котёнка напоминает. Играет очень достоверно. Даже я, знающая, кто скрывается под безобидной маской, не могу уловить фальши.

Зато очевидно, что представлять девочку богиней точно не следует.

Я и раньше в книжках читала, что боги внешне не отличимы от обычных людей, увидеть это вживую… Любой, абсолютно любой, может оказаться не тем, кем кажется. А вдруг я уже ни раз их встречала, просто не понимала этого?

Интересно, кто же всё-таки Диан? А мог бы он оказаться, например, тёмным богом? Хотя нет, он же принадлежит культу Даро. Или не принадлежит?

Хах, почему я постоянно о нём вспоминаю? Возможно, мы больше вообще никогда не увидимся, а я раз за разом мысленно ставлю нас рядом.

— Леди Махаон, я принесла благословение из храма, — обращается Кирин к маме.

— Разве такое возможно? — удивляется Юри.

— Возможно, — я оттягиваю её в сторону, чтобы не мешать богине.

Кирин не приближается к постели вплотную, не совершает никаких жестов, не произносит воззваний, но её охватывает мягкий золотистый свет, будто в спальне зажглось тусклое солнышко. Света становится всё больше, он буквально затопляет комнату, но совершенно не слепит.

Я завороженно смотрю, как свет становится ярче рядом с мамой, он будто стекается к ней и впитывается через кожу. Мама приподнимается

над кроватью и вдруг по-настоящему взлетает, а одеяло сваливается обратно на кровать.

— Благословение…, — шепчет рядом Юри.

— Божественно, — соглашаюсь я.

Свет медленно гаснет, и мама плавно опускается на кровать.

Золотая дымка сколько-то ещё держится, но вскоре пропадает и она.

— Мама?!

Мы с Юри одновременно бросаемся к кровати. С одного взгляда ясно, что мама здорова — она даже помолодела и теперь в красоте и свежести превосходит папину гостью. Кажется, магия оказалась со снотворным эффектом или же быстрое восстановление слишком утомительно. Мама, не просыпаясь, поворачивается на бок.

Я аккуратно вытягиваю из-под неё одеяло и накрываю.

Оглянувшись, я вижу Юри, стоящую в дверном проёме и выглядывающую в коридор:

— Девочка из храма пропала, — поясняет сестра. — Ты видела, когда она ушла?

— Нет, не видела.

— Мы должны поблагодарить её.

— В будущем обязательно, — киваю я. — Юри, мы возвращаемся в столицу, поэтому, пожалуй-

ста, собери вещи, без которых мы не сможем отправиться. Чем меньше багаж, тем лучше.

— Как в столицу? Юджин? А… папа?

— Папа задержится в храме.

Может, зря я? Стоит ли тащить с собой несовершеннолетнюю сестру и едва вставшую после болезни маму? Только как я могу оставить их без присмотра?

Отослав Юри, я спускаюсь на первый этаж и застаю в холле прекрасную картину — папина гостья отбывает. На улице её ждёт наёмная коляска, кучер как раз перегружает дорожные саквояжи, причём их подозрительно много. Дорогая гостья случаем не прихватила столовое серебро или что-нибудь в том же духе? Впору звать стражу и требовать досмотр. Но я ведь всё равно не знаю, какие вещи наши, а какие нет. Глупости…

Фыркнув, леди одаряет меня многообещающей улыбкой и громко хлопает входной дверью.

Я остаюсь в холле одна и опускаюсь в ближайшее кресло:

— Не пора ли нам поговорить? — я следую пальцем по изгибам бантика-броши.

Тень не отказывается, и появляется передо мной в своём истинном обличии. Точнее, в обличии, которое я считаю истинным — сотканный

из чёрно-серого дыма силуэт, словно внешность, которая была у неё при жизни, безвозвратно стёрлась смертью.

Чем-то грустным повеяло… А ведь тень не производит впечатления несчастной, так что и мне нечего. Лучше уж гадать, не прячется ли под обликом тени тёмная госпожа лично.

— Леди Юджин, вы позвали меня, чтобы молчать? — шепчет тень.

— Нет, — я просто думаю, с чего начать, мыслей в голове так много, что им тесно, и они вызывают мигрень. — Скажи… наш родовой артефакт действительно проклят? Госпожа обещала защитить меня, но не упомянула о проклятье.

Возможно, я поспешила, решив, что могу на неё полагаться?

Глава 32

Шелест тени похож на шуршание песка. Она колеблется, отвечает не сразу:

— Светлая Кирин не стала бы лгать, леди Юджин. Я не знаю, почему госпожа не упомянула о проклятье. Возможно, она сделала бы это на праздновании. Мне известно, что приглашение для вас придёт несколько позже.

— Ясно…

Возможно, всё проще? Возможно, на мне проклятье ещё не проявило себя достаточно, и госпожа спросонья его просто не заметила? У Кирин преимущество — она видела состояние отца.

Разбираться бессмысленно.

Я поднимаюсь с дивана и застываю.

Ехать до столицы далеко и тяжело, терять время на тряску в экипаже ни малейшего желания.

Воспользоваться тёмной тропой? Именно к этому варианту я склоняюсь, хотя минусов больше, чем плюсов. Отбросив сомнения, я зову дочку поварихи и уточняю, что прислуги в доме, кроме неё и её матери, нет. Была горничная — пропала. Я спрашиваю про экономку. Я её помню. Добрей-

шая женщина, услужливая, но не раболепная. Когда-то она помогла родителям устроиться в непривычном для них маленьком городе, наладила быт.

— С тех пор, как полтора года назад экономка уволилась, хозяйство ведёт моя мама, — с гордостью объясняет девочка. — Раз в неделю лорд Махаон выдавал маме кошелёк, чтобы закупиться на рынке. Мама всегда нанимала носильщиков, трёх или даже четырёх!

— Ага…

Что-то мне подсказывает, что отец в домашние дела не особенно вникал.

— Да!

— А книгу учёта твоя мама тоже вела?

— Нет, леди. Мама же неграмотная, как она будет писать?

Плохо. Меня волнуют не закупки продовольствия, не суммы, осевшие в кармане кухарки, а долги. Оказавшись без денег, я на собственной шкуре очень остро ощутила, как важно, чтобы в кармане звенела монета. Поскольку мы возвращаемся в столицу, а отец застрял в храме на неопределённый срок, позаботиться о расчёте с кухаркой должна я. И с госпожой, у которой мы родители арендуют дом. Следует проплатить

вперёд или отказаться от вещей, пусть выбрасывают?

Разобраться надо до вечера, потому что терять время я не собираюсь, и я погружаюсь в хозяйственные хлопоты.

Другой бы кто-то на моём месте справился в разы быстрее и легче. К ужину у меня пухнет голова от обилия счетов и бумаг, в которые я вникла. Зато к часу, который я наметила сама для себя, я справилась!

— Дочка, это правда? — спрашивает мама за ужином, с опаской наблюдая, как я уныло вожу вилкой по тарелке, не с первого раза попадая в тефтели.

При моей любви к чтению и умению погружаться в текст — почти десять лет я провела с книгами — хозяйственные ведомости оказались чем-то совершенно иным. А ещё выяснила, что договор о найме ни с кем из слуг отец не заключал, ограничился договорённостями на словах. Вот как теперь знать, сколько и когда он последний раз выплачивал кухарке, если я даже точную сумму её вознаграждения за месяц не выяснила.

Из хорошего — у меня сложилось самое поверхностное представление о стоимости продуктов, и появилась уверенность, что векселя делают меня

не просто состоятельной, а богатой, при желании я смогу арендовать апартаменты, нанять хотя бы одну служанку…

— Мама, ты о чём? Кстати, как ты себя чувствуешь?

— Юджи, ты спрашиваешь меня, как я себя чувствую уже девяносто седьмой раз. Я считаю, да. А чувствую я себя хорошо, хотя и немного непривычно, заново привыкаю быть здоровой и полной сил.

— Я рада, мам.

Наколов кусочек развалившейся под ножом тефтели, я отправляю его в рот.

Мама чуть укоризненно вздыхает:

— Юджи, ты как и не ответила, — мягко упрекает мама. — Мы возвращаемся в столицу?

— Да, мам. Поскольку отец остаётся в храме, а твоё состояние, как выяснилось, было вызвано тёмным колдовством, мы должны сообщить обо всём главе рода. Пусть мы давно живём отдельно, но мы по-прежнему являемся частью рода.

— Юджи, я боюсь, ты будешь разочарована нашими родственниками. Глава рода давно дал понять, что мы должны справляться с любыми проблемами самостоятельно. С любыми, Юджи.

— Всё будет хорошо, мам. Я не собираюсь их ни

о чём просить.

Я собираюсь их спасти, и не без выгоды для себя.

Кажется, некоторыми идеями я заразилась от тёмной госпожи…

— Но трём леди, одна из которых ещё несовершеннолетняя, а вторая совсем юная отправляться в дальнюю дорогу одним, без мужчины, просто опасно. Леди должны оставаться дома. Юджи, даже в нашем самом хорошем районе одинокая девушка может нарваться на большие неприятности, если выйдет одна в вечернее время.

— Ага, — было, нарвалась.

Но маме об это знать не обязательно, только лишнее расстройство.

Я думаю о другом.

Единственное, что я не сделала — до сих пор не приняла решение, когда именно отправляться, прямо сейчас, после ужина или утром после завтрака. Отдохнуть предпочтительнее, но прямо сейчас проклятие продолжает подтачивать не только мой разум, но и разум Юри, брата… Остальных родственников тоже посчитаем, хотя я их и не помню, воспоминания о раннем детстве очень смутные, почти что стёртые.

— Может быть, мне поехать самой, а ты оста-

нешься с Юри? Найдём вам дуэнью…

Качнув головой, я решительно объявляю:

— Мам, у меня есть… ключ от тропы. Нам не придётся ехать, всего-то пройти как от дома до площади, и мы уже в столице.

Забудем, что тропа тёмная.

Надеюсь, мама не разбирается в подобных вещах, и не поймёт, что я говорю отнюдь не про светлый способ перемещения.

— Ох, хорошо, если так, — сомнение отчётливо читается на её лице, но похоже, что мама мне всё-таки верит.

— Мам, проверь, пожалуйста, что собрала Юри. Нам с собой прежде всего нужны документы, деньги и сменная одежда. Лишнего не брать. Отправляемся… сегодня.

— Ты уверена, Юджин?

— Да.

Мама вздыхает и больше не пытается отговаривать, за что я ей очень признательна, и вдвойне признательна, что она не отказывается отправиться со мной. Что бы я делала, если бы она сказала твёрдое нет? Ну… ушла бы я одна и просила тень остаться присматривать, а сама оказалась бы без поддержки.

Пока мама будет проверять дорожную сумку

Юри, я встречусь с домовладелицей, она вот-вот должна подойти — перед ужином я отправила к ней с запиской дочку поварихи. Я устраиваюсь в кабинете, и вскоре раздаётся стук. На пороге появляется госпожа Рушен. Я её узнаю и не узнаю одновременно. Она постарела, стала седой, начала горбиться, но взгляд по-прежнему полон жизни.

Улыбнувшись, я поднимаюсь из-за стола в знак уважения, первой здороваюсь и даже формально приношу извинения за то, что вынудила почтенную даму прийти в столь поздний час.

— Леди Юджин, уверена, что у вас была веская причина. Сегодня город бурлит слухами не самого приятного толка, — она говорит спокойно, без упрёка, без жадного любопытства.

— Жрецу удалось установить, что болезнь моей мамы вызвана тёмным колдовством. Отец останется в храме, и я не знаю, как долго будет длиться очищение. Поскольку маме всё ещё требуется восстановление, мы обратимся к лекарям в столице. Я знаю, что аренда оплачена на два месяца вперёд. Я прошу вас закрыть дом на этот период. Разумеется, я надеюсь, что отец сможет вернуться домой раньше.

Что будет, когда аренда закончится, меня сей-

час мало волнует. Мы либо вернёмся и внесём очередной платёж, либо заберём вещи, либо… оставим их. На всякий случай я пишу разрешение через два месяца раздать наше имущество в пользу нуждающимся, а предметы роскоши продать и деньги пожертвовать храму Кирин.

— Ваши слуги, леди?

— Не могут оставаться в доме в наше отсутствие, госпожа. Я прошу вас взять заботу об этом на себя.

— Сделаю, леди. И позволю себе заметить, что слухи за пару месяцев не утихнут, наше скромное провинциальное общество вас больше не примет.

— Спасибо за предупреждение, госпожа, но сейчас меня волнует только здоровье мой матушки.

— Похвально, леди Юджин.

Домовладелица прощается, и я откидываюсь на спинку стула. Вроде бы ничего не забыла? Самое главное со мной — я тянусь к вороту и нащупываю подаренный мамой кулон. Внутри вставлено крошечное зеркало, а в зеркале спрятана… бусина крови Диана.

— Мы готовы! — в кабинет влетает Юри, и следом появляется мама с сумкой, на вид довольно тяжёлой. Что они туда набили?

— Отлично! Дайте мне пять минут, и отправляемся.

Свои вещи тоже нужно взять.

Мама отходит к окну, замирает. Мне не нравится выражение её лица, и я выглядываю из-за её плеча. К крыльцу, шатаясь, тащится Дерек. Из кармана торчит горлышко бутылки. Ну, с ним всё понятно.

— Юджин, — останавливается он посреди проезжей части и орёт во всё горло. — Красотка, выходи!

— Пфф!

— Юджин? — обеспокоенно спрашивает мама.

— Даже если он проломит дверь, мы уйдём раньше, не беспокойся.

— Но твоя репутация…

— Давно испорчена, — хмыкаю я. — Всё, я быстро.

Я беру только ценное и одежду, чтобы хватило пару раз сменить. Остальное — приятные излишки, без которых можно обойтись.

Не хочется мне показывать, что именно я сделаю, но, увы, я не могу начать с руны рассеивания внимания, нельзя допустить, чтобы мама или Юри оступились на тропе. Остаётся надеяться, что они просто не поймут.

Я быстро вывожу цепочку рун.

— Юджи, разве ты не говорила, что у тебя ключ? — удивляется мама.

— Ключ, — соглашаюсь я. — Магический.

— А-а-а…

Не ложь, но близко, ведь я преднамеренно ввожу их в заблуждение.

— Юджин! — даже из кабинета слышно, как Дерек пинает входную дверь.

Пространство расходится, из разрыва вытекает серый туман.

— Юджин? — мама настораживается.

Я вывожу руну очищения и блокирую её сдерживающей руной, чтобы следы Тьмы подчистились сами собой минут через пять-десять после нашего ухода. Вроде бы учла всё, тень ничего не подсказывает, и это внушает надежду, что я не совершаю фатальных ошибок.

Обернувшись к маме, я спокойно объясняю:

— Это не светлый прокол, а немного другой способ перемещения, но он такой же надёжный, я им уже пользовалась. Просто крепко держитесь за меня и не сходите с тропы, хорошо? Идём, нас ждёт столица!

Юри подхватывает энтузиазм и крепко вцепляется в мою руку. На плече висит сумка, и я

поправляю ремешок, ловлю маму под руку и уверенно шагаю вперёд, на тропу. Серое марево лениво колышется в нескольких шагах от нас, оно скрывает окружающее пространство и в то же время скрывает нас от живущих в тумане теней. Юри испуганно икает, и я крепче сжимаю её пальцы.

— Всё хорошо, — шепчу я. — Идём спокойно, тихо. Здесь не очень гостеприимно, но не обращай внимания.

— Д-да…

Мама бледна, молчит. Встретив мой взгляд, прикрывает глаза в знак, что она в порядке.

Тропа стелется под ноги. Изнанка равнодушно пропускает нас, но некоторым бесплотным призракам всё же удаётся почуять наше присутствие, и до нас доносятся их стоны, вздохи. Юри заметно боится, я чувствую, как она дрожит и вздрагивает от далёкого воя. Мама тоже боится, но не так явно, ради нас, ради Юри мама старается держать себя в руках и не показывать страх.

Я прибавляю шагу. Потерпеть осталось совсем чуть-чуть, и забрезжит просвет, означающий, что мы дошли.

К вою прибавляется заунывные отзвуки потревоженных струн. Мелодия набирает силу, и на

тропу выходит знакомый менестрель-нежить. Встреча не может быть случайной, он здесь из-за нас. Из-за меня.

Глава 33

Отпускать Юри нельзя, а маму нежелательно.

Прощай надежда объяснить переход магией, не упоминая тьмы.

Я крепче сжимаю Юри за руку и одновременно склоняю голову:

— Открытых дорог Певцу, — произношу я ритуальное приветствие.

— Счастливой дороги, прекрасная леди. Приветствую, леди Махаон, леди Юрита.

А меня не по имени, хм…

Юри полузадушенно всхлипывает, и, извинившись перед менестрелем, я поворачиваюсь к Юри:

— Что случилось?

Жутковато, согласна. Но ведь я спокойна. Она мне не доверяет, или я слишком много хочу от маленькой девочки? Я не боюсь, потому что пережила по-настоящему страшную трагедию. Скелет он и есть скелет.

— Ч-череп, — шепчет Юри, вжимаясь всем телом в мой бок.

Плащ скрывает тело менестреля, и только ка-

пюшон сдвинут назад и открывает взгядам лицо Певца.

— И что? — вздыхаю я. — Юри, у тебя под кожей тоже есть и череп, и другие кости, но это же не повод тебя бояться, верно?

Наверное, я сказала что-то не то? Почему Юри вдруг бледнеет?

— Юджи, — выдыхает мама интонацией, полной недоверия, словно не верит, что я действительно сказала то, что сказала.

Я их игнорирую:

— Господин Певец, — снова склоняю я голову.

Со скелетом, способным сокрушать чужие храмы простым перебором струн лучше быть вежливой. Впрочем, я к нему отношусь с искренней симпатией — тёмные показали, что умеют быть благодарными.

Тень, мирно сидевшая у меня на лифе в виде брошки-бантика вытягивается и чёрной лентой ускользает вперёд. Менестрель чуть поворачивает череп к ней, и тень самым буквальным образом ввинчивается ему в голову через височную кость, где по идее должен располагаться слуховой проход. И с противоположной стороны тень вытекает. Собравшись чёрно-серым облачком она встряхивается, напоминая выпрыгнувшего из

речки мокрого пса. А затем тень возвращается ко мне и как ни в чём не бывало сворачивается бантиком.

Струны отзываются на касание нежным перезвоном, и я чувствую, как и мама, и Юри расслабляются, приваливаются ко мне, но уже без прежнего напряжения. А мелодия напоминает колыбельную…

— Так обеим леди будет спокойнее, — объясняет менестрель. — Леди, я даю слово чести, что до этого момента мне ничего не было известно о лежащем на роде Махаон проклятье. Признаться, сейчас, всматриваясь, я тоже ничего не могу определить, но я не специалист по проклятьям, я скромный слуга струн.

— Могу я попросить вас передать госпоже послание от светлой Кирин? — он и без моей просьбы отчитается обо всём, что показала ему тень, но проявить инициативу правильно.

— Леди, у вас будет возможность выполнить просьбу светлой Кирин, — отказывается он.

Уверена, он всё равно передаст.

— Да, — киваю я.

— Я здесь, чтобы от имени госпожи пригласить вас, прекрасная леди, на праздник в честь пробуждения Смерти.

Думаю, меня спрашивают не столько о празднике, сколько готовности и дальше поддерживать отношения с тёмными.

Прошлая жизнь научила меня, что использовать и предать может любой. Втором же уроком, который я усвоила, было осознание моей слабости. Пытаясь противостоять Гельдернам, я лишь ускорила бег событий. Но всё же жива я, а не они.

— Быть приглашённой госпожой честь для меня.

Увижу ли я на празднике Диана?

Менестрель вежливо кланяется и протягивает мне обычный белый конверт из плотной, явно очень ценной бумаги. Чтобы забрать, надо отпустит либо Юри, либо маму. Обе они сонно затихли, вроде бы не опасно. Да и менестрель, надеюсь, не позволит им пострадать.

Я отпускаю маму и забираю конверт.

— С нетерпением жду, когда наши дороги сойдутся вновь, прекрасная госпожа.

— Благодарю. Я также жду.

Менестрель отступает на шаг, он словно тонет густой туманной стене. Долю мгновения в серой мути ещё угадывается его силуэт, но вскоре всё исчезает, стихает перезвон струн.

Я прячу конверт в сумку и хватаю маму за руку.

— А? Что? — она будто просыпается.

— Идём, — мягко улыбаюсь я.

Юри тоже просыпается, недоумённо оглядывается. Я их отвлекаю, тяну вперёд, и вскоре наконец в тумане появляется просвет. Я замечаю, что призраки больше не воют и не вздыхают. Менестрель прогнал их музыкой? Или, скорее, тоже успокоил.

— Юджи, что это за магия такая? — растерянно спрашивает мама.

— Ты о тропе? Магия перехода.

Я не лгу, просто снова не уточняю, что это магия, замешанная на тьме.

До просвета всего ничего, каких-то десяток шагов. В спину долетает пробирающий до костей вой, которого мне ещё на Изнанке слышать не доводилось. Кто-то… жуткий. Кто-то, как мне кажется, почуявший тропу.

Я считала, что тропа безопасна. Но, может быть, правда в том, что о тех, кто на ней сгинул, просто ничего не известно?

Лучше о таком не думать и шагать быстрее.

Пространство расходится, и мы оказываемся на улице, где располагается столичный особняк рода

Махаон, благо адрес я подсмотрела в документах, которые разбирала в кабинете. Я вывожу руны очищения одну за другой — на место разрыва пространства, оно уже схлопнулось и видимых следов тёмоного присутствия нет, на маму, на сестру, на себя.

— Юджи, ты уверена в том, что делаешь? Это выглядит очень нехорошо.

— Уверена. Мам, лучше скажи мне. Ты что-нибудь слышала о родовом артефакте Махаон?

Нам нужно постоять, дождаться, когда руны подействуют.

— Что ты имеешь в виду, Юджин?

— Я помню, что однажды по какому-то поводу, когда мы ещё жили в столице, артефакт выносили в большой зал. Почему он хранится здесь, в обычном доме, а не в наших родовых землях?

Они у нас вообще есть?

Хороший вопрос, ага.

— Мы неподалёку от родовой резиденции, — объясняет мама, оглядевшись и указав на какой-то шпиль. Мне ориентир не знаком, поэтому я доверяюсь её словам.

— Я не о том, мам. У Гельдернов в столице тоже есть родовая резиденция, но их земли, их настоящее логово располагалось где-то… в лесу, в диких

местах, вдали не то что от городов, от деревень.

— Не знаю, Юджи…

Род Махаон древний, пожалуй, один из древнейших. Особняк, которому не больше трёх-четырёх столетий может считаться родовой резиденцией, но никак не родовым гнездом. Глава рода ухитрился потерять земли? Но такое не могло произойти без шума…

Неужели я выжила только для того, чтобы сдохнуть под горой документов, которые мне придётся разбирать?

Ещё ведь не поздно повернуть обратно и пройти ритуал отречения крови, разорвать связь с артефактом. Брат, узнав что мама в столице, будет вынужден навестить нас, и руна сна уго уложит, я проведу ритуал и для него, а, когда брат протрезвеет от проклятия, объяснить, что и почему я сделала.

Бросить дальних родственников из-за нежелания проходить через бумажные скучные трудности? Когда-то никто из них не пришёл на помощь ко мне, но у них уважительная причина — вызванная магией слабость ума. А я… А мне нравится моя фамилия, вот! Чтобы сохранить её, стоит немножко постараться.

Я дожидаюсь, когда руны очищения выдохнут-

ся и погаснут, прислушиваюсь к ощущениям. Вроде бы следов не чувствуется, но не с моими зачаточными способностями судить. Я закидываю обе сумки на плечо.

— Идёмте.

— Дочка, тебе же тяжело!

— Нормально.

Здесь недалеко. Правда, смотрю я на таблички с адресом, а не на архитектуру. Улица вроде бы знакомая, но воспоминания настолько далёкие, что я смотрю на окружающие меня здания как в первый раз. Юджи глазеет с любопытством, а вот мама гораздо сдержаннее. Похоже, не ждёт от встречи с главой рода ничего хорошего. Я утешающе напоминаю, что деньги на оплату гостиницы у меня есть.

Нужный особняк ничем особенно не выделяется, но я всё же отмечаю, что клумбы перед входом выглядят убого, если сравнивать с цветущими вазонами, выставленными у соседей. Листва чуть пожухла, и в просветах видна корка ссохшейся почвы. Цветы забывают поливать вовремя, и они вянут.

Как жаль.

Я поднимаюсь на крыльцо и, не снимая с плеча дорожных сумок, уверенно бью висящим на це-

почке молоточком по металлической пластине трижды. Раздаётся приглушённый строеннный гул, и вскоре двери распахиваются. На пороге нас встречает немолодой мужчина в униформе высокорангового слуги. Дворецкий? Я была слишком маленькой, чтобы его запомнить, а десять лет у Гельдернов ещё больше размыли воспоминания о ранних годах.

Дворецкий замечает маму, узнаёт:

— Леди Махаон? И, полагаю, юные леди вашей ветви? — он отступает и приглашает нас в вестибюль.

На пороге не держит — уже хорошо. Но радоваться рано. Если бы дворецкий оставил нас ждать ответа на улице, то прежде всего пострадала репутация дома. Я всматриваюсь в лицо мужчины, изучаю. Почему я решила, что он не молод? Возраста добавляет печать усталость, а так ему лет тридцать пять или тридцать семь, не больше.

Я сразу же опускаю сумки на пол и прохожу к дивану. Мама и Юри следуют за мной. Они явно смущены, а я лишь требовательно смотрю на дворецкого, но реакции не получаю. Что же…

— С кем я беседую? — холодно спрашиваю я, глядя поверх его головы. Я стараюсь подражать

герцогине.

— Прошу прощения, леди. Я Гведо, старший лакей. К вашим услугам.

Для слуг есть боковое крыльцо. Тех. кто идёт с парадного крыльца, встречает дворецкий. Мы прибыли пешком, поэтому нас проигнорировали или он по веским причинам не мог выйти?

— Прекрасно, Гведо. Доложи главе рода о нашем прибытии, а также о безотлагательном деле, о котором мне необходимо ему доложить.

— Сожалею, леди, но это невозможно, — Гведо склоняет голову. — Глава рода болен и никого не принимает. Его состояние… тяжёлое.

— Гведо, мне действительно нужно подсказывать, что в таком случае доложить о нашем прибытии следует наследнику главы, принявшему на себя выполнение обязанностей?

— Нет необходимости, леди. Я сожалею, но наследник приказал провожать представителей боковых ветвей в гостиницы. Независимо от повода, встреча не состоится.

Мама и Юри ещё больше теряются. Мама и вовсе берёт меня за руку и порывается что-то сказать про то, что лучше уйти. Я её просто игнорирую. Моё внимание полностью сосредоточено на Гведо. Такое впечатление, что он сожалеет ис-

кренне, но он всего лишь слуга без права голоса.

Если он предан роду и не подвержен проклятию, то ему, вероятно, очень больно смотреть на то, как мы вырождаемся. Увядаем подобно цветку.

Но я не цветок, я бабочка, и я возрождаюсь.

— Вот как? — ухмыляюсь я. — Стало быть наш наследник сошёл с ума?

— Юджин! — охает мама.

Мои слова недопустимы, но сегодня случай особый.

Я снимаю брошь-бантик и сажаю на лиф маминого платья. Она широко распахивает глаза. Я запоздало догадываюсь, что после ухода менестреля ни мама, ни Юри не были особенно взволнованными, словно встреча со скелетом и превращение безобидного бантика во что-то устрашающее и обратно показались им сном. А теперь я напомнила.

— Мама, Юри, подождите здесь?

— Но леди! — восклицает Гведо.

Я оборачиваюсь с лёгким интересом:

— Вы собираетесь меня остановить, Гведо?

— Леди, я действительно не могу вас пропустить. Возможно, вы изложите суть вашего дела на бумаге и я передам…, — предлагает, а сам

счастливым не выглядит. Вероятно, за инициативу ему достанется от наследника, но всё равно пытается и мне помочь, и удержаться в рамках приказов.

— Он прочтёт или сразу выбросит?

Гведо опускает голову с таким виноватым видом, словно это он лично выкинул бы мою записку. Я не обращаю внимания и уверенно направляюсь вглубь дома. Я полагаюсь не столько на память, сколько на общее представление о храмах. Ритуальные залы строятся по тем же принципам. А где искать артефакт, как не в ритуальном зале? Думаю, я могла бы его почувствовать. Если бы меня оставили в покое.

Следующий за мной по пятам Гведо… раздражает.

— Леди, клянусь, я не хочу этого, но мой долг велит остановить вас!

Может, усыпить его?

Я не хочу тратить силы, но дело не только в этом. Я боюсь использовать магию поблизости от родового артефакта. Кто знает, как он отреагирует. Не хочу внезапно превратиться в пускающий слюни овощ, это будет по-настоящему нелепо.

— Что за шум?

— Мой лорд!

Судя по обращению Гведо, наследник рода, исполняющий обязанности главы всё-таки снизошёл до меня.

Глава 34

Только вот я до него снисходить уже не собираюсь и уверенно иду вперёд, а Гведо наоборот бросается к наследнику и начинает бурно объяснять, что я леди из боковой ветви и требовала срочную аудиенцию… Дальше я не слушаю, полностью концентрируюсь на своих ощущениях, но краем сознания всё равно поражаюсь слабоумию, поразившему кузена. Слушая Гведо, кузен напрочь забыл обо мне. И лишь выслушав доклад, он вспоминает обо мне:

— Эй, куда!

— Мой лорд!

Не оборачиваясь на топот, я останавливаюсь перед дверью. Замок выполнен в форме головы орла, так считается, но теперь я склонна думать, что вижу голову феникса. Клюв широко открыт, и, чтобы отпереть зал, нужно погрузить руку внутрь, и либо дверь гостеприимно распахнётся, либо клюв феникса защёлкнется. Нет, он не оттяпает кисть, он всего лишь впрыснет в кровь смертельный яд и будет держать жертву до тех пор, пока не вмешается кто-то из главной линии

Махаон.

По идее самовольно войти я не имею права, защита не должна меня пропустить, но я бестрепетно вкладываю ладонь в клюв железной птицы.

— Не знаю, как тебя там… Кузина, ты поплатишься за свою дерзость!

Я полагаюсь на слова богини о перешедшем ко мне родовом наследии.

Очень рискованно…

Раздаётся щелчок.

Я безвредно освобождаю руку, дверь открывается.

— Эй, кузен, как тебя там, где родовой артефакт? — я бы и сама нашла, но зачем напрягаться, когда можно получить готовый ответ.

Только вот все мои слова наследник пропускает мимо ушей.

— Как это возможно?! — спрашивает он, указывая на подчинившийся мне магический замок.

Он поворачивается ко мне, открывает рот, закрывает и, подскочив к замку, приседает на корточки, заглядывает фениксу в клюв.

— Эм, друг, а ты не боишься лишиться глаза? — он же совсем ку-ку.

Но парень не слышит и лезет в клюв пальцами,

что-то бормочет про поломку.

Гведо переминается с ноги на ногу.

Я прохожу в зал. Наследник больше не пытается меня остановить. Если я правильно поняла, он “чинит” замок, то есть тщетно пытается раскурочить.

В зале смутное ощущение, будто усиленное отражённым стенами эхом, превращается в зов. Взгляд тянет как магнитом, но, когда я нахожу то, что ищу, я не могу поверить своим глазам. Они серьёзно? Нет, я понимаю, что мозги у них спеклись. Но не до такой же степени! Ларец с артефактом даже на алтаре не стоит. Он небрежно оставлен прямо на полу, словно кто-то хотел убрать ларец в тайник, но не дошёл до двери сокровищницы, забыл, куда шёл, поставил непонятную коробку прямо там, где его настигла забывчивость, и ушёл из зала. Слой пыли намекает, что в зал не заглядывали очень давно.

Мне же легче.

Я поднимаю ларец, отношу к алтарю, ставлю — алтарь прекрасно заменит стол.

Крышка надсадно скрипит.

— Эй! — бросив ковыряться в клюве у феникса, наследник вскакивает. — Что ты делаешь, жить надоело? Прикасаться к родовому артефакту

может только тот, в ком есть не просто кровь Махаон, а хоть капля родового наследия!

Для разнообразия он решил меня предупредить? Всплеск раумности, не иначе.

— Дружище, как, по-твоему, я могла открыть дверь, если бы во мне не было наследия, а?

— Я не понимаю о чём ты, но немедленно прекрати, потому что с родовой защитой шутки плохи. Она действительно может тебя покалечить или даже убить.

Он торопясь идёт ко мне.

И при виде содержимого ларца замирает как вкопанный. Я тоже… шокирована. Артефакт представляет из себя разлапистую семиконечную звезду с загнутыми вверх лучами, каждый из которых венчает крупный, размером с перепелиное яйцо, кристалл, цвета по радуге от красного до фиолетового. Артефакт позолочен и усыпан мелкими драгоценнцми камнями, тоже разноцветными — рубины, сапфры, бриллианты, изумруды.

И всё это великолепие опутано дурно пахнущими нитями грязной плесени.

— Ну что, наследничек? Почему у тебя родовой артефакт в таком состоянии?

— А-а-а… Не знаю. Но это, наверное, плохо?

— “Наверное”?! Что именно? Что он в таком состоянии или что ты не знаешь?

Парень тяжело вздыхает:

— И то, и то.

Кузен небезнадёжен?

Я осторожно, через подол, чтобы не прикасаться к плесени руками, вынимаю артефакт из ларца, и тот сразу же разваливается на части. Я с интересом осматриваю деревяшки. Похоже, ларец сам по себе был артефактом и прежде всего проклятье разъедало именно его, ничем иным чёрные пятна гнили не объяснить.

Восстановить ларчик едва ли удастся, но это не моя забота, а магов. Если они у нас остались.

Кстати! А куда уходили души предков? В Чертоги Белогорья или в Чертоги Смерти? Или ещё в какие-нибудь Чертоги? Надеюсь, госпожа не откажет одолжить мне души предков на некоторое время?

— Брат, что это за девица рядом с тобой в ритуальном зале? Только не говори, что ты внезапно решил жениться! Совсем с ума сошёл?

Цокая каблуками, к нам присоединяется кудрявая леди с бантом на голове, размером с саму голову. Кто бы говорил про сумасшествие… Хотя, если действие проклятия на эту леди проявляется

только в одежде, то можно лишь порадоваться.

— Мей, ты знаешь, что случилось с артефактом?

— Светлые боги! — восклицает она, увидев в каком печальном состоянии звезда.

— Ага, Бездна, — соглашаюсь я с ней. — Я Юджин, боковая ветвь.

— Мейджин, — представляется она. — Полагаю, в такой момент мы можем быть не слишком формальными?

— Разумеется, — соглашаюсь я.

Артефакт надо очистить, и чем быстрее, тем лучше. Я боюсь, что проклятие может “полыхнуть”. Во-первых, его больше не сдерживает остаточная сила ларца, а, во-вторых, мы, трое, слишком близко, можем спровоцировать. Мне доводилось читать, как проклятие, точившее жертву больше десяти лет, “полыхнуло” и убило за день.

Словно подтверждая мои худшие опасения, одна из нитей лопается.

Зрители совершенно лишние, но я смиряюсь с чужим присутствием и вывожу мою коронную руну очищения. Сил у меня мало, и вывожу я руну на на плесени, а прямо на артефакте. Пользуясь родовой связью, практически вдавливаю

руну в сердцевину артефакта. Я не уверена, что делаю правильно, но по-другому у меня точно не получится.

Не представляю, какой силы должен быть маг, чтобы избавиться от проклятия, почти уничтожившего древний род. Просить ни светлую Кирин, ни тёмную госпожу я не стану — я упаду в их глазах, если попрошу о том, с чем могу разобраться самостоятельно. Их одобрение слишком дорого стоит, чтобы его терять.

Я не столько очищаю артефакт, сколько пытаюсь заставить его очиститься самостоятельно. Или, как минимум, дать энергию для работы руны.

Звезда окутывается тусклым золотистым свечением, оно едва проступает среди плесневой грязи. Подсвеченная, плесень выглядит ещё отвратнее.

Я чувствую, как артефакт откликается. Сияние мерцает, со стороны кажется, что оно готово погаснуть. Неужели слишком поздно? Неужели, чтобы избавиться от проклятия, придётся избавиться от артефакта? Может, провести ритуальное “убийство” плесени?

— Леди, я чем-то могу помочь? — наследник приятно удивляет.

Свет гаснет резко, будто свечу задули. Мей за

моим плечом вскрикивает. Звезда начинает чернеть.

— Обугливается? — хрипло спрашивает наследник.

— Не похоже… Это плесень потемнела.

И начинает разбухать, расползаться, опутывая звезду чернотой.

Мей протягивает руку с зажатым в пальцах платком. Наследник несильно шлёпает её по руке:

— Кто из нас с ума сошёл?!

А ведь Мей ужасно глупо, но всё же пыталась сделать что-то хорошее…

— Прости, — выдыхает она и тотчас набрасывается на меня. — Что вы сделали с артефактом?! Извольте объясниться!

Её выкрик тонет во вспышке ослепительного сияния и сливается с моим криком, потому что магии слишком много. Я теряю ощущение опоры под ногами. Сияние вопреки ожиданию боли, не причиняет мне вреда. Я чувствую, как незримыми крыльями раскрывается родовое наследие, как сила артефакта восходящим потоком наполняет крылья, и я парю в сияющем нигде.

Я всё-таки не бабочка.

Я феникс!

Я… лежу на полу рядом с алтарём. Нога прижата чем-то тёплым, и я пытаюсь освободиться. Наследник сдавленно охает, и я понимаю, что это он на меня свалился, а я прошлась каблуком ему по рёбрам. Я приподнимаюсь на локте и оглядываюсь на Мей. Она лежит на спине, глаза закрыты, дыхание слышится. Ресницы дрогнули — приходит в себя.

— Что случилось? — первым, держась обеими руками за затылок, садится наследник.

— Магия, — уверенно отвечаю я.

Мей, тихо застонав, открывает глаза.

— Как ты? — он тотчас переключается на сестру.

Голова тяжёлая, как будто к затылку подвесили гирю. Слабость какая-то, лёгкая тошнота, и невыносимо чешутся лопатки. Я пытаюсь изогнуться и поскрести ногтями спину.

Наследник помогает подняться Мей, а затем как само собой разумеющиеся очень естественным жестом подаёт руку мне. Я опираюсь на его ладонь, и он буквально вздёргивает меня с пола, на долю мгновения даже иллюзия полёта чудится.

— Леди, вы в порядке? — спрашивает Мей. — Светлые боги, что…

Звезда исчезла. Вместо артефакта на алтаре

лужа расплавленного золота.

— Это..., — наследник тоже не может подобрать слов.

Он протягивает руку и тотчас отдёргивает. Золото прожигает алтарь и стекает на пол. Наследник реагирует первым и оттягивает меня в сторону. Чуть не обожглась... Золото вроде бы остывает, темнеет. Я замечаю блеснувший и тотчас утонувший изумрудно-зелёный кристалл.

Мы всё-таки потеряли родовой артефакт? Связь пока сохраняется, я чувствую исходящую от получившегося "блина" магию.

— Подождите, — внезапно подаёт голос Мей. — Наш родовой артефакт был проклят и... никто из нас не заметил?!

— Угу.

— А вас, Мейджин, не смущает, что наш род почти выродился и почему-то тоже никто не замечает? Но мы обязательно возродимся.

Артефакт словно слышит меня и отвечает. У "блина" вытягиваются семь отростков, лучи звезды вылепляются прямо на глазах и знакомо выгибаются, имитируя зубцы короны. Только надеть артефакт как диадему едва ли получится — дно цельное и плоское. По всей поверхности хаотично всплывают драгоценные камни. Рису-

нок новый, но узнаваемый. Только кристаллов, венчавших лучи пока нет, но и они возвращаются. Вершины лучей раскрываются подобно бутонам цветков, открывают кристаллы, вновь выстроившиеся по цветам радуги.

Я наклоняюсь, осторожно поднимаю артефакт с пола. Он всё ещё горячий, но не обжигает. Хотя нет, пальцам становится больно, и я торопливо опускаю артефакт на алтарь, дую на подушечки указательного и большого пальцев. Кожа покраснела.

— Проклятие снято? — Мейджин пытается по моему примеру коснуться артефакта, но у неё не получается, как не получается и у наследника.

— Снято, — киваю я.

Без сомнения.

Мей трёт виски.

Наследник снова пытается коснуться артефакта, снова отдёргивает руку, хмурится.

— Леди, вы сделали то, что может сделать только один человек в роду, а именно… глава.

— Да, — смысл лгать? — Насколько я поняла, проклятие сильнее всего било по основной ветви и по магам. Я не маг, силы у меня крохи. И родовое наследие перешло ко мне.

Возможно, отказываясь от боковых ветвей,

глава рода таким образом пытался нас спасти? Неудачно, но всё же пытался?

— Вот как.

Едва ли дорогие родственники, привыкшие считать себя хозяевами, обрадуются перераспределению…

Глава 35

Мей и наследник переглядываются, хотя вряд ли его можно продолжать называть наследником. Кому перейдёт наследие, если со мной вдруг что-то случится? Полагаю, что Юрите? Мей сжимает губы в тонкую полоску, отступает на шаг. Во взгляде появляется ожидаемая враждебность.

— Тебе следует быть благодарной за то, что леди спасла нас всех, — осаживает её парень. — Если ты успела забыть, какая участь нас всех ждала, навести отца.

Она бледнеет, отшатывается.

Парень продолжает сверлить её взглядом, и Мей сдаётся:

— Простите, леди. Я неправа.

— Если бы права на мой дом заявил дальний родственник, которого я впервые вижу, я бы тоже не радовалась. Всё в порядке. Проблема, леди Мейджин, не в том, что я оказалась главой. Проклятие мало снять. Насколько мне удалось выяснить, оно вызывало слабость ума. Повреждённый разум не восстановится сам по себе только потому что проклятие исчезло. Если представить, что я

ради вас отрекусь от новообретённого статуса, то нет никакой уверенности, что артефакт примет вашего брата или вас, а не перейдёт к другой боковой ветви.

— Простите, — повторяет она уже более осмысленно, враждебность гаснет.

А несостоявшийся наследник — вот уж сюрприз — опускается передо мной на одно колено:

— Я, Дариан Махаон, клянусь вам, леди Юджин, служить как главе моего рода, с честью, верно и преданно, из всех моих сил и до конца моих дней, — он ловит мою руку и прижимает пальцы ко лбу.

— Во благо рода я принимаю твою клятву, Дариан.

Мей закатывает глаза, но ничего больше не говорит.

Точнее, говорит, но сугубо по делу:

— Леди Юджин, я распоряжусь подготовить для вас комнаты. Я прошу вас согласиться на свободные апартаменты. Комнаты главы рода сейчас занимает наш отец, и его состояние… Я действительно опасаюсь беспокоить его переездом.

Должна ли я настоять?

— Приемлемо. Надеюсь, вашему отцу скоро станет лучше.

Хотя это маловероятно. Уж если про моего светлая Кирин сказала, что полное восстановление невозможно…

— Спасибо, — кивает она.

— Леди Мейджин, я попрошу вас также взять на себя заботу и устроить мою маму и мою сестру.

— Я не против, если вы будете звать меня просто Мей. Всё же мы не чужие… теперь.

— Тогда для тебя я Юджин, можно Юджи.

— Я помогу сестре? — предлагает Дариан.

Едва ли ей действительно нужна помощь. Дариан лишь находит тактичный предлог, позволяя мне остаться наедине с артефактом. Звезду следует убрать, и это моя одновременно и привиллегия, и обязанность.

Ларца больше нет, и замены не предвидится.

Как только дверь захлопывается, я прислушиваюсь к ощущениям. Тот, кто забыл ларец на полу, явно собирался спрятать его в тайнике, и мне нужен этот тайник. Направление я приблизительно знаю. Я поворачиваюсь лицом к стене.

Линии защиты послушно откликаются, и на миг перед глазами появляется очень странная контурная картинка. Я с трудом понимаю, что вижу расположение защитного узора в пространстве.

Если приложить ладонь к ничем не примечательному участку стены и мысленно надавить, то… ничего не происходит. Не с первого раза мне удаётся разобраться, что нужно не просто обращаться к родовому наследию, а представлять распахнувшего крылья феникса.

Плита отъезжает в сторону, однако ниша по-прежнему перекрыта. Замок точь-в-точь такой, как на двери ритуального зала. Я погружаю руку в раскрытый бронзовый клюв. Впрочем, насчёт бронзы я не уверена. Замок открывается.

На всякий случай, прежде, чем спрятать звезду, я её внимательно осматриваю — вдруг плесень всё-таки уцелела? К счастью, ничего похожего. Я опускаю звезду в нишу, но запереть тайник не успеваю. С луча, увенчанного фиолетовым кристаллом срывается вспышка света, и у меня перед глазами появляются чужие лица, десятки незнакомых лиц. Почему-то хорошо видны лица девушек, а лица мужчин полустёртые.

Знакомые лица в видении тоже появляются — Юрита, отец, брат, Мей и Дариан. У папы размылся контур головы, видение расползается в неопрятную кляксу там, где должен быть висок. Лицо Дариана испорчено меньше, но всё равно оно блёклое.

Артефакт показывает, кого и насколько сильно затронуло проклятие? Леди, не обучавшиеся магии, пострадали меньше и оттого их лица чётче.

Так…

Мы потомки Феникса, вышедшего из самой Бездны, так? Возрождаться для нас естественная способность. Почему я должна принимать на веру суждение светлой Кирин? Семь разноцветных кристаллов буквально напрашиваются использовать их как палитру красок, и я мысленно прошу звезду “восстановить” лица. Тяжёлое решение, но я его принимаю — восстанавливать я буду не всех сразу, а для начала наименее пострадавших членов рода.

Одно лицо почти исчезло, оно представлено грязным овалом, и я не представляю, сколько сил нужно влить, чтобы спасти этого человека. Дело не в том, что я не хочу помочь, я боюсь, что артефакта на всех не хватит, а значит самые тяжёлые случаи отправляются в конце очереди. И я даже для отца не сделаю исключения, не выдвину его из середины списка вперёд.

Полагаю, мне нужно будет навестить звезду завтра…

Закрыв тайник, я покидаю ритуальный зал. Гведо меня почему-то не ждёт снаружи. Я возвра-

щаюсь в вестибюль, но там уже никого. И сумку утащили. А в сумке, между прочим, приглашение на тёмный приём, который, как я успела глянуть, пройдёт в Костяном дворце Чертогов Смерти. Это приглашение, которое я готова позволить увидеть пусть даже родне.

— Юджин! — вниз сбегает Юрита. — Мы правда будем жить здесь? Леди Мей сказала, что выделила нам жилые, а не гостевые комнаты.

— Да, Юри, мы остаёмся в столице, — киваю я. — Проводишь к маме?

Я хочу не столько проверить, как её устроили, сколько попросить помощи. Сейчас, когда я внезапно стала главой рода, мы вполне можем полагаться на финансы рода, но мне не нужны упрёки в жадности, не нужны разговоры, что первое, что я сделала, получив власть — запустила руку в казну и накупила дорогущих тряпок. Опять же, деньги рода это не личные деньги, и за них нужно отчитываться. Я не обеднею, если обналичу один из векселей. Тем более мне обещали долю от добычи в землях Гельдернов. Пусть мне выделят крошку, это всё равно будет приятно для кошелька.

С ведением хозяйства я не дружу, а вот мама… После переезда хозяйство вела экономка, но ма-

ма, насколько я помню, живо интересовалась тратами и часто засиживалась с книгой учёта, училась. Пожалуй, я даже могу отдать маме один из векселей, он ведь всё равно на предъявителя, и не важно, кто именно пойдёт в банк.

— Дочка?

— Как ты, мам?

Она пожимает плечами:

— Юджи, почему мы в крыле основной ветви?

— Разумеется, потому что мы теперь основная ветвь, — хмыкаю я.

— Как?

Я в ответ улыбаюсь, притягиваю к себе счастливую сестрёнку и излагаю маме проблему покупок, которую хочу на неё взвалить. И если Юри просто радуется будущим обновкам, то мама хмурится:

— Дочка, разве мы можем себе это позволить?

— Определённо, да.

— Хорошо… Я верю тебе, Юджин.

Мама намекает на то, что я выбрала Тьму? Я благодарно улыбаюсь. Мне кажется, если бы герцогиня Флойтская узнала, что одна из её дочерей связалась с запрещённым культом, она бы не только не поддержала дочь, но и сдала бы её светлому храму. А моя мама даже отговорить меня не пытается, лишь безоговорочно принимает моё

решение и доверяет мне.

Я начинаю чувствовать себя счастливой.

Ещё бы отец восстановился. Зная о проклятии, точившим его ещё задолго до моего рождения, я не могу винить папу за случившееся, но в то же время я не представляю, сможет ли мама не столько простить — простить легко — сколько принять его обратно и относиться к нему с прежним теплом. Они ведь были хорошей парой, но…

Но к чему думать о пустом, когда меня ждёт работа?

Как глава рода для начала я обязана знать всех своих родственников, а значит мне предстоит зазубрить десятки имён, а то и сотни имён, и не просто зазубрить, но и запомнить, кто кому кем приходится. А ещё прямо сейчас я должна выступить перед теми родственниками, кто проживает в доме и ещё сохранил хотя бы относительную вменяемость, отправить официальные послания ветвям, столицу покинувшим, пригласить их. Бездна, на что я подписалась?! Я толком не начала, а уже завидую Дариану, так удачно избавившемуся от головоной боли, которую по недоразумению называют местом главы.

А ещё приём у тёмной госпожи…

— Леди, — шепчет просочившаяся в кабинет

тень. — Поскольку у вас нет подходящего для сегодняшнего вечера наряда, я взяла на себя смелость подготовить его для вас. Вы не против, леди?

— Я буду очень признательна, — если наряд не окажется слишком экзотическим.

Примерять погребальное платье, снятое с какого-нибудь скелета, я всё ещё морально не готова. Меня успокаивает, что предлагать вещи с чужого плеча дурной тон, и он, вероятно, распространяется и на тех, кто ушёл за черту.

Тень, колыхнувшись, растекается серым облачком по столу:

— О, леди, уверена, вам понравится.

Звучит угрожающе.

— Юджин? — в кабинет входит Дариан. — Все, кого можно было собрать, ждут вас в зале.

— Спасибо, — я отодвигаю документы и поднимаюсь из-за стола.

Тень снова куда-то испарилась. Ну и правильно, Дариану ни к чему её видеть. Как и остальным Махаонам.

Я немного нервничаю. Хотя себе врать незачем — я очень нервничаю. И до сих пор удивляюсь, что Дариан безоговорочно принял моё главенство, хотя его объяснение более, чем логично: он признал несостоятельнось основной ветви,

годами не замечавшей проклятия. Но та же Мей… Мей признала меня на словах, но клятву верности приносить не стала.

Может, потребовать? Причём не только у Мей, а у всех?

В зале всего семь человек, считая Мей и Юриту. Маму не пригласили — она по крови не Махаон.

Собравшиеся прекрасно поместились бы в кабинете, но, пожалуй, Дариан прав — с возвышения в зале я буду смотреться внушительнее.

— Леди, вы позволите мне начать? — уточняет он.

— Да.

Показать преемственность важно.

Дариан подаёт мне руку, помогая подняться по ступенькам на возвышение, и мы встаём бок о бок. Я прохожусь взглядом по лицам стоящих внизу людей, и некоторых узнаю — их показала мне звезда. Эти люди пострадали меньше остальных.

— Сегодня я готов признать очевидное, — Дариан выдвигается вперёд на полшага. — Последние десятилетия раскидистое древо рода Махаон чахло и увядало. И если бы всё продолжилось так как идёт сейчас, то очень скоро наше дерево бы иссохло, и стало дровами для других родов.

Его заявление, будто упавший в озеро валун, поднимает волну. Вздохи, тихие шепотки, кто-то первый возражает в полный голос, и в зале начинается бардак какого-то совершенно базарного спора, в котором не участвует только один мужчина, стоящий отдельно от других.

— Мой господин, вы сказали “иссохло бы”. Значит ли это, что наше дерево не иссохнет?

Глава 36

В зал возвращается тишина, а взгляды вновь обращаются к нам.

— Причиной вырождения стало проклятие, наложенное на наш родовой артефакт. Обстоятельства этого удара по нашему корню только предстоит выяснить, но прямо сейчас гораздо важнее, что леди Юджин смогла не только снять проклятие, но и полностью очистить артефакт и восстановить защиту. Также я свидетельствую, что родовое наследие перешло к леди Юджин, и артефакт признал леди Юджин нашей главой.

— Что?! — вскидывается какая-то нетерпеливая блондинка, стоящая поблизости от Мей.

— Разве… леди Юджин не из боковой ветви, уехавший жить в провинцию?

— Я понимаю, что проклятие сказалось на ваших умственных способностях, кузина Мия, но не настолько же? Леди Юджин глава, отныне это вы боковая ветвь, — прерывает Дариан.

Он поворачивается ко мне, опускается на одно колено и повторяет слова клятвы, и магия вновь отзывается, подтверждает клятву.

Не дав никому опомниться, вперёд выходит Мей. Она в отличии от брата не опускается на колено, она, как обычная леди, исполняет глубокий реверанс и тоже клянётся мне в верности и преданности. Правда, с оговоркой, что она клянётся, пока является частью рода Махаон, клятва потеряет силу после того, как Мей вступит в брак в другую семью или иным образом покинет род.

Меня устраивает…

Если честно, от неё поддержки я не ожидала.

За Мей клятву добровольно приносит мужчина, обращавшийся к Дариану как господину. За ним — девушка, очень похожая на него. Дочь, наверное. И на ней желающие резко заканчиваются. Остальные переглядываются, топчутся, а одна леди с благородной сединой в высоко собранных волосах и вовсе демонстративно разворачивается и направляется к выходу из зала.

Правильно Дариан выбрал место. Из кабинета строптивая леди выскочила бы в мгновение, а сейчас у меня есть время показать, кто я и что из себя представляю.

Лично мне не особенно и нужна клятва. Если я кому-то не нравлюсь, то не вижу причин навязываться — пусть отправляются в свободное плавание, в какое когда-то отправили нас. Но как

глава я не могу позволить леди из боковой ветви столь открыто и показушно мной пренебрегать.

— Леди, вам придётся вернуться, — окликаю я.

— Неужели? — она даже не думает остановиться или повернуть головы.

Зал, где мы собрались, не ритуальный, но тоже обладает защитой.

Я усмехаюсь и вспоминаю детскую сказку, которую когда-то рассказывала мне одна из тётушек. Хм, а я ведь её сегодня не видела. Её тоже попросили покинуть дом, или тётушки уже не стало? Она была в преклонных летах…

Сказку о золотом фениксе мне рассказывала только она, и теперь я думаю, что это было частью семейных преданий, которые… стоит воспринимать буквально.

Я мысленно тянусь к наследию, и меня не просто охватывает золотое сияние — за моей спиной распахиваются иллюзорные крылья. Защита на дверях послушно вспыхивает золотой вязью, замок щёлкает.

Леди прибавляет шагу, пробует распахнуть створки и, получив в ладонь фейерверк золотистых искорок, с вскриком отдёргивает руку, отшатывается.

— Как видите, — хмыкаю я. — Никто не покинет

зал без моего… дозволения.

Я взмахиваю золотыми крыльями.

И желающие принести мне клятву верности вновь находятся. И в этот раз вперёд выходит Юрита. Сестрёнка очень серьёзно на меня смотрит и даже обращается не как обычно, а официально:

— Госпожа глава…

— Юрита, поскольку вы ещё несовершеннолетняя, нет необходимости…

— Я уже не маленькая, госпожа глава, — возражает она и склоняется в реверансе. — Я, Юрита Махаон, клянусь главе моего рода Юджин Махаон в верности и преданности… до конца моих дней.

Юри! А замуж?

Если Юри станет магиней, проблемы не возникнет.

— Я принимаю вашу верность, Юрита, — отвечаю я.

Клятву приносят все, кроме строптивой седой леди. Она скрещивает руки на груди:

— А если я не желаю? — спрашивает она с вызовом.

Пфф!

— Вы вольны оставаться в здесь, сколько вам угодно, леди. Хоть пока не мумифицируетесь.

Потом вынесем.

— Я… поняла, госпожа глава, — она возвращается к возвышению, склоняется. — Я, Ламель Махаон, клянусь моей главе рода в верности и преданности до конца моих дней.

Один из вариантов клятвы, вполне приемлемый, учитывая, что рядом с собой терпеть эту леди я не намерена, а значит, служба изо всех сил мне от неё не нужна. Даже наоборот, чем клятва “легче”, тем лучше. Если на мага навесить слишком много привязок, то аура может не выдержать. Клятвы, которые я принимаю сейчас, отличаются, связь возникает не магическая, а родовая, и у меня есть поддержка звезды, однако злоупотреблять всё равно не стоит.

Я не тороплюсь отвечать, рассматриваю леди Ламель.

Можно подумать, что я её унижаю, заставляя стоять с низко опущенной головой дольше, чем необходимо, но это не так:

— Леди, вы действительно думали, что я не замечу, что ваша клятва пустышка? Если вы не умеете обращаться к своей крови, я помогу. Повторите клятву.

Золотой свет тянется от меня к ней, и мы оказываемся заключены в световой коридор.

Дрогнув, леди повторяет.

Я ощущаю её внутреннее сопротивление, но теперь оно бессмысленно, и слабая связь всё же возникает. Связь настолько слабая, что я уверена — леди очень скоро освободится от клятвы, которую я продавила силой, но… Пусть хоть завтра освобождается, мне хватит и пяти минут.

— Вы удовлетворены, госпожа глава? — со злостью спрашивает Ламель, выпрямляясь, и гордо расправляет плечи.

— Леди Ламель. Властью главы рода и вашей госпожи, я приказываю ответить полно и правдиво. Это вы прокляли наш родовой артефакт?

Её лицо уродует гримаса чистой ненависти, сменяющейся страхом, и Ламель, борясь с собой, зажимая себе рот руками, всё равно не может не ответить, и против её воли из её рта вырывается:

— Да, я.

Я смотрю на неё…

Страх в её глазах гаснет, его вытесняет ненависть. Ламель опускает руки и с вызовом поднимает голову, на её губах расцветает усмешка превосходства. Ламель будто облегчение испытала от того, что ей больше не нужно ни сдерживаться, ни притворяться.

Мне Ламель чужая, а кровное родство настоль-

ко дальнее, что, если бы не действие родового наследия, о нём можно было бы забыть. Но вот для остальных Ламель родной человек, которому доверяли. Особенно тяжело оказывается сестре Дариана.

— Тётя?! Только не ты… Ты говоришь что-то не то, — Мей мотает головой, отказываясь принимать реальность. — Почему?

Ламель усмехается:

— Потому что вы стали оковами на моих ногах. Неужели не ясно? Вы все помеха. Я всего лишь хотела выйти замуж за Ренда Гельдерна и жить счастливо, но прошлый глава мне не позволил. Неужто все забыли тот скандал? О, мне пришлось действовать так, как я действовала. Вы меня вынудили, потому что, только избавившись от вас, я смогу воссоединиться с моим Ренди. И теперь уже не важно, сняли вы проклятие или нет, — смеётся она. — Вы слабы, и Гельдерны, в отличии от вас они настоящая семья, где поддерживают друг друга, вырежут вас, как визжащих свиней. Мы с Ренди наконец-то будем вместе.

У-у-у-у… Узнаю в ней себя. Смотрю как в кривое зеркало. Я ведь тоже сходила с ума по Лоуренсу. У Гельдернов какой-то особой талант?

— Ничего подобного, — хмыкаю я. — Рада со-

общить, что родовые земли Гельдернов были атакованы культом Даро. И нежить ваших Гельдернов разгромила на голову.

По-моему, в глазах родственников я одной фразой приобрела ещё больший вес. По крайней мере Дариан, вероятно, всерьёз воспринявший угрозу вторжения, выдыхает с заметным облегчением.

Ламель застывает. Теперь уже она не готова принять реальность:

— Ложь! — выкрикивает она в гневе и хватается за кольцо. — Ренди!

Она подносит камень к губам настолько быстро, что никто не успевает её остановить, выкрикивает его имя раз за разом. Её зов такой отчаянный, что даже меня пробирает. Невольно хочется пожалеть, хотя какая жалость может быть к той, кто разрушила и погубила десятки жизней.

Ответа Ламель не получает и как подрубленная опускается на пол, её руки безвольно падают. Ламель медленно поднимает голову, и меня поражает, каким пустым и безучастным стал её взгляд.

— Дариан, — начинаю я.

Хочу сказать, чтобы Ламель проводили в её комнату и заперли. Мне придётся с ней что-то делать, но пусть не прямо сейчас. Пусть сего-

дняшний день остается праздником избавления от проклятия, хорошим счастливым днём.

— Его нет, — меня заглушает исступленный крик Ламель. — Его больше нет! Ренди мёртв. Это ты его убила?!

Нашла виноватую, ага. И ведь зерно истины в её словах есть. Нежить ведь не сама по себе дорогу проложила.

Ламель вскидывается, и на её ладонях расцветает предназначенная мне ветвистая смерть — насыщенно-красная с фиолетовыми проблесками молния.

— Нет! — Дариан реагирует первым и попросту закрывает меня собой, выставляет щит.

Но молния так и не срывается с рук Ламель. К багряно-фиолетовым отсветам примешивается золотой свет, и Ламель… оказывается буквально парализованной. Надёжнее любых цепей её держит только что данная мне клятва верности.

Ламель не в силах причинить мне прямой вред, и её молния взрывается в её же руках. Алое зарево поднимается к самому потолку и также быстро стихает. Можно сказать, что это был прощальный фейерверк — на полу осталась лишь горсть пепла, а Ламель… ушла к своему Ренди. У неё действительно есть шанс найти его в Чертогах Смерти.

В зале тихо.

Я спускаюсь с возвышения, но не ухожу молча, а останавливаюсь перед пеплом:

— Вероятно, теперь уже мы никогда не узнаем, предала нас Ламель или пала первой жертвой хищного коварства Гельдернов. Для нас жизнь продолжается, а для неё всё кончено. Покойся, Ламель.

Вот теперь я отпираю дверь и первой направляюсь к выходу.

Я успеваю дойти до середины коридора, когда сзади на меня налетает Юрита:

— Юджи, я так испугалась! — всхлипывает она и повисает у меня на шее, ещё и запрыгнуть пытается. А ведь ей не пять лет, в смысле весит Юри как взрослая.

Крепко обняв, я успокаивающе глажу её по спине. Нехотя Юри отпускает меня. Я легонько щёлкаю её по носу:

— Чего ты испугалась? Скажу тебе по секрету, это я тут самая страшная.

Юри несмело улыбается, но улыбка вянет, и Юри очень серьёзно смотрит на меня:

— Юджин, она хотела тебя… убить.

— Хотела. Но не смогла. Юри, так бывает, что люди пытаются друг друга ограбить, убить.

Поэтому ты всегда должна помнить о своей безопасности и быть осторожной. Хорошо?

— Ты тоже.

— И я тоже, — соглашаюсь я.

Я провожаю Юри до комнат и… сдаю маме, сбегаю, сославшись на дела, а на самом деле мне просто хочется оставшееся до ужина время полежать в тишине наедине с собой, дать себе передышку, потому что после ужина меня ждут торопливые сборы и торжественный приём у тёмной госпожи.

Возможно, я увижу Диана…

Глава 37

Платье?! На краю моей кровати скомкана светло-серая тряпочка, не иначе. Неужели тень поиздевалась? Я раздеваюсь до белья и разворачиваю комок. Ткань струится, словно она соткана из жидкого шёлка, и она восхитительна. Я никогда ничего подобного не видела. Даже не подозревала, что такая ткань вообще может существовать.

Тень висит тёмной дымкой в углу:

— Шёлк из нити священных пауков, обитающих на плато горя. Хочешь услышать печальную историю о том, как люди стали пишей пауков?

— Нет, не хочу.

— И верно, потому что светлая версия лжива насквозь. Горе несправедливо погибавших, их проклятия и молитвы о справедливости слились в клубки, из которых вышли пауки. Они вышли, когда не плато уже не было живых.

Пока тень рассказывает, ткань буквально льётся вверх по моим рукам, добирается до плеч и стекает вниз. Платье рождается прямо на мне, оно словно вылепляется из шёлка как из текучей

смолы. Возникает странное ощущение, и я понимаю, что нательное бельё с меня сваливается, его заменяет новое шёлковое, а ещё на ногах появляются туфельки. Шёлк затекает в волосы и вплетается тонкими лентами.

Поразительно…

— Кто придумал это платье? Не пауки же, — спрашиваю я у тени.

— Леди… В комнате всего двое обладателей способности к воображению, вы и я. Идея платья принадлежит не вам. Так чья же она?

Подчёркивающее талию и почему-то ключицы, оно нежное и дерзкое одновременно. Оно мне бесконечно идёт. Пожалуй, я никогда не смотрелась в зеркало с таким удовольствием, как сейчас. Кружево на лифе плавно расходится, и широкая юбка ниспадает крупными фалдами. Я быстро поворачиваюсь, и юбка раскручивается вместе со мной, поднимается, но нижний слой закрывает ноги, и никто не увидит больше, чем следует.

— Спасибо, — искренне благодарю я.

— Ваш облик незавершён, леди. Не хватает украшений.

На руках перчатки, поэтому можно обойтись без колец и браслетов. На шее мамин кулон со спрятанной в зеркальном тайнике бусиной

крови Диана и снимать его я не буду. Остаётся… надеть серьги. Среди украшений, которые мне достались, пара серёжек есть. Простенькие, но на контрасте с роскошным платьем они вполне играют.

— Спасибо, — повторяю я.

— Желаю вам хорошо провести время, леди Юджин. Прощайте, я рада была вам помочь, — тень тает. — Возможно, однажды наши дороги вновь сойдутся.

Она покидает меня?

Жаль…

Может, решиться и попросить себе ручное привидение?

Время отправляться. Я подхватываю пригласительную карточку и вывожу цепочку рун, открывающих тёмную тропу. Название точки выхода записано алфавитными рунами в самой карточке, так что с этим проблем нет.

За время моего отсутствия в резиденции не должно произойти ничего плохого, верно?

Пространство расходится, и я ступаю на тропу. Серое марево колышется, изнанка волнуется, и я подозреваю, что где-то поблизости меня может дожидаться монстр, от которого мы бежали. Я прибавляю шагу.

Ещё никогда открытая тропа не была такой длинной. Окружающая серость кажется бесконечной, и из-за цвета платья я с ней словно сливаюсь. Шлейфом за мной струятся вздохи, охи, стоны. Бесплотный призрак подступает совсем близко и что-то шепчет, слов не разобрать.

Я иду дальше, теряю счёт шагам и минутам. Тропа начинает казаться бесконечной, а впереди не только не видно просвета, но и наоборот, марево темнеет, сгущается.

В прошлой жизни я читала про Костяной дворец. Если верить описывавшей его тёмной жрице, дворец правильнее называть башней, и располагается он не в Чертогах Смерти, а на по центру моста, соединяющего мир живых и мир мёртвых, таким образом прийти во дворец могут абсолютно все. Костяным же его назвали… нет, не за то, что он сложен из костей. На строительство, по заверениям жрицы. пошёл чёрный гранит. Костяной порошок использовался для отделки вместо краски.

Тропа меняется, под ногу ложится каменная плита. Серое марево редеет, только светлее на становится, но взгляду открывается простор, и я понимаю, что оказалась на легендарном мосту. Он огромный! Широченный, на таком не один

дворец поместится.

Кроме меня никого.

Дворец белеет впереди. Я оглядываюсь назад, но мост теряется в сером тумане. Проверять, куда я по нему выйду, я, естественно, не буду. А вот к краю моста подойти любопытно, ведь жрица так и не написала, что внизу, под мостом. Может, сама Бездна?

Я осторожно опираюсь на парапет. Ограждение таке же внушительное, как и мост, так что упасть я не боюсь. Приподнявшись на цыпочки, я пытаюсь дотянуться до края, чтобы выглянуть.

— Леди, это же опасно. Что вы делаете?

— Диан?!

Я мигом забываю про любопытство, оборачиваюсь.

Камзол из бархата насыщенного винного оттенка. Передо мной мой лорд.

— Приветствую вас, леди, — Диан держится отстранённо.

— Какая неожиданная встреча. Добрый вечер, лорд.

— Отнюдь. Мне поручили вас встретить и сопроводить, леди.

— Вот как?

Диан склоняет голову и прижимает ладонь к

груди. Да уж, между нами будто стеклянная стена. Я отвечаю на поклон реверансом, и Диан подаёт мне локоть. Я опираюсь на его руку. Получается, на приёме Диан будет моим сопровождающим? Сердце радостно подпрыгивает, но радость быстро тает, потому что Диан шагает с таким видом, словно он идёт один, а меня рядом нет.

Я помню, он говорил про обязательства, и хочу верить, что Диан холоден ко мне не потому что разочаровался во мне, а потому что скован обстоятельствами. Я смотрю на него, и Диан ловит мой взгляд. Его губы искривляются в горькой усмешке:

— Леди, я не свободен, — выдыхает он с болью.

— Но…

— Не нужно, Юджин. Я дал обещание. Прости.

Снова он…

Почему он не хочет сказать больше? Настаивать и требовать я не в праве, у нас не те отношения. Хах, на самом деле то, что между нами есть, вообще, наверное, нельзя назвать отношениями.

Мне следовало спросить тень или… Что толку думать об упущенных возможностях? Сейчас всё, что я могу — это ловить мгновение. Моя рука лежить на его, Диан невольно подстраивается под мой шаг, а я не тороплюсь.

Мне хочется рассказать ему о том, что я больше не провинциальная леди, а глава рода. Но разве это не будет выглядеть так, словно я хвастаюсь и выставляюсь, набиваю себе цену? Поэтому я молчу. И задаюсь вопросом, почему именно Диан стал моим сопровождающим. Он ведь явно не сам вызвался, его отправили. Хотела бы я знать, кто и зачем.

Молчание становится тягостным.

— Могу я полюбопытствовать, что вас связывает с культом Даро, лорд?

Диан оборачивается ко мне.

Не рад моему вопросу?

— Если вы ждёте захватывающую историю, леди Юджин, то, увы, ничего подобного. Частью культа Даро был ещё мой пра-прадед, — он хмурится. — Моя мама тёмная жрица, леди. Кем я ещё мог стать? Тьма, вонзив в кого-то свои когти, не отпускает легко.

Диан меня предупреждает?

— Для меня тьма стала спасительной.

— Да. Но точно также для кого-то она стала катастрофой.

Дворец приближается, и разговор как-то сам собой увядает. В молчании я больше не чувствую неловкости, но какое-то гнетущее давление рож-

дает в душе смутное беспокойство, а Диан, ещё недавно спокойно поддерживавший разговор, вновь отмораживается.

Мы поднимаемся по белоснежным ступеням. Я касаюсь стены — чувствуется, что поверхность крупчатая. Сообразив, что трогаю истёртые в порошок кости, отдёргиваю руку. Хотя… Почему кости трогать нельзя, а носить кожаные сапоги можно?

Обязанности церемониймейстера выполняет менестрель, закутанный в неизменный потрёпанный дорогой плащ. Менестрель мне не знаком — я учусь различать нежить. При нашем приближении Певец касается струн, и мелодия уносит его тягучий напев:

— Леди Юджин Махаон с сопровождающим.

Диана почему-то даже упоминания не удостаивают.

Огромный зал размерами потрясает воображение. Изнутри дворец гораздо больше, чем виделось снаружи, и ковровая дорожка приводит нас в бальный зал к восхитительной мелодии, рождённой ещё одним менестрелем. Ноги сами просятся в танец. По залу уже кружатся пары: полупрозрачные призраки, скелеты, живые люди. Больше всего пар смешанных…

Диан увлекает меня к колонне. Танцевать не приглашает, и я разочарованно вздыхаю.

— Леди, — завершить фразу Диан не успевает.

Мелодия стихает, и менестрель объявляет:

— Белый танец. Леди приглашают, — заигравшая задорная, полная веселья и буйства звуков музыка больше похожа на гимн жизни, чем на сопровождение бала Смерти.

Глядя на Диана, я понимаю, что он хочет извиниться и сбежать, предоставив меня самой себе.

Нет, я против.

— Лорд, — я склоняюсь перед ним в реверансе. — Позвольте вас пригласить? Что бы ни было в будущем, этот танец…

Диан подаёт мне руку, и мы выходим в круг танцующих. Кажется, мы будем чуть ли не единственной парой живых. Диан легко подхватывает меня и увлекает в музыкальную круговерть. Мелодия быстрая, и я едва успеваю касаться пола мысками, отчего кажется, что я лечу, а волшебная музыка окрыляет словно по-настоящему. Другие пары, детали интерьера — всё сливается в яркий калейдоскоп узоров. мелькающий перед глазами. Диан почему-то предпочитает вращения, и я почти не вижу его самого, лишь ощущаю его руки, его поддержку, и у меня от восторга сбивается

дыхание, а сердце бьётся так часто, что я действительно боюсь, что оно выскочит из груди. Диан хочет довести меня до головокружения? У него отлично получается.

Мелодия ускоряется, Диан закручивает меня чуть ли юлой.

Я опрокидываюсь, и Диан удерживает меня от падения. Мелодия стихает.

— Спасибо за танец, Юджин, — шепчет он.

А я не могу ответить, потому что тону в его глазах.

Сладкое мгновение действительно мгновение, Диан помогает мне выпрямиться, удерживает под руку, оберегая от настоящего падения и уводит к одному из диванчиков.

— Это было восхитительно, — улыбаюсь я.

— Уже отличаете пол от потолка? Голова сильно кружится?

— Я в порядке, Диан.

— Рад слышать. С вашего позволения я откланяюсь, леди Юджин. Прошу меня простить, — он снова отмораживается. Поклон в его исполнении резкий, дёрганный.

Диан, чеканя шаг, скрывается за колоннами, а я лишь провожаю его растерянным взглядом. Я недостаточно пришла в себя, чтобы окликнуть

его. Я устало прикрываю глаза и откидываюсь на подголовник.

Я не знаю, сколько времени проходит.

В какой-то момент приходит ощущение чужого присутствия, и я открываю глаза. Рядом со мной остановился… Лоуренс. Вот уж всем сюрпризам сюрприз. Что он здесь делает? Никогда бы не подумала, что его пригласят. Хотя… Не знаю, как призраки переодеваются, но на Лоуренсе лакейская униформа. Да уж, из блестящего столичного лорда в низшего слугу… Чутьё мне подсказывает, что это только начало. В пучину унижения и кошмара Лоуренса будут погружать постепенно.

Его взгляд… Ненависть мешается с бессилием, и Лоуренс отвешивает мне низкий поклон:

— Леди, тёмная госпожа приглашает вас.

— Проводи, — Лоуренс не в том положении, чтобы гадить. Уверена, что он действует по приказу, а значит, опасаться нечего.

Я поднимаюсь.

— Юджин, — отчаяние прорывается в его голос, Лоуренс впивается в меня взглядом с фальшивым обожанием, — ты же заберёшь меня отсюда? Госпожа предлагала тебе… ручное привидение.

Присмотревшись, среди лакеев я замечаю и второго Гельдерна, Кристена.

Глава 38

Ни Лоуренс, ни Кристен мне рядом не нужны. Не знаю, стоит ли отвечать. Пожалуй, мне… любопытно — Лоуренс действительно не понимает или по-прежнему считает меня круглой дурой? Он так пыжится, изображая восторг. В своих потугах он просто смешон, даже сыграть достоверно не может. Не устаю поражаться, где были мои глаза.

Я чуть поворачиваю к нему голову. Лоуренс, ложно воодушевившись, аж светиться начинает. В буквальном смысле — становится ярче. Но даже так сквозь него по-прежнему виден бальный зал и проносящиеся мимо пары.

— Я бы могла спасти тебя отсюда, Лоуренс. Ты это имеешь в виду? — спрашиваю я доброжелательно.

— Да, Юджин.

— Короткая же у тебя память, Лоуренс.

Он выцветает, но всё ещё мерцает надеждой:

— Юджин, я люблю тебя. Я признаю, что на эмоциях повёл себя в отношении тебя недопустимо. Но разве я не наказан за свою ошибку?

Позволь мне искупить свою горячность, принося пользу тебе.

— Хм. Лоуренс, разве дело в том, что ты меня оскорбил и насильно притащил в свой дом? Ещё до вмешательства твоего кузена ты собирался сделать мне ребёнка, чтобы потом твои старшие родственники не позволили малышу родиться. Кто-то жадный до чужой силы захотел получить наследие Махаон. Да, Лоуренс? Как там его звали, Ренди или Регги Гельдерн? Тот самый, который обещал моей тётушке жениться, если она наложит на наш родовой артефакт проклятие?

Лоуренс теряет краски, становится серым и почти прозрачным.

До него наконец дошло, что очаровывать меня бесполезно. Дальше он провожает меня молча.

— Кажется, этот слуга позволяет себе непочтительное отношение к гостям тёмной госпожи? — рядом появляется леди в очень пышном платье, про такие говорят платье-торт. Синие пятна на белой как бумага коже не оставляют сомнения, что леди не из живых.

— Это было забавно, — пожимаю я плечами.

Я получила ответ на свой вопрос. Всё Лоуренс понимает, просто у него совсем нет совести. Чем он меня приворожил? А Ренд — тётушку?

— Возможно, его всё же следует наказать? — предлагает леди. — Например, вышвырнуть во тьму. Правда, долго ему блуждать неприкаянным не придётся, ночные чудовища разорвут его и поглотят очень быстро.

Лоурнес становится совсем уж прозрачном, на едва угадываемом лице легко читается настоящий ужас.

— Юджин, — я не слышу, угадываю по шевелению губ.

— Меня не заботит, — отмахиваюсь я.

— Госпожа ждёт, — леди с готовностью меняет тему и взмахом расползающегося от старости и тлена веера отсылает Лоуренса прочь.

Меня приглашают в небольшую гостиную.

Уютная комната устроена для чайных посиделок: в центре круглый столик к нему вплотную приставлены мягкие кресла. Роль официанта исполняет менестрель.

Столик накрыт, госпожа уже устроилась в левом кресле, причём забралась с ногами, болтает босой стопой и ни капли не смущается своего хулиганского вида. Но именно так, наверное, и может вести себя та, в чьих руках мощь, способная сокрушать города и страны.

Я приветствую богиню поклоном. Госпожа

может быть непринуждённой, я же всё равно должна соблюдать этикет до тех пор, пока мне не предложат забыть о правилах.

— Юджин, к чему эти ужимки? Присаживайся и угощайся.

— Отрава, госпожа? — я послушно сажусь.

— Отнюдь, Юджин. Стала бы я травить дорогую гостью? Очень хороший чай, особый сорт, так что смелее.

Правда в том, что если она захочет меня отравить, не важно, соглашусь я попробовать или нет, она отравит.

— Вы правы, госпожа, вкус восхитительный.

— Хочешь о чём-то спросить? — предлагает она, и я под её взглядом чувствую себя… птичкой, за которой наблюдает кошка.

Начинать с личного будет ошибкой.

— Я должна передать, что союза с вами ищет светлая Кирин. Богиня оказала мне услугу и рассчитывала, что я не забуду упомянуть об этом перед вами.

— Какая скука, — фыркает тёмная госпожа и резко подаётся ко мне. — О, кстати! Я не видела у тебя кулона раньше. Позволишь взглянуть, Юджин?

Говорить о Кирин она не захотела. Собственно,

о чём говорить? Сообщение я передала ещё раньше, когда получала приглашение.

Прежде, чем я успеваю ответить, госпожа протягивает руку, и кулон вместе с расстегнувшейся цепочкой стекает ей в ладонь.

Неожиданный интерес.

Если бы кулон достался мне как реликвия рода Махаон, я бы не удивилась, но кулон всего лишь семейная памятная вещица. Неужели мамина линия тоже не так проста, как я привыкла считать? Госпожа открывает крышку и бесцеремонно извлекает из зеркального тайнка бусину крови.

Мда…

Потеряв интерес к кулону, госпожа его откладывает, а вот к бусине демонстративно принюхивается, но, думаю, на самом деле она определила, чья кровь ещё до того, как сняла с моей шеи кулон.

Возражать бесполезно.

— Диан не знает, — зачем-то признаюсь я.

— Рядом с тобой мальчик допускает ошибку за ошибкой. Ты в курсе, что он приходил ко мне и просил спасти тебя из лап Гельдернов любой ценой?

У меня сердце подпрыгивает. Я получила подтверждение тому, что и так знала — Диан в меня

влюблён.

Я начинаю догадываться…

— И вы взяли с него плату? Обещание?

— Верно! — богиня хлопает в ладоши, ухитряясь сохранять бусину зажатой между мизинцем и безымянным пальцем. — Диан создал для меня из живущей в его сердце тьмы обручальное кольцо. Вот.

Не знаю, откуда именно она вытягивает чёрный матовый ободок. Крутанув его между пальцами, она запускает кольцо крутиться волчком по столешнице. Я провожаю его взглядом. Хочется взять, но… Нельзя.

Тёмная госпожа дразнит или действительно собирается привязать Диана к себе?

Желание богини…

У меня мороз по коже.Я наконец понимаю, что имел в виду Диан, говоря об обязательствах. Ради меня он отдал себя культу со всеми потрохами, и теперь…

Что нам делать теперь?

И каково ему будет узнать, что просить за меня не имело смысла, просто потому что тёмная госпожа не упустила бы возможности уничтожить Гельдернов, они для неё как кость в горле.

Она усмехается и ловит кольцо.

Зажимает в кулаке жестом фокусницы.

Я поднимаю чашку к губам и смакую чай. Что ещё остаётся? Показать выдержку, показать умение держать себя в руках. А ещё… думать. Госпожа хочет, чтобы я попросила кольцо себе? Хочет предложить сделку? Может быть, она хочет, чтобы я приняла Тьму?

— Впечатляет — признаю я. — Я читала, что материализовать тьму может только очень сильный маг.

— Кроме силы, есть ещё одно условия. Нужно испытывать очень яркие эмоции. Представляешь, как Диан хотел тебя спасти, раз у него получилось? Я бы могла оставить его себе, — она говорит и про кольцо, и про Диана. — Но мешать влюблённым было бы слишком жестоко, верно? А ещё самую капельку несправедливо, поэтому обручальное кольцо станет моим тебе подарком. Раз уж ты не захотела ручное приведение, забирай живого.

Она очаровательно улыбается и погружает бусину крови в ободок кольца. Издали может показать, что кольцо украсилось рубином. Сочетание матового чёрного и глянцевого багрянца… смотрится вызывающе, но в то же время притягательно.

Впрочем, не будь это брачное кольцо Диана, мне было бы всё равно.

Шёлк на моих пальцах утекает по ладони вверх, перчатки превращаются в митенки, пальцы открываеются, и госпожа берёт меня за руку, лично надевает мне на палец кольцо.

— Вы…

— Объявляю вас мужем и женой, — хмыкает она удовлетворённо. — Можете поце… А, нет, по причине отсутствия молодожёна поцеловаться вы не можете.

Ободок отзывается теплом и плотно обнимает палец.

— Я… Погодите, мы что вот так действительно теперь женаты?!

— Юджин, я богиня смерти, а не любви. Ты же не ждала от меня романтики, верно? Всё, забирай своего мальчика и наслаждайся. Я очень за вас рада, дорогие. Мне очень льстит, что для заключения брака вы выбрали мой культ.

Ха…

Они подмигивает.

На самом деле:

— Я благодарна вам, госпожа.

Видимо дурацкие свадьбы — моя судьба. Зато с женихом повезло, а это главное.

— Будьте счастливы в жизни и посмертии, — весьма своеобразно желает она и покидает гостиную.

Менестрель следует за ней, а я в комнате остаюсь одна. Перчатки сами собой восстанавливаются, скрывают кольцо. Я всё ещё сижу в лёгком оцепенении и невидящим взглядом смотрю на свои руки. Я думала иду на приём, а оказалась на собственной свадьбе.

Шутить госпожа умеет, у неё не отнять.

О!

Надо же Диану сказать! Я тут сижу, а он ведь наверняка почувствовал действие кольца и понял неправильно. Где мне искать… мужа? Наверняка можно с помощью кольца, но я пока не понимаю как, за пять секунд с артефактом не сродниться. Торопливо поднявшись, я выхожу в корид, оглядываюсь. Лакей, на сей раз не призрак, а скелет в ливрее, ждёт поблизости и без слов понимает, что меня нужно проводить в бальный зал к остальным гостям.

Уже на входе я интуитивно поворачиваю в галерею, где за частоколом колонн на первый вгляд никого. Я прохожу дальше, с каждым шагом ускоряя шаг. И галерея выводит меня на балкон. Диан стоит у парапета и вглядывается в серое

марево небытия.

Почувствовав моё появление он заметно вздрагивает, стискивает ограждение. Он тоже в перчатках, поэтому не увидеть, но я догадываюсь, как побелели костяшки его пальцев.

На миг меня охватывает страх, что Диан готов спрыгнуть прямиком в клубящийся дым, но он верен обещанию и медленно поворачивается.

— Дорогая супруга, — глухо здоровается он, поднимает взгляд. — Юджин?!

В мгновение Диан оказывается рядом, хватает меня за плечи, всматривается в моё лицо.

— Дорогой супруг, — улыбаюсь я.

— Это не шутка? Это правда ты, Юджин?!

Я подаюсь вперёд, обнимаю его за шею. Роста не хватает, я встаю на цыпочки. И прижимаюсь губами к его губам. Диан рвано выдыхает, объятия становятся почти удушающими. Диан подхватывает меня под колени и сажает на парапет, чтобы наши лица оказались вровень. Теперь уже он тянется ко мне и целует.

Нежно, страстно, головокружительно.

И краем сознания я цепляюсь за мысль, что где-то под нами разверзлась Бездна, чтобы не выпасть, стоит перебраться хотя бы к стене, но мысль приходит и уходит, потому что Диан

прижимает меня к себе, шепчет что-то ласковое, смысл сладких фраз ускользает, остаётся лишь интонация.

Я впервые чувствую себя любимой, и это восхитительное чувство, потому что Диан, ничего не требуя, просто дарит мне… себя, без остатка. Он помогал мне в резиденции герцога, заплатил собой за моё спасение от Гельдернов, и сейчас — я чувствую — он не наслаждается завоеванием, а дарит мне удовольствие, его волнуют мои ощущения, мои реакции, он готов остановиться в любой момент, если мне этого захочется.

— Диан… я скучала.

— Я тоже люблю тебя, Юджин, — шепчет он, совершенно правильно поняв, что я пыталась сказать.

— Люблю тебя, — повторяю я.

Балкон над Бездной не лучшее место для первой брачной ночи, к тому же на приёме в честь пробуждения тёмной госпожи…

Я не в силах оторваться, поэтому просто упираюсь лбом Диану в плечо и затихаю, и он щекочет дыханием за ухов, вновь шепчет нежности, едва касаясь, скользит кончиками пальцев по моей спине, и лёгкими невесомыми прикосновениями лишь разжигает страсть.

Я совершенно не понимаю, как мы оказываемся на другом балконе, тоже с видом на Бездну, но примыкающим не к открытой всем гостям галерее, а к закрытым покоям.

На полу ковёр, и на него летит бордовый камзол, а поцелуи вновь кружат голову.

Свадьба над Бездной всё же уникальна.

Мне мерещится, что нас с Дианом окутывает золотой свет…

Эпилог

Золотой свет восходящего солнца заливает балкон, я опираюсь на парапет, подставляю тёплым лучам лицо и невольно вспоминаю нашу с Дианом первую брачную ночь шесть лет назад. Тогда свет не был солнечным, а исходил от моей кожи и ощущался более густым…

Подумать только, прошло всего-то шесть лет, а событий на половину жизни хватит, и наша первая ночь кажется мне одновременно и такой далёкой, и близкой, будто всё случилось только вчера.

Счастливые воспоминания…

Я им улыбаюсь.

За шесть лет я утвердилась в кресле главы рода — когда я присоединила к землям Махаон павшие земли Гельдернов, дорогие родственники резко передумали оспаривать моё главенство. А я всего-то посоветовала им катиться в Бездну. Вслед за Гельдернами. И познакомила со своим ручным привидением, слава госпоже, не Лоуренсом, а очень милым… бывшим вором Патриком.

Поначалу было трудно, но благодаря помощи

Диана, мамы и Дариана, у меня получилось не только освоиться с хозяйством, но и взять уверенный курс на возрождение рода.

Многие боковые ветви согласились вернуться — казна рода снова платит за обучение юных талантов в Столичной академии магии, которую я, к слову, тоже закончила, став обладательницей диплома с отличием. Юрита — ей поступать в следующий сезон — грозится показать результат не хуже, потому что брата в учёбе я неожиданно для всех обогнала, и Юри не намерена отставать.

Вот до мужа мне далеко. Но я стараюсь! И однажды…

— Снова мечтаешь, как уложишь меня на лопатки на поединке? — Диан подходит неслышно и обнимает со спины.

— Мечтаю, — с лёгким вызовом соглашаюсь я.

Раз в неделю, мы устраиваем тренировку, которая неизменно заканчивается… моим поражением в зале и победой в спальне.

Диан тихо фыркает и целует меня за ухом.

Солнце поднимается выше и оттенок золота меняется, размывается.

Сегодня особенный день.

Сегодня свадьба. Только не моя, а мамина, и я, признаться, самую капельку завидую размаху

праздника. Больше семи сотен гостей, платье с пятиметровым шлейфом и, по слухам, нас ждёт даже поздравление, переданное от королевской семьи.

Но каким бы роскошным праздник ни был, я бы ни за что не согласилась променять нашу с Дианом неповторимую свадьбу на традиционную. Начать с того, что нас благословила богиня лично, пусть и своеобразно.

И привязала к своему культу… намертво. Так что в бескорыстной щедрости тёмную госпожу точно не обвинить. Она использовала слухи о том, что род Махаон принял её покровительство, как ступеньку, и за шесть лет культ Даро уверенно восстановил утраченные позиции. Пантеон Света наоборот распался, светлый Кенар и вовсе был… убит.

Маму и её избранника благословит жрец светлой Кирин, а вот играть на свадьбе будет тёмный Певец.

Отец… после продолжительного лечения сам предложил маме развод и добровольно вернулся в храм. Умиротворяющая атмосфера и размеренный образ жизни подействовали на состояние его разума благотворно, но, как и предупреждала Кирин, вести привычный образ жизни чиновни-

ка и аристократа он больше не сможет. И, увы, не только он. Отец Дариана и Мейджин по-прежнему глубоко болен, но кое-что хорошее недавно случилось — бывший глава рода начал узнавать своих детей и вполне осмысленно спрашивать, как они себя чувствуют, радоваться их успехам.

— Нам пора, — напоминает Диан.

Ритуал состоится ранним утром, мы встали засветло, и я уже в платье, Диан тоже при полном параде, в камзоле неизменного бордового оттенка. Я на контрасте выбрала небесный голубой, потому что, увы, парные наряды немного не наш случай.

Развернувшись в его объятиях, я целую мужа в губы и нехотя отстраняюсь:

— Да, пойдём.

Он улыбается, смотрит на меня с затаённой нежностью, как будто мы не шесть лет вместе, а пару дней, и подаёт мне руку.

Мамина свадьба состоится в саду столичной резиденции рода Махаон — весьма забавный казус, ведь ни мама, ни её избранник членами рода не являются, но для меня это не имеет значения, поэтому сад утопает в цветах, по ветру развеваются атласные ленты, уже звучат волшебные переливы лютни менестреля.

Мы с Дианом спускаемся одними из последних, и с мелодией сливается ясный голос менестреля:

— Леди Юджин Махаон-Ратти с супругом лордом Дианом Ратти-Махаон.

Так как я не вошла в род мужа, а Диан предпочёл сохранить статус наследника и однажды встать во главе своего рода, фамилии у нас двойные.

И продолжить нам предстоит обе линии… Впрочем, ограничиваться двумя детьми я точно не собираюсь, ведь Диан будет прекрасным отцом. Но пока думать о детях нам обоим рано.

Мелодия звучит громче, торжественнее.

Среди гостей я внезапно замечаю папу. Он здесь?! И пришёл? Поймав мой взгляд, отец кивает в знак приветствия и тепло улыбается. Выглядит… счастливым за маму? Хорошо, что он в порядке. Я радостно улыбаюсь в ответ, и мы с Дианом идём дальше, в первый ряд к увитому цветами алтарю светлой Кирин.

И жрец, и жених уже ожидают.

Жених мне нравится. Приятный парень, спокойный. Самое главное, мой призрачный шпион донёс, что, когда парень выбирает маме то конфеты, то цветы, то ещё какие-нибудь приятные мелочи, с его лица не сходит влюблённая улыбка. В магазине ему не перед кем притворяться, а зна-

чит, можно быть уверенной, что в своих чувствах он искренен.

— Невеста прибыла!

Под мелодию, журчащую как весенний ручей, мама появляется в проходе. Белое платье, белая фата, бесконечный кружевной “хвост”… На лице её избранника вспыхивает та самая улыбка.

Мама идёт по проходу одна, без сопровождения. Жених приветствует её поклоном, и мама исполняет грациозный реверанс.

— Светлого будущего брачующимся, — жрец поднимает короткий жезл с бриллиантовым навершием, и солнечные лучи, отразившись, эффектно разлетаются золотыми искрами.

Мелодия менестреля словно подхватывает их, и кажется, что искры начинают самый настоящий вальс.

Маленькое чудо…

— Светлого неба над головой, Огонь светлой Кирин, — приветствуют они жреца.

— Лорд, леди, с каким сокровенным желанием при свидетелях вы пришли к алтарю моей богини?

Вообще-то алтарь “пришёл”, но не будем придираться.

Первым отвечает жених:

— Я пришёл, чтобы при свидетелях просить руки леди Марсии Сорель. Я клянусь быть для супруги опорой и поддержкой, хранить верность, заботиться и любить.

Жрец поворачивается к маме.

— Я пришла, — отвечает она, — чтобы принять предложение и стать супругой лорда Лиона Кастисана. Клянусь быть для супруга опорой и поддержкой, хранить верность, заботиться и любить.

С навершия срывается целый сноп искр, и новобрачные оказываются в вихре золотой метели.

Внезапно украшающие алтарь цветы оживают, стебли вытягиваются, стремительно появляются и расцветают новые бутоны. Сперва кажется, что алтарь вот-вот будет погребён под разрастающимся стогом, но стебли вьются и сплетаются в человеческий силуэт. Фигура поворачивает голову, и раздаётся знакомый голос:

— Благословляю. Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловаться.

Светлая Кирин пришла лично.

Она снова поворачивает голову, я чувствую на себе её взгляд, но богиня ничего не говорит. Ощущение её присутствия исчезает, цветы рассыпаются, устилают живым ковром алтарь и

всё вокруг.

На гостей, а особенно на жреца, словно паралич напал. Спокойными остались разве что мы с Дианом. И менестрель, разумеется. Его мелодия становится ещё громче и словно пробуждает от ступора. Новоиспечённый супруг с нескрываемой робостью делает шаг вперёд и поднимает мамину вуаль.

Золотая метель кружится, танцует.

Мама обнимает нового мужа за шею, и поцелуй, поначалу нежный, “официальный”, уже мгновение спустя становится жарким, страстным.

Кажется, зрители в саду лишние…

Жрец пытается привлечь внимание покашливанием, но его просто игнорируют, и он сдаётся, обходит алтарь, спускается в проход и, беря на себя инициативу, приглашает гостей на молитву во славу светлой Кирин в холл резиденции.

— Никакого терпения, никакой серьёзности, — сердито бормочет он, топая мимо нас по проходу, но жрец скорее выбит из колеи явлением своей богини, чем по-настоящему зол. Иначе бы он не стал уводить гостей, “спасая” увлёкшихся молодожёнов.

Диан тихонько фыркает и придерживает меня за руку, чтобы утянуть в дальнюю часть сада, где

мы останемся только вдвоём. Он прав — зачем нам в холл, в толпу? Обязанности устроителей праздника я бессовестно скидываю на Дариана и Мей — наш с Дианом побег они видели и, уверена, поняли правильно.

Дорожка петляет и выводит к фонтану, притаившемуся в густой сирене, которая скроет нас не хуже каменной стены.

Музыка следует за нами, и вместе с мелодией приходит острый сумасшедший восторг.

Поддавшись какому-то совершенно детскому порыву, я, дурачась, запрыгиваю на бортик. Диан догоняет и кладёт ладони мне на талию, надёжно страхует. Глядя на меня снизу вверх, он откровенно любуется, и я на волне безудержного счастья раскидываю руки будто расправляю крылья, запрокидываю голову.

Уловив моё настроение, Диан легко поднимает меня вверх, даря ощущение влёта.

Конец